

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2024 Vol. 7 № 1 (23)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

"Caucasian Science Bridge" journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 15.07.2024. Подписано в печать 02.08.2024. Выход в свет 12.08.2024.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,56. Тираж 550 экз. Заказ № 9614.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верецагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ

Загирова Э.М.

Семейно-брачные отношения и демографические установки дагестанской семьи	10
---	----

Шахбанова М.М.

Исламский фактор в семейно-брачном поведении дагестанской молодежи	24
---	----

Шекера Е.А.

Факторы миграции молодежи периферийного региона (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге)	35
--	----

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Салогуб А.М., Старовойтов А.С.

Наука, бизнес, государство и общество как акторы развития социального партнерства в современных российских условиях (на примере ВТРК «Архыз»)	58
---	----

Ильиных С.А., Кальмуцкий В.О.

Управление карьерой судей: постановка проблемы на примере судей футбола	67
--	----

Рудковская А.Л.

Методологический конструкт исследования количественных показателей в муниципальном управлении	78
--	----

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Богданова О.В.

Влияние транспрофессионализма на развитие дополнительного образования в России	88
---	----

Чистяков А.В.

Осмысление опыта онлайн-обучения студентов медицинских специальностей (на примере Ростовского государственного медицинского университета)	96
--	----

Чилингарова Д.Н.

Теоретическая модель исследования мотивации старшеклассников в условиях онлайн-обучения	103
--	-----

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Назарьян И.Н.

Коллективная память об ирано-иракской войне (1980 – 1988 гг.) как средство конструирования иранской нации (на материалах армянской общины Ирана)	112
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Стойко О.А.

Влияние цивилизационного своеобразия российской ментальности на характер правовой культуры и правопонимания	122
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Казанцев О.А.

Концептуализации реформации:

методология менеджериализма versus «головокружение от критики»

(Рецензия на книгу: Богатырев, Д.К., Докучаев, И.И. (2023).

Провинциализация империи. Очерки истории образования

в постсоветской России. СПб.: Издательство РХГА)134

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ143

CONTENT

ECONOMIC SOCIOLOGY, DEMOGRAPHY AND MIGRATION

Zagirova E.M.

Marriage and family relations and demographic attitudes
of a Dagestan family 11

Shakhbanova M.M.

The Islamic factor in the marital behavior of Dagestan youth 25

Shekera E.A.

Factors of migration of peripheral region youth
(using example of Dagestan youth living in St. Petersburg) 35

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Salogub A.M., Starovoitov A.S.

Science, business, government and society as factors
of development of social partnership in modern Russian conditions
(on the example of Arkhyz ATRC) 59

Ilynykh S.A., Kalmutskiy V.O.

Referee career management: framing the issue using
the example of football referees 67

Rudkovskaya A.L.

Methodological construct for studying quantitative indicators
in municipal government 78

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Bogdanova O.V.

Influence of transprofessionalism on development
of additional education in Russia 88

Chistyakov A.V.

Reflection on experience of online education of medical students
(on the example of Rostov State Medical University) 96

Chilingarova D.N.

Theoretical model of research on motivation of high school students
in conditions of online learning 103

ETHNOSOCIOLOGY

Nazaryan I.N.

Collective memory of the Iran-Iraq war (1980–1988)
as a means of constructing the Iranian nation
(based on materials from the Armenian community of Iran) 112

SOCIOLOGY OF CULTURE

Stoyko O.A.

The influence of the civilizational uniqueness
of the Russian mentality on the nature
of legal culture and legal understanding 122

BOOK REVIEWS

Kazantsev O.A.

Conceptualizations of reformation:

the managerialism methodology versus “dizzy with criticism”

(Book review: Bogatyrev D.K., Dokuchaev I.I. (2023). *The Provincialization*

of the Empire. Essays on the education history in post-Soviet Russia. St. Petersburg:

Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy)134

INFORMATION FOR THE AUTHORS143

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67)+314.146(470.67)

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.1>

EDN EVGEFT

**Семейно-брачные отношения и демографические установки
дагестанской семьи****Эльвира М. Загирова¹**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия,
e-mail: elvirazagirova12@mail.ru**Аннотация**

Введение. Демографическая проблематика стала одной из ключевых на повестке государственной семейной политики, ибо наблюдающийся спад рождаемости, рост смертности и разводимости, появление новых моделей семьи логично отражаются на состоянии института семьи в целом. Традиционная дагестанская семья также подвержена изменениям, происходящим в институте семьи, наблюдается снижение рождаемости, на смену многодетной семье пришла двухдетная семья, имеют место деструктивные явления в семейно-брачной сфере, в частности появление нехарактерной для дагестанского общества полигамии, благодаря чему увеличивается количество неполных семей, существует ориентированность на карьерный тип семьи и т.д. В связи с этим изучение семейно-брачных отношений, причин, побуждающих вступать в брак, их приоритетности и отражения на демографическом поведении представляется актуальным, ибо позволит прогнозировать демографическое поведение.

Теоретическое обоснование. Фамилисты активно обсуждают семейно-брачные установки и их отражение на демографическом поведении. Возросшее внимание научного сообщества к одному из аспектов социологии семьи обусловлено преобразованиями института семьи, появлением новых моделей брака (сожитительство, которое именуется гражданским браком, распространение среди последователей ислама полигамии), внебрачной рождаемостью, увеличением возраста вступающих в брачный союз, ориентированностью на малодетность.

Методы. Предметом исследования выступают семейно-брачные установки дагестанского населения и их отражение на демографическом поведении. Социологический опрос проведен в 2024 г. в дагестанских городах (Дербент, Кизляр, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Левашинский, Хасавюртовский), $N = 647$. Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом: а) пол: мужчины 301 чел. (46,5%), женщины – 346 чел. (53,5%); б) семейное положение: замужем/женат – 303 чел. (46,8%), разведен(-а) – 167 чел. (25,8%), холост (не замужем) – 177 чел. (27,4%); в) возраст: 18–25 лет – 154 чел. (25,3%), 26–35 лет – 189 чел. (28,2%), 36–50 лет – 167 чел. (24,2%), старше 50 лет – 137 чел. (22,3%); г) образование: среднее – 249 чел. (38,5%), среднее специальное – 213 чел. (32,9%), высшее – 185 чел. (28,6%); д) отношение к религии: верующий – 552 чел. (85,3%), неверующий – 43 чел. (6,6%), колеблющийся – 52 чел. (8,1%).

Результаты и их обсуждение. Исследование показывает, что аргументами регистрации брачного союза для опрошенного дагестанского населения являются религиозный фактор, эмоции, рождение детей в законном супружеском союзе. Полученный эмпирический материал показывает векторы развития демографического поведения дагестанского населения, отношение к полигамии, во-первых, как к возможности для женщины стать матерью, во-вторых, как к способу решения проблемы одиночества. В целом в массовом сознании подавляющей части населения имеет место характеристика полигамии как отрицательного явления с доводом о ее деструктивной роли. Обозначенные респондентами намерения супружества показывают приоритетность мотивов и существование отличий по социально-демографическим параметрам. Семейно-брачные установки должны учитываться при разработке демографической политики.

Основные положения:

- для легитимизации брачного союза ключевыми установками выступают исламские предписания наряду с эмоциональным компонентом (чувство любви) и рождением детей. Явно выраженных отличий мотивации по гендерной, возрастной, религиозной принадлежности, образовательному статусу респондентов не выявлено;
- брачные установки определяются не возрастом, а готовностью партнеров к супружеству, хотя комфортным считается интервал 19–25 лет;

– для опрошенных не имеет существенного значения такой социальный параметр, как этническая принадлежность брачного партнера: наблюдается толерантное отношение к супружеству сына с представительницей иной этнической общности по сравнению с межнациональным союзом дочери.

Ключевые слова: дагестанская семья; репродуктивные установки; семейно-брачные отношения; демографическое поведение; дети; супруги; полигамия; межнациональный брак.

Для цитирования: Загирова Э.М. (2024). Семейно-брачные отношения и демографические установки дагестанской семьи. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 10–23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.1>.

Marriage and family relations and demographic attitudes of a Dagestan family

Elvira M. Zagirova¹

¹Dagestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences,

Makhachkala, Russia,

e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Abstract

Introduction. Demographic issues have become one of the key issues on the agenda of state family policy, because the observed decline in the birth rate, an increase in mortality, divorce, and the emergence of new family models logically affect the state of the family institution as a whole. The traditional Dagestani family is naturally subject to changes taking place in the family institution, there is a decrease in the birth rate, a two-child family has replaced a large family, destructive phenomena in the family and marriage sphere take place, in particular, the appearance of polygamy, which is not typical for Dagestani society, due to which the number of single-parent families increases, there is a focus on the career type of family. In this regard, the study of family and marital relations, the reasons for marrying, their priority and reflection on demographic behavior seems relevant, because it will allow predicting demographic behavior.

Theoretical justification. Family members actively discuss marital and family attitudes and their impact on demographic behavior. The increased attention of the scientific community to one of the aspects of the sociology of the family is due to the transformations of the institution of the family, the emergence of new models of marriage (cohabitation, which is called civil marriage, the spread of polygamy among followers of Islam), illegitimacy, fertility, an increase in the age of those entering into marriage, and a focus on childlessness.

Methods. The subject of the study is voluntary childlessness and its assessment by the Dagestani population. The problem of “childfree” was touched upon as part of the study of the demographic behavior of the Dagestani population. The sociological survey was conducted in 2024 in the cities (Derbent, Kizlyar, Makhachkala, Khasavyurt) and districts (Botlikh, Derbent, Levashinsky, Khasavyurt) of Dagestan, $N = 647$. The research method is a mass standardized survey. The distribution by socio-demographic parameters of the respondents is as follows: a) gender: 301 men (46,5%), 346 women (53,5%); b) marital status: married – 303 people (46,8%), divorced – 167 people (25,8%), single (not married) – 177 people (27,4%); c) age: 18–25 years – 154 people (25,3%), 26–35 years – 189 people (28,2%), 36–50 years – 167 people (24,2%), over 50 years – 137 people (22,3%); d) education: secondary – 249 people (38,5%), specialized secondary – 213 people (32,9%), higher – 185 people (28,6%); e) attitude to religion: believer – 552 people (85,3%), unbeliever – 43 people (6,6%), hesitant – 52 people (8,1%).

Results and its discussion. The study shows that the arguments for registering a marriage union for the surveyed Dagestani population are the religious factor, emotions, and the birth of children in a legitimate marital union. The empirical material obtained shows the vectors of development of the demographic behavior of the Dagestani population, the attitude towards polygamy, firstly, as an opportunity for a woman to become a mother, and secondly, as a way to solve the problem of loneliness. In general, in the mass consciousness, polygamy is characterized overwhelmingly as a negative phenomenon with the argument of its destructive role. The intentions of matrimony indicated by the respondents show the priority of motives and the existence of differences in socio-demographic parameters. Marital and family attitudes should be taken into account when developing demographic policy.

Main provisions:

- Islamic prescriptions along with the emotional component (feeling of love) and the birth of children are the key guidelines for legitimizing the marriage union. There were no pronounced differences in gender, age, religious affiliation, educational status of respondents in motivation;
- marital attitudes are determined not by age, but by the willingness of partners to marry, although the interval of 19–25 years is considered comfortable;
- for the respondents, such a social parameter as the ethnicity of the marriage partner does not matter significantly: there is a tolerant attitude towards the marriage of a son with a representative of a different ethnic community compared with the interethnic union of a daughter.

Keywords: Dagestan family; reproductive attitudes; marital relations; demographic behavior; children; spouses; polygamy; interethnic marriage.

For citation: Zagirova E.M. (2024). Marriage and family relations and demographic attitudes of a Dagestan family. *Caucasian Scientific Bridge*, 7 (1), p. 10–23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.1>.

Введение

В семейно-брачной сфере в глобальном масштабе наблюдаются сложные процессы, в частности утрата ценности семьи как таковой. Речь идет о том, что в западных государствах наблюдается разрушение семейных ценностей и отношений: в центре семейной политики этих государств находится статус людей нетрадиционной ориентации, навязывание ценностей и модели поведения последних окружающим. Поведение людей, не разделяющих эти установки, не желающих им следовать и отстаивать традиционные ценности, однозначно характеризуется как проявление нетерпимости и осуждается. Практически во всех социальных сферах ситуация дошла до того, что факторы расовой, гендерной принадлежности, а также сексуальной ориентации стали ключевыми параметрами общественной жизни – в политике, трудоустройстве, карьере и т.д. Более того, такая консервативная сфера, как религия, демонстрирует в отношении нетрадиционной сексуальной ориентации толерантное отношение, несмотря на недопустимость и осуждение в любом религиозном учении такой модели взаимоотношений. Католическая церковь в лице папы римского разрешает заключать однополый брачный союз. Иными словами, легализация ЛГБТ-сообщества, трансляции идеологии добровольной бездетности, изменение пола, усыновление однополых семьей детей, «оправдание» педофилии доводом «есть люди, которые любят детей» и т.д. – угрожают устоям традиционной семьи, имеют негативные последствия для института брака, рождаемости, а также национальной безопасности государства. К сожалению, сопротивляться этим деструктивным мировым тенденциям становится все сложнее. Поэтому обозначение на государственном уровне важности сохранения традиционной семьи и ее базовых положений представляется ключевым в обеспечении национальной безопасности Российского государства. Осознание значимости демографической безопасности требует обозначения ключевых положений, направленных на ее обеспечение. И таковым является Указ Президента РФ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 17 мая 2012 г., в котором определены основные приоритеты и направления демографической политики страны на среднесрочную перспективу (Указ Президента Российской Федерации..., 2012). В Указе Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» в качестве национальной цели обозначено «сохранение населения; здоровье и благополучие людей... повышение рождаемости; формирование мотивации к многодетности; увеличение ожидаемой продолжительности жизни; снижение смертности и уровня инвалидизации населения; профилактика профессиональных заболеваний» (Указ Президента Российской Федерации..., 2020).

Таким образом, на фоне происходящих в институте семьи трансформаций, угрожающих демографической безопасности государства, актуальным является исследование семейно-брачных установок и их влияния на демографическое поведение.

Теоретическое обоснование

В семейно-брачных отношениях в настоящее время наблюдаются существенные изменения, которые в разной степени отражаются на институте семьи в целом. Происходящие в институте семьи преобразования вызваны трансформацией ценности семьи, семейной жизни, брачного союза, рождаемости, детей, материнства. В це-

лом любой аспект, связанный с семейной сферой и браком, подвергается деструктивному воздействию. Примером является западный мир, семейная политика которого ставит под сомнение двухгендерность, где сформировалась своеобразная культура, которая под лозунгами защиты индивидуальных прав человека позволяет ему ассоциировать себя с животными, растениями, где традиционному обществу откровенно навязывается политика, поощряющая однополые отношения, педофилию, гей-парады, но при этом игнорируются права и интересы другой части общества, которая не желает принимать эти «ценности» и модель брачных отношений. Индикатором принадлежности к «цивилизованному обществу» стала свобода для представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. Как это соотносится с религиозным учением, исторически сложившейся моделью семьи у представителей разных этнических и религиозных общностей – вопрос, остающийся без ответа. Мы столкнулись с тем, что подавляющей части общества навязывается чуждая модель брачного поведения и ценностей. Естественно, появление инноваций в семейно-брачной сфере, нелинейность развития институтов семьи и брака вызывают дискуссии об изменении института брака, которые включают два критерия: «Первый критерий – деинституционализация брака: формальные и неформальные нормы и правила все в меньшей мере регулируют поведение. Второй критерий – собственно индивидуализация» (Гурко, 2017, 99).

Таким образом, преобразования в обществе закономерно отражаются на институте брака и поведении, возраст вступления в официальный брак повышается, люди, особенно молодое поколение, предпочитают жить в гражданском браке, не связывая себя никакими обязательствами со своим партнером; соответственно, снижается рождаемость: можно видеть распространение такого негативного явления, как добровольная бездетность (люди с гордостью произносят: «Я – чайлдфри»). Кроме того, распространяется внебрачная рождаемость, тревогу вызывают факты рождения детей несовершеннолетними, которые не имеют материальной базы, не понимают личной ответственности перед ребенком. На этой почве и совершаются преступления, когда отсутствие помощи и поддержки со стороны взрослых толкает молодую мать на противоправное действие (в лучшем случае детей отдают в детский дом, а могут и лишиться жизни). На фоне снижения веса традиционных ценностей распространение получает карьерный тип семьи, соответственно, «индивиды и семьи систематически отклоняются от институциональных семейных норм, чтобы приспособиться к нормам других институтов, таких как работа и образование» (там же, 117).

Семейно-брачные отношения затрагиваются в исследованиях мотивации вступления и возраста вступления в брак, рождения детей, появления новых моделей брака (сожитительство, полигамия) (Верещагина, 2022; Захаров, 2007а; Захаров, 2007б; Носкова, 2012; Ростовская, 2019; Ростовская, 2020; Ростовская, 2021; Синельников, 1989). Отечественные фамилисты в брачном поведении российского населения усматривают «повышение гетерогенности браков среди образованного слоя по критерию этнической/религиозной идентичности, гражданства, возраста, уровня образования и дохода. Такая тенденция, с одной стороны, может привести к смягчению межэтнической и социальной напряженности, с другой, к новым источникам конфликтов в парах и, следовательно, к нестабильности браков» (Гурко, 2019, 110).

Социально-экономические преобразования обусловили деструктивные тенденции в институте семьи, в частности рост безбрачия, разводимости, малодетности, чайлдфри и т.д. «Между тем, функция деторождения в судьбе женщины имеет фундаментальный характер» (Шелехов, 2009, 104).

Методология и методы исследования

Предметом исследования выступают семейно-брачные установки дагестанского населения и их отражение на демографическом поведении. Социологический опрос проведен в 2024 г. в дагестанских городах (Дербент, Кизляр, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Левашинский, Хасавюртовский), $N = 647$. Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. Распределение по социально-демографическим параметрам респондентов выглядит следующим образом: а) пол: мужчины 301 чел. (46,5%), женщины – 346 чел. (53,5%); б) семейное положение: замужем/женат – 303 чел. (46,8%), разведен(-а) – 167 чел. (25,8%), холост (не замужем) – 177 чел. (27,4%); в) возраст: 18–25 лет – 154 чел. (25,3%), 26–35 лет – 189 чел. (28,2%), 36–50 лет – 167 чел. (24,2%), старше 50 лет – 137 чел. (22,3%); г) образование: среднее – 249 чел. (38,5%), среднее специальное – 213 чел. (32,9%), высшее – 185 чел. (28,6%); д) отношение к религии: верующий – 552 чел. (85,3%), неверующий – 43 чел. (6,6%), колеблющийся – 52 чел. (8,1%).

Результаты исследования

В Дагестане в силу объективных факторов (исторически сложившая многодетность, полинациональность, религиозное мировоззрение, высокий уровень религиозности и т.д.) сложилась региональная специфика семейно-брачных отношений и демографического поведения. Представить добровольный отказ от рождения детей в дагестанской семье сложно, ибо вряд ли такая семья имеет перспективу существования. Брачный состав дагестанского населения приведен в табл. 1.

Таблица 1

Показатели естественного движения населения в январе-сентябре 2022 и 2023 гг.

Показатель	Количество человек			На 1000 человек населения, %		
	2023 г.	2022 г.	прирост (+) / снижение (-)	2023 г.	2022 г.	2023 г. в % к 2022 г.
Браков	5337	7006	-1669	2,2	3,0	73,3
Разводов	15 073	14 211	+862	6,3	6,0	105,0

Источник: Социально-экономическое положение..., 2023.

Необходимо отметить, что из года в год в Дагестане констатируется увеличение разводов: «За три года число разводов увеличилось в 2,5 раза. В течение девяти месяцев 2023 г. в Дагестане было зарегистрировано 15 082 развода» (Стали разводиться в 2,5 раза чаще..., 2023). Сравнение с 2021 г. показало, что в Дагестане на 1000 чел. приходится четыре брачных союза и три развода, т.е. «число разводов увеличилось на 205% по сравнению с таким же периодом 2021 г. При этом вне брака, что кажется немыслимым для Дагестана, родились 10 489 малышей. Тогда как брак заключили 4195 пар (и это на 37% меньше, чем в 2021 г.)» (Все ради пособий?.., 2023). Как известно, для мусульманских народов приоритетным является брачный союз, заключенный по исламским канонам, поэтому партнеры могут заключить шариатский брак и его не регистрировать. Выплаты на детей являются одной из причин оформления официального развода, при этом супруги могут проживать вместе, потому что по исламским канонам они находятся в браке.

Семейный статус и брачный возраст. В общественном сознании имеется понимание семьи как совместного проживания и хозяйства, рождения детей, при этом упускается из поля зрения психоэмоциональный компонент, который играет важней-

шую роль в сохранении семьи, разрешении семейных конфликтов и т.д. Семейное положение опрошенного дагестанского населения отражено в табл. 2.

Таблица 2

Распределение по семейному положению

Параметр	Замужем (женат)	Разведен(-а)	Холост (не замужем)
<i>Пол</i>			
Мужской	74,2	9,4	15,6
Женский	68,6	14,5	16,2
<i>Возраст</i>			
18–25 лет	42,4	1,1	55,4
26–35 лет	75,3	13,0	11,7
36–50 лет	76,5	19,8	4,3
Старше 50 лет	75,5	12,2	8,2
Всего	69,9	13,2	16,1

Приведенный в табл. 2 материал показывает, что подавляющая часть опрошенных имеет семью, при этом есть отличие по гендерной принадлежности (женщин, состоящих в брачном союзе, меньше в сравнении с мужчинами), по возрасту тоже наблюдается увеличение количества связанных брачными узами. Обращает внимание, что доля разведенных больше среди женщин и в возрастном разрезе 36–50 лет, никогда не вступавших в брачный союз – в интервале 18–25 лет. Здесь, видимо, играет роль тот фактор, что молодые люди ориентированы на получение образования, трудоустройство и только после этого вступление в брак.

В рамках изучения семейно-брачных установок важным представляется выявление брачного возраста, комфортного для респондентов. Ответы на вопрос «Как вы думаете, в каком возрасте молодые люди готовы к семейной жизни?» показывают преобладание в общественном сознании одной трети опрошенных дагестанцев суждения об отсутствии взаимосвязи между возрастом и готовностью создавать семью. Различия в процентах наблюдается по гендерной принадлежности, в мужской когорте таковых меньше по сравнению с женщинами – 32 и 39,2%, соответственно. Почти равные части состоящих (38,3%) и не состоящих в брачном союзе (41,2%) придерживаются позиции, что возраст не оказывает влияния на степень готовности к супружеству; с возрастом уменьшается доля разделяющих эту точку зрения с 46,7% в интервале 18–25 лет до 33,7% среди тех, кто старше 50 лет. Оптимальным возраст 19–25 лет для супружеской жизни считают 23,4% респондентов, среди них мужчин чуть больше (25,8%), чем женщин (22,7%). Доля отметивших этот возрастной разрез увеличивается с повышением возраста опрошенных с 17,4% в когорте 18–25 лет до 29,6% в когорте старше 50 лет, среди семейных процентный показатель больше (25,9%), чем в подгруппе не состоящих в брачном союзе (18,8%). С небольшой разницей с предыдущим суждением желательность заключения брака после 25 лет отмечена 21,2% по всему массиву, и таковых больше в интервале 36–50 лет (25,7%), в разведенной подгруппе (31,4%), среди неверующих (36,4%). Суждение «в брак надо вступать тогда, когда человек сам желает» ближе 11,7% респондентов, явно выраженных отличий по социально-демографическим параметрам не выявлено, за исключением подмассива никогда не состоявших в браке (16,5%). Таким образом, аналитика показывает отсутствие в установках опрошенных дагестанцев влияния роли возраста на вступление в супружеские отношения.

Что является мотивацией вступления в брачный союз? Данный аспект является важным при исследовании семейно-брачных установок дагестанского населения (рис. 1).

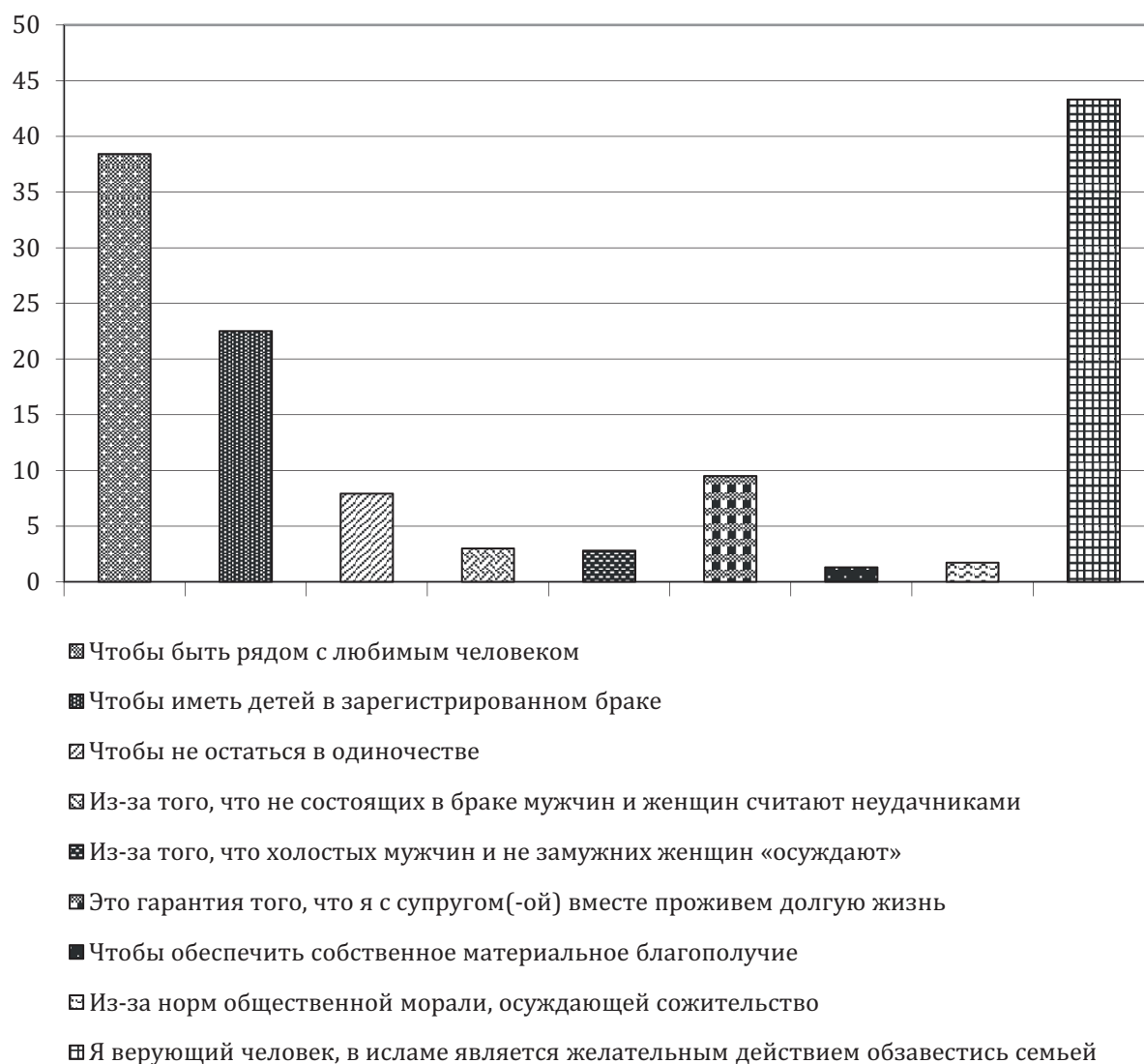

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «С какой целью вы вступили (вступите) в брак?» (%)

Полученный материал свидетельствует, что для респондентов по приоритетности важнейшим аргументом создания семьи являются не эмоции, любовь, симпатия и т.д., а именно исламский постулат, предписывающий иметь супруга(-у). Анализ в разрезе социально-демографических параметров показывает, что придерживающихся данной позиции больше среди женщин по сравнению с мужчинами – 44,3 и 39,5% соответственно. Во всех возрастных подмассивах каждый второй респондент придерживается этой точки зрения. По семейному положению можно отметить, что доля таковых больше в двух противоположных группах – 45,6% находящихся в браке и 45,9% не имевших опыта семейной жизни, в подмассиве разведенных – 31,4%. Данные через отношение к религии свидетельствуют, что среди верующих подчеркивающих необходимость следовать мусульманскому предписанию больше по сравнению с неверующими и колеблющимися – 45, 9,1 и 9,2%, соответственно. По значимости второе место среди побудительных мотивов супружеской жизни занимает суждение «быть рядом с любимым человеком» (одна треть по всему массиву), по гендерной принадлежности его разделяет заметно большая часть женщин (41,1%), чем муж-

чин (29,7%). Молодое поколение больше ориентируется на чувство любви, чем более старшие – 53,3% в разрезе 18–25 лет, 38,3% – 26–35 лет, 34,2% – 36–50 лет, 33,7% – старше 50 лет. Третье ранговое место занимает вариант ответа «чтобы иметь детей в зарегистрированном браке», отмеченный одной пятой частью по всему массиву, среди них 25% мужчин, 21,7% женщин. С возрастом и по семейному статусу респондентов увеличивается процентный параметр указывающих на важность рождения детей в браке: с 17,4% в когорте 18–25 лет до 28,6% в когорте старше 50 лет, с 18,8% никогда не состоявших в браке до 24% связанных брачными узами.

Фактор гомогенности и гетерогенности в семейно-брачных установках дагестанского населения. В рамках исследования была поставлена задача показать значимость определенных социальных характеристик в институте брака. Так, Р. Мертон подчеркивал, что «внешний брак означает или потерю члена своей группы в пользу другой, или включение в свою собственную группу таких людей, которые недостаточно подготовлены к восприятию ее ценностей, мнений и обычаев» (Мертон, 2006, 156). Для нас важной является национальная принадлежность брачного партнера и выявление отношения к межнациональному браку. В настоящее время дагестанская семья заметно отличается от той модели семьи, которая совсем недавно была «образцом», речь идет о распространении межэтнической брачности. В недавнем прошлом для Дагестана больше были характерны внутритухумные браки или же внутри одного поселения. Редко, особенно в сельской местности, встречались союзы с представителями другой национальной и религиозной принадлежности. Особенно строго правил брачного поведения придерживались в горной местности, где встречались случаи «детского обручения», когда родители уже при рождении детей договаривались об их будущем. Ситуация кардинально поменялась с появлением социальных сетей, в которых молодое поколение активно общается. Кроме того, на изменение брачного поведения, по нашему мнению, повлияло и смягчение ранее имевшихся установок, которые часто носили консервативный характер. Поэтому при изучении семейно-брачных установок представляется необходимым выявить отношение дагестанского населения к возможности вступления в межнациональный брачный союз их детей (дочери и сына). Прежде чем изложить авторский материал, необходимо отметить, что исследования М.М. Шахбановой констатировали консервативность дагестанцев в семейной сфере, причем автор показала, что наблюдается трансформация в отношении межэтнической брачности (Шахбанова, 2008).

В нашем авторском исследовании были заданы вопросы, позволяющие получить информацию об отношении дагестанского населения к межнациональным брачным союзам, которые имеют распространение в современном дагестанском обществе (рис. 2).

Аналитика показывает доминирование позитивной оценки межэтнического брака с доводом, чтобы соблюдались национальные традиции и обряды брачного партнера (одна треть). На второй позиции располагаются варианты ответов, отмечающих роль смешанного супружества в укреплении межнациональной толерантности (каждый четвертый), а также относительное безразличное отношение – «предпочел бы человека своей национальности, но возражать не стал бы» (одна четвертая часть). На первый взгляд складывается впечатление о превалировании положительно оценивающих экзогамию, однако более глубокий анализ свидетельствует, что при обозначении толерантности в брачных установках респонденты подчеркивают необходимость придерживаться элементов национальной обрядности, как правило, в основном этого требуют от супруги. Мы предполагаем, что такая установка есть проявление интолерантности, ибо изначально обозначается необходимость следовать определенным постулатам.

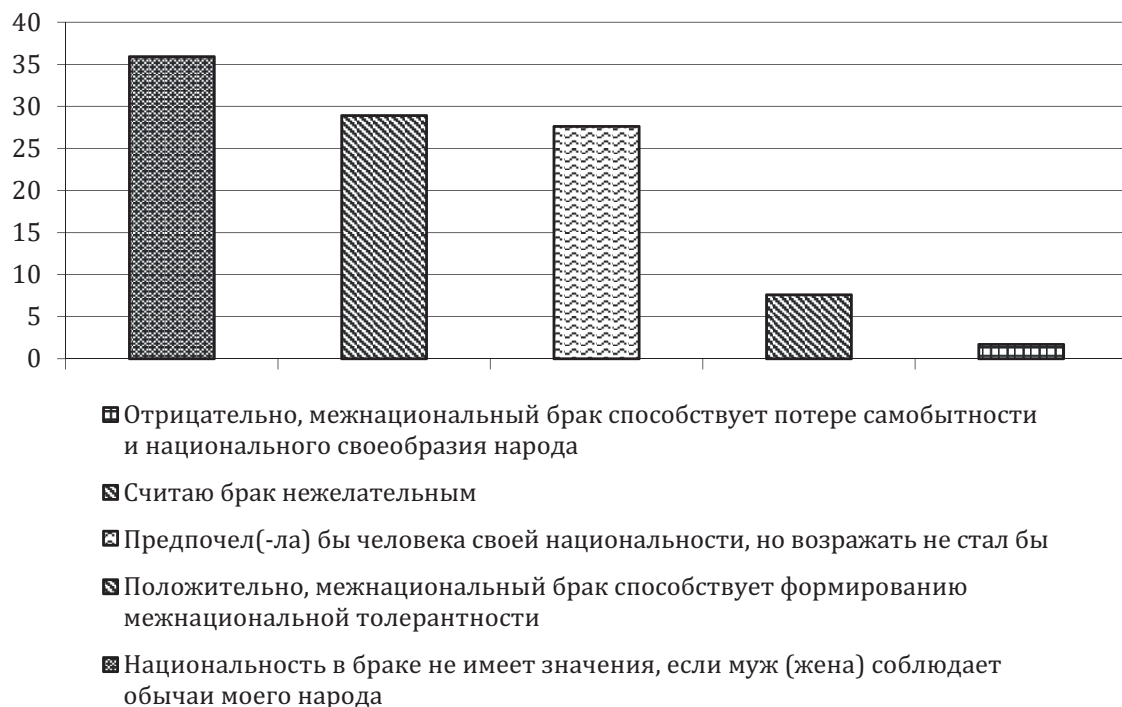

Рисунок 2. Оценка межнационального брачного союза родственников (%)

С целью получения глубокой информации в исследовании были заданы контрольные вопросы, показывающие отношение к заключению брачного союза детьми с представителями иной национальной группы (табл. 3).

Таблица 3

Оценка межнационального брака дочери/сына (%)

Параметр	Положительно		Отрицательно		Затрудняюсь ответить	
	Дочери	Сына	Дочери	Сына	Дочери	Сына
<i>Пол</i>						
Мужской	46,9	52,3	17,2	17,2	34,4	29,7
Женский	45,1	49,6	16,0	14,2	36,2	34,9
<i>Возраст</i>						
18–25 лет	63,0	66,3	12,0	9,8	21,7	22,8
26–35 лет	44,2	51,3	12,3	9,7	40,3	37,7
36–50 лет	41,2	41,2	18,7	18,7	39,0	39,0
Старше 50 лет	40,8	52,0	20,4	19,4	35,7	27,6
<i>Отношение к религии</i>						
Верующий	45,4	50,4	16,2	15,3	35,8	33,0
Неверующий	63,6	63,6	0	0	36,4	36,4
Колеблющийся	54,5	54,5	13,6	9,1	31,8	36,4
<i>Место жительства</i>						
Город	45,6	50,3	16,3	14,9	35,7	33,6
Село	40,4	48,1	23,1	18,8	32,7	31,7
Всего	45,6	50,3	16,3	14,9	35,7	33,6

Эмпирический материал показывает наличие в общественном сознании дагестанцев позитивного отношения к межнациональному браку дочери и сына, хотя доля таковых в отношении дочери меньше (каждый второй) при сопоставлении с сыном (чуть больше половины). Небольшая процентная разница имеет место в отрицательной оценке смешанного брака дочери и сына. По всему массиву одна треть опрошенных затруднилась выразить свое отношение к межнациональному браку, и, по нашему мнению, такой большой процентный показатель может быть по-разному истолкован: и как отрицательное восприятие, и как равнодушие. Анализ ситуации в брачной сфере позволяет придерживаться второй точки зрения. Однако анализ показывает, что с возрастом увеличивается доля негативно относящихся к смешанному браку дочери (с 12% в разрезе 18–25 лет до 20,4% в когорте старше 50 лет) и сына (с 9,8% разрезе 18–25 лет до 19,4% в когорте старше 50 лет) при одновременном уменьшении процентных показателей позитивно оценивающих такой брак. Анализ по территории проживания показывает, что отрицательно оценивающих смешанный брак в сельской местности больше по сравнению с городом. Таким образом, при в целом положительном отношении к брачному союзу с представителями иной этнической принадлежности доля затруднившихся обозначить свою позицию заметная.

Полигамия как брачная установка. Отмечено, что в современном дагестанском обществе распространение получило многоженство. Разумеется, полигамия неоднозначно оценивается разными социально-демографическими группами: мужчины апеллируют к мусульманскому учению, женщины в эмоциональном плане не готовы смириться с тем, что супруг имеет «вторую жену и семью». Часто данное обстоятельство является одной из причин разрушения семьи. Какое отношение к многоженству как брачной установке существует в общественном сознании дагестанского населения, отражено в табл. 4.

Таблица 4

Оценка полигамии (%)

Параметр	Вариант ответа				
	Положительно, это позволит улучшить рождаемость	Положительно, это позволит женщине иметь ребенка в законном с точки зрения ислама браке	Положительно, это поможет решить проблемы одиноких людей	Отрицательно, это может разрушить «первую семью»	Отрицательно, но если кто-то хочет иметь «вторую жену» – это его право
<i>Пол</i>					
Мужской	11,7	21,1	17,2	16,4	32,8
Женский	2,0	7,7	10,0	48,4	30,9
<i>Возраст</i>					
18–25 лет	9,8	7,6	10,9	35,9	35,9
26–35 лет	5,2	15,6	11,7	37,7	32,5
36–50 лет	2,1	10,2	14,4	40,1	29,4
Старше 50 лет	2,0	8,2	7,1	52,0	28,6
<i>Семейное положение</i>					
Замужем/женат	4,0	12,7	11,6	39,9	29,9

Окончание табл. 4

Параметр	Вариант ответа				
	Положительно, это позволит улучшить рождаемость	Положительно, это позволит женщине иметь ребенка в законном с точки зрения ислама браке	Положительно, это поможет решить проблемы одиноких людей	Отрицательно, это может разрушить «первую семью»	Отрицательно, но если кто-то хочет иметь «вторую жену» – это его право
Разведен (а)	5,7	12,9	14,3	40,0	25,7
Холост (не замужем)	4,7	2,4	9,4	43,5	43,5
<i>Образование</i>					
Среднее	8,5	15,5	12,7	33,8	28,2
Среднее специальное	3,4	12,4	10,1	41,6	33,7
Высшее	3,5	10,0	11,9	42,2	31,4
<i>Отношение к религии</i>					
Верующий	4,8	11,6	12,0	38,2	31,9
Неверующий	9,1	9,1	9,1	45,5	18,2
Колеблющийся	0	4,5	4,5	68,2	18,2
<i>Место проживания</i>					
Город	2,2	7,5	10,0	44,2	34,0
Село	7,7	16,3	14,4	35,1	27,4
Всего	4,3	11,0	11,7	40,6	31,4

В целом в общественном сознании дагестанского населения с большим перевесом преобладает негативная оценка полигамии. Доводы таковы: во-первых, полигамия является деструктивным явлением, ибо «может разрушить “первую семью”» (одна вторая часть респондентов), во-вторых, мужчина имеет право на такой шаг, но отношение отрицательное. Наша гипотеза о поощрении когортой верующих полигамии как допустимой в исламе эмпирикой опровергается: подмассив выступающих против многоженства усматривает в ней угрозу для семьи. Гендерный анализ показывает, что среди женщин по сравнению с мужчинами почти в три раза больше отмечающих разрушительный характер многоженства. В мужском подмассиве чуть больше указавших на право мужчины иметь «вторую жену». С возрастом доля таких увеличивается с 35,9% в разрезе 18–25 лет до 52% в подгруппе старше 50 лет, впрочем, как и по другому отрицательному суждению («если кто-то хочет иметь “вторую жену” – это его право»). Средний процент по положительным оценкам полигамии составляет 9%, и одна десятая часть респондентов указывает на возможность женщины «иметь ребенка в законном с точки зрения ислама браке» и на то, что это поможет решить проблемы одиноких людей. Одиночество – это острая социальная проблема, которая заслуживает самостоятельного исследования. Причин остаться в одиночестве может быть много: развод из-за отсутствия детей, потеря ребенка, а также то, что человек никогда не был связан с супружеством. Обращает на себя внимание тот факт, что желание иметь детей как «оправдание» многоженства демон-

стрирует возрастной разрез 26–35 лет – видимо, когорта, которая самореализовалась в профессиональном плане, но не имеет семьи. Потенциал многоженства в улучшении демографической ситуации отмечен одной девятой частью мужчин, в остальных анализируемых подгруппах процент статистически незначимый.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что для опрошенного дагестанского населения важнейшими аргументами вступления в брак являются, во-первых, предписания ислама, во-вторых, эмоциональный компонент (быть рядом с любимым человеком), в-третьих, рождение детей в статусе официальной супружеской пары. Необходимо отметить, что любовь как мотиватор супружества, несмотря на свою значимость в жизни человека, не всегда выполняет ключевую роль, более того, и не является цементирующим фактором: заключенные по любви браки – не гарантия долгой и счастливой супружеской жизни. Как правило, экономическое положение и материальное благополучие семьи оказываются решающими для сохранения семьи. В массовом сознании дагестанского населения межнациональный брак детей как установка семейно-брачных отношений рассматривается положительно, хотя имеет место и негативное восприятие. Явно выраженных отличий в оценке межнационального брака дочери и сына не выявлено. По мнению респондентов, межнациональный брак способствует, с одной стороны, взаимному обогащению этнокультур, с другой – эрозии национальной специфики.

Литература

- Верещагина, А.В. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения (итоги социологического опроса) / А.В. Верещагина, Э.М. Загирова // *Социологические исследования*. – 2022. – № 2. – С. 117–122. – <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>.
- Все ради пособий? Почему на Кавказе резко выросло число разводов. – URL: https://dag.aif.ru/society/gorko_zh_molodyh_pochemu_v_respublike_rezko_vyroslo_chislo_razvodov.
- Гурко, Т.А. Динамика брачных установок и планов студентов / Т.А. Гурко, В.С. Тарченко // *Социологические исследования*. – 2019. – № 7. – С. 102–113. – <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>.
- Гурко, Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия / Т.А. Гурко // *Социологические исследования*. – 2017. – № 11. – С. 99–110. – <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>.
- Гурко, Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи / Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 210 с.
- Захаров, С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России / С.В. Захаров // *Мир России*. – 2007а. – № 4. – С. 73–112.
- Захаров, С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату / С.В. Захаров // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. – М.: НИСП, 2007б. – С. 75–126.
- Мертон, Р.К. Социальная теория и социальная структура / Р.К. Мертон. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 873 с.
- Носкова, А.В. Семейная тематика в европейской социологии / А.В. Носкова // *Социологические исследования*. – 2012. – № 3. – С. 56–67.
- Ростовская, Т.К. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, О.А. Золотарева // *Научный результат. Социология и управление*. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 86–103. – <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7>.
- Ростовская, Т.К. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Н.А. Безвербная // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2019. – Т. 12, № 6.
- Ростовская, Т.К. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2020. – № 3. – С. 527–545.
- Синельников, А.Б. Брачность и рождаемость в СССР / А.Б. Синельников. – М.: Наука, 1989. – 101 с.
- Социально-экономическое положение Республики Дагестан в январе–октябре 2023 года. – URL: <https://rosstat.gov.ru/region/doc1182/>.

Стали разводиться в 2,5 раза чаще: в Дагестане озвучили статистику за три года. – URL: <http://runews24.ru>.

Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» от 17.05.2012 № 606. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070019>.

Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года» от 21.07.2020 № 309. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>.

Шахбанова, М.М. Отношение к межнациональным бракам в этническом сознании дагестанцев / М.М. Шахбанова // *Социологические исследования*. – 2008. – № 11. – С. 72–76.

Шелехов, И.Л. Репродуктивное поведение российских женщин / И.Л. Шелехов, Е.Н. Скрипачева // *Вестник ТГПУ*. – 2009. – № 2. – С. 104–107.

References

All for the benefits? Why the number of divorces in the Caucasus has increased dramatically. Available at: https://dag.aif.ru/society/gorko_zh_molodyh_pochemu_v_respublike_rezko_vyroslo_chislo_razvodov. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation “On measures to implement the demographic policy of the Russian Federation” dated 17.05.2012. No. 606. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201205070019>. (In Russ.)

Decree of the President of the Russian Federation “On the National Development Goals of Russia until 2030” dated 21.07.2020 No. 309. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>. (In Russ.)

Gurko T.A. New family forms: distribution trends and concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017; 11:99–110. <https://doi.org/10.7868/S0132162517110113>. (In Russ.)

Gurko T.A. Theoretical approaches to the study of the family. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2016. 210 p. (In Russ.)

Gurko T.A., Tarchenko V.S. The dynamics of students’ marital attitudes and plans. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2019; 7:102–113. <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>.

Merton R.K. Social theory and social structure. Moscow: AST: Guardian; 2006. 873 p. (In Russ.)

Noskova A.V. Family themes in European sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2012; 3:56–67. (In Russ.)

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Transformation of the image of the desired family model in different generations: results of an All-Russian sociological study. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2020; 3:527–545. (In Russ.)

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Bezverbnaya N.A. The state and prospects of family policy in Russia: socio-demographic analysis. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019; 12(6). (In Russ.)

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Motives for marriage: analysis through the prism of gender. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravleniye = The scientific result. Sociology and management*. 2021; 7(1): 86–103. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7>. (In Russ.)

Shakhbanova M.M. Attitude to interethnic marriages in the ethnic consciousness of Dagestanis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2008; 11:72–76. (In Russ.)

Shelekhov I.L., Skripacheva E.N. Reproductive behavior of Russian women. *Vestnik TGPU = Bulletin of the TSPU*. 2009; 2:104–107. (In Russ.)

Sinelnikov A.B. Marriage and fertility in the USSR. Moscow: Nauka; 1989. 101 p. (In Russ.)

The socio-economic situation of the Republic of Dagestan in January-October 2023. Available at: <https://rossstat.gov.ru/region/doc1182/>. (In Russ.)

They began to divorce 2.5 times more often: Dagestan announced statistics for three years. Available at: <http://runews24.ru/>. (In Russ.)

Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion (results of a sociological survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022; 2:117–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>. (In Russ.)

Zakharov S.V. The latest trends in family formation in Russia. *Mir Rossii = The World of Russia*. 2007; 4:73–112. (In Russ.)

Zakharov S.V. Transformation of marriage and partnership relations in Russia: the “golden age” of traditional marriage is nearing its end. In: *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenschiny v sem’ye i obshchestve = Parents and children, men and women in the family and society*. Moscow: NISP; 2007. P. 75–126. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.01.2024
Дата окончания рецензирования: 18.03.2024
Дата принятия к публикации: 28.03.2024

Информация об авторе

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Zagirova Elvira Makhachevna – Candidate of Sciences in Sociology, Junior Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, e-mail: elvirazagirova12@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67)

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.2>

EDN FTEMOQ

**Исламский фактор в семейно-брачном поведении
дагестанской молодежи****Мадина М. Шахбанова¹**¹Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. Постсоветский период Российского государства отметился религиозным возрождением, которое в настоящее время существенно укрепило свои позиции. Основанием для такого утверждения являются наблюдающиеся мощные религиозные процессы, особенно ярко проявляющиеся в регионах, население которых исповедует исламское учение.

Теоретическое обоснование. Современное дагестанское общество демонстрирует ориентированность на обозначение авторитета исламского учения и духовных лидеров, проповедующих внедрение в повседневную жизнь мусульманина положений о поведении и взаимоотношениях с окружающими, зафиксированных в Коране и Сунне. Свидетельством является увеличение количества религиозных зданий (мечетей), изменение облика мужчин и женщин, ношение ими мусульманской формы одежды, распространение полигамии.

Методы. Методологическую основу исследования составляет шкала социальной дистанции Богардуса, позволяющая выявить установки на межличностное взаимодействие в разных социальных сферах. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является дагестанская молодежь. Предметом исследования выступают религиозные установки дагестанской молодежи в семейно-брачной сфере. Место проведения опроса: г.г. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, а также Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%), $N = 510$.

Результаты и их обсуждение. Анализ семейно-брачного поведения дагестанской молодежи показывает существование в их массовом сознании негативного восприятия иноверца в статусе брачного партнера. Гендерный анализ показывает консервативность в позициях женской части в сравнении с мужской. Авторская гипотеза о влиянии уровня образования на формирование толерантного отношения к межрелигиозному брачному союзу эмпирическим материалом не подтверждается: подавляющая часть опрошенного молодого поколения дагестанцев не готова принять человека иного вероисповедания в статусе брачного партнера. Верификация эмпирики свидетельствует о доминировании позиции о недопустимости официального разрешения на многоженство.

Основные положения:

- для мусульманского населения всегда был приоритетным заключенный по исламским канонам брачный союз;
- дагестанская молодежь демонстрирует социальную дистанцированность в семейно-брачной сфере;
- дагестанская молодежь демонстрирует ориентацию на поддержание межличностного взаимодействия во всех социальных сферах, за исключением семейно-брачной.

Ключевые слова: семья; брачное поведение; верующий; дагестанская молодежь; исламские семейные положения; семейные ценности; семейно-брачная сфера; семейные установки.

Для цитирования: Шахбанова М.М. (2024). Исламский фактор в семейно-брачном поведении дагестанской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 24–34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.2>.

The Islamic factor in the marital behavior of Dagestan youth

Madina M. Shakhbanova¹

¹Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract

Introduction. The post-Soviet period of the Russian state was marked by a religious revival, which has now significantly strengthened its position. The basis for such an assertion is the powerful religious processes that are being observed, they are especially pronounced in regions where the population professes Islamic teachings.

Theoretical justification. Modern Dagestani society demonstrates a focus on the designation of the authority of Islamic teachings and spiritual leaders who preach the introduction into the daily life of a Muslim of the principles of behavior and relationships with others fixed in the Koran and the Sunnah. The evidence is an increase in the number of religious buildings (mosques), a change in the appearance of men and women, their wearing of Muslim uniforms, and the spread of polygamy.

Methods. The methodological basis of the study is the Bogardus scale of social distance, which allows us to identify attitudes towards interpersonal interaction in different social spheres. An empirical study was conducted in 2023 by random selection. The object of the study is Dagestan youth. The subject of the study is the religious attitudes of Dagestan youth in the family and marriage sphere. The place of the survey: Makhachkala, Derbent, Kizilyurt, Khasavyurt, Botlikhsky, Derbent, Kazbekovsky, Kizlyar districts. Distribution by socio-demographic parameters: a) gender: 249 men (48,8%), 261 women (51,2%); b) age: 15–17 years – 144 people (28,3%), 18–25 years – 173 people (34,0%), 26–35 years – 193 people (41,7%); c) education: incomplete average – 74 people (14,4%), average – 107 (21,0%), specialized secondary – 173 people (34,1%), higher – 156 people (30,5%); e) attitude to religion: a convinced believer – 198 people (38,8%), a believer – 273 (53,5%), hesitant – 25 people (4,9%), unbeliever – 11 people (2,2%), convinced unbeliever – 3 people (0,6%), $N = 510$.

The results and their discussion. An analysis of the marital behavior of Dagestani youth shows the existence in their mass consciousness of a negative perception of a gentile in the status of a marriage partner. Gender analysis shows conservatism in the positions of the female part, in comparison with the male. The author's hypothesis about the influence of the level of education on the formation of a tolerant attitude towards an interreligious marriage union is not confirmed by empirical material: the vast majority of the surveyed young generation of Dagestanis are not ready to accept a person of a different religion in the status of a marriage partner. Verification of the empiricist testifies to the dominance of the position on the inadmissibility of official permission for polygamy.

The main provisions:

- the marriage union concluded according to Islamic canons has always been a priority for the Muslim population;
- Dagestani youth demonstrates social distancing in the family and marriage sphere;
- Dagestani youth demonstrates an orientation towards maintaining interpersonal interaction in all social spheres, with the exception of family and marriage;

Keywords: family; marital behavior; believer; Dagestani youth; Islamic family conditions; family values; family and marriage sphere; family attitudes.

For citation: Shakhbanova M.M. (2024). The Islamic factor in the marital behavior of Dagestan youth. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 24–34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.2>.

Введение

Религиозное возрождение в целом, восстановление ранее разрушенных и строительство новых культовых зданий, появление различных религиозных сект, радикальных течений, религиозного экстремизма актуализировали вопрос изучения траектории конфессиональных процессов в современном российском обществе. Разумеется, наиболее интенсивно религиозные процессы протекают в регионах, исповедующих мусульманство, более того, мы являемся свидетелями вовлеченности молодого поколения в них. Даже поверхностный анализ показывает заметные изменения в социальном облике и поведении: например, наблюдается стремление молодежи следовать требованиям внешней атрибутики. Если несколько лет тому назад только-только начали приобщаться к исламской одежде, то в настоящее время процессы заметно

усилились: уже со школьной скамьи девочки носят хиджаб, хотя данная форма одежды не является присущей дагестанским женщинам. Тревогу вызывает латентное, а порой и демонстративное «разоблачение» руководителей учебных заведений, которые якобы против ношения хиджаба, запись диалога с ними и т.д. К сожалению, несмотря на светскость Российского государства, противодействия со стороны власти откровенному навязыванию исламских ценностей не наблюдается. Поэтому в рамках изучения религиозности дагестанской молодежи логичным является исследование выраженности в их общественном сознании принципов социальной дистанцированности, предполагающей установление «открытых» и «закрытых» сфер межличностного взаимодействия. Как правило, консервативной является семейно-брачная сфера, ее закрытость обусловлена объективными причинами, среди которых ключевым является сохранение целостности и самобытности этнической общности. Дети, рожденные в межнациональном браке, чаще всего оказываются оторванными от этнической культуры обоих родителей, что позволяет исследователям говорить об их маргинализации. Вместе с тем межэтническая брачность может сыграть важную роль в формировании межэтнической толерантности. Современное информационное общество, подверженное мощным глобализационным процессам, на первый взгляд, утрачивает национальную специфику: концепция плавильного котла, как известно, потерпела полный крах. Западное общество показывает, что мигранты, носители отличающейся от западной культуры, религиозных верований, моделей поведения, специфики взаимоотношений и т.д., изначально не были ориентированы на адаптацию, несмотря на проводимую в отношении них принимающим государством социальную политику. Мигранты стремились к самоизоляции, сохранению своего быта, традиций, более того, старались не терять связь с исторической территорией. Если обратиться к России, то гражданское общество выражает недовольство методами осуществления миграционной политики. Особенно сильно ситуация осложнилась на фоне проведения СВО, когда многие ранее замалчивавшиеся проблемы всплыли на поверхность и показали, что в миграционной политике допускаются грубые ошибки.

Таким образом, существование бытовой религиозности и возрождение ислама оказали огромное влияние на семейно-брачную сферу в том аспекте, что в Дагестане распространение получила полигамия, которая ранее не имела широкого распространения.

Теоретические основы исследования

Проблема полигамии широко начала обсуждаться на фоне исламского возрождения и распространения в мусульманских регионах данной модели брачного поведения. Среди фамилистов, изучающих полигамию, положение детей в полигамной семье, социальное самочувствие женщины, причины появления полигамии в настоящее время, отношение разных социально-демографических слоев к такой модели семейного поведения, можно выделить исследования З.М. Абдулагатова (Абдулагатов, 2012), С.С. Агашириновой (Агаширинова, 2008), Б.М. Алимовой (Алимова, 2008), О.П. Бибиковой (Бибикова, 2019), А.В. Верещагиной (Верещагина, 2012; Верещагина, 2014; Верещагина, 2022; Молодая семья..., 2016), М.Р. Габараевой (Габараева, 2020), С.Ш. Гаджиевой (Гаджиева, 1985), Э.М. Загировой (Загирова, 2022а; Загирова, 2022б; Загирова, 2022в; Загирова, 2022г), Г.М. Курбанова (Курбанов, 2007), С.Ш. Гаджиевой (Гаджиева, 1985), А. Терентьева (Терентьев, 2021), С.Т. Хапчаева (Хапчаев, 2019). Среди западных исследователей этой тематики А. Абу-Бакер (Abu-Baker, 1992), А. Аль-Кренави, Дж.Р. Грэм-мл. (Al-Krenawi, 1999; Al-Krenawi, 2006), М. Александр (Alexandre, 2007), М. Аль-Шарфи, К. Пфеффер, К. Миллер (Al-Sharfi, 2016), И. Кунчак (Kończak, 2018), Фор-

тунато, Арчетти (Fortunato, 2010), Д.В. Лоусон с соавт. (Polygynous Marriage..., 2015), Д. Хассуне-Филлипс (Hassouneh-Phillips, 2001) и др. Следует отметить, что в западной антропологии проблема полигамии, ее различные аспекты хорошо освещены. Выше перечислено лишь небольшое количество публикаций.

Разумеется, в современном обществе существуют разные оценки полигамии, но в полной мере можно согласиться с мнением А.В. Верещагиной, рассматривающей многоженство как «результат архаизации семейно-брачной сферы, под которой мы понимаем процесс возрождения в современной реальности семейно-брачных отношений и практик в прежних (архаичных) формах, сложившихся в прошлом в границах этнической культуры того или иного народа» (Верещагина, 2019, 513). Аналогичного мнения придерживается Э.М. Загирова: многоженство «можно охарактеризовать как деструктивное явление в семейно-брачной сфере современной дагестанской семьи» (Загирова, 2022в, 37).

Таким образом, можно утверждать, что институт многоженства был предметом исследования, но внимание к нему возросло на фоне исламского возрождения и увеличения числа женщин, находящихся в статусе «второй жены», а также позитивного восприятия полигамии в общественном сознании мужского населения с аргументацией к положениям мусульманства, допускающего иметь мужчине четырех жен.

Методология и методы исследования

Изучение брачного поведения дагестанской молодежи осуществлено с применением шкалы Богардуса, позволяющей установить предпочтительность сфер взаимодействия и степень социальной дистанцированности молодого поколения дагестанцев. Эмпирическое исследование проведено в 2023 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является дагестанская молодежь. Предметом исследования выступают религиозные установки дагестанской молодежи в семейно-брачной сфере. Место проведения опроса: г.г. Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, а также Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский районы. Распределение по социально-демографическим параметрам: а) пол: мужчины – 249 чел. (48,8%), женщины – 261 чел. (51,2%); б) возраст: 15–17 лет – 144 чел. (28,3%), 18–25 лет – 173 чел. (34,0%), 26–35 лет – 193 чел. (41,7%); в) образование: неполное среднее – 74 чел. (14,4%), среднее – 107 (21,0%), среднее специальное – 173 чел. (34,1%), высшее – 156 чел. (30,5%); д) отношение к религии: убежденно верующий – 198 чел. (38,8%), верующий – 273 (53,5%), колеблющийся – 25 чел. (4,9%), неверующий – 11 чел. (2,2%), убежденно неверующий – 3 чел. (0,6%), $N = 510$.

Результаты исследования

По нашему мнению, появление многоженства в Дагестане отрицательно сказалось на семейно-брачной сфере: не каждая женщина готова смириться и принять решение супруга иметь «вторую жену» и детей в параллельной семье. Часто причиной развода является именно полигамность мужчины, кроме того, к сожалению, отцы не принимают во внимание психологическое состояние не только супруги (здесь чаще всего превалирует полное безразличие), но и детей, которые могут эмоционально воспринимать наличие у отца другой «жены» и детей. В основе многоженства и его оправдания лежит тезис о его допустимости в исламском вероучении. Независимо от отношения к религии (верующий/неверующий), мусульмане (здесь имеется в виду культурная идентичность или культурная религиозность) многие обряды осуществляют в рамках исламских предписаний. И в настоящее время одним из проявлений, например, в брачной сфере дагестанцев является многоженство, и оно распространено не только в состоятельной прослойке дагестанских мужчин, но и среди не очень обеспеченных в материальном плане. Иными словами, возрождение определенной

модели поведения, основанной на мусульманском учении, требует выявления отношения респондентов к многоженству (рис. 1).

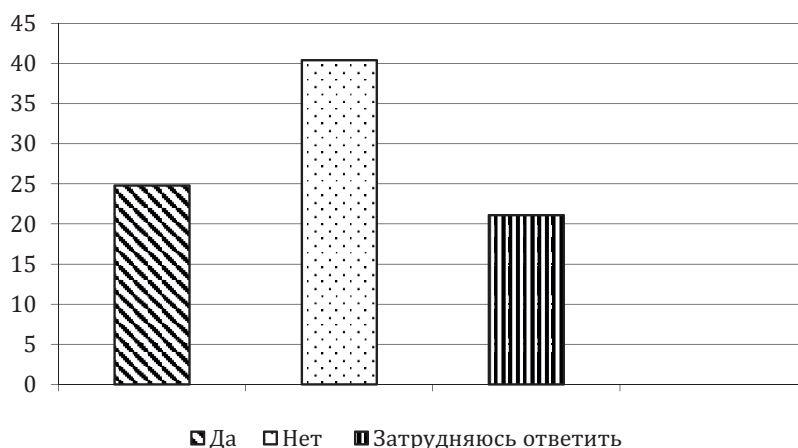

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос
«Как вы считаете, нужно ли официально разрешить многоженство в Дагестане?» (%)

По всему массиву превалирует недопустимость официального разрешения полигамии в республике (каждый второй). Анализ по гендерной принадлежности показывает почти двукратное превалирование выступающих против в женской подгруппе (больше половины опрошенных) в противоположность мужской (одна треть). Доля таковых с возрастом уменьшается с 45,3% в разрезе 18–25 лет до 28,1% в интервале 26–35 лет; на позиции респондентов заметно не отражается образовательный статус: в подгруппе респондентов с высоким уровнем образования доля противников чуть больше и варьируется почти в равных долях. Обращает на себя внимание, что против придания официального статуса полигамии выступают подгруппы убежденно верующих (32,7%), верующих (41,4%), в подмассивах колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих больше половины опрошенных – 63, 75 и 66,7% соответственно. Если позиция последних трех подмассивов поддается объяснению, то наличие в массовом сознании идентифицирующих себя как верующие и убежденно верующие такой точки зрения вызывает вопрос о соответствии обозначения опрошенными отношения к вере и отрицания одного из допустимых в исламе правил поведения. Доля утвердительно ответивших в 1,5 раза меньше – одна четвертая часть по всему массиву. Здесь выделяются мужчины, которых в три раза больше (34,2%) по сравнению с женщинами (10,8%). Обращает на себя внимание, что с возрастом увеличивается показатель выступающих за официальное разрешение многоженства: с 24,1% в когорте 15–17 лет до 43,9% в разрезе 26–35 лет; такая же картина и по образованию: наше предположение о влиянии образовательного уровня на обозначение своей позиции результатами исследования не подтверждается, наоборот, среди имеющих высшее образование 30,4% выступают за официальный статус полигамии в Дагестане, и меньше таковых в подмассиве со средним специальным образованием (19%). В разрезе отношения к религии одна треть убежденно верующих и 22,4% верующих позитивно оценивают разрешение полигамии, в подмассивах колеблющихся и неверующих доля существенно меньше (14,8 и 16,7% соответственно), т.е. здесь также прослеживается противоречивость в установках: независимо от отношения к религии в общественном сознании наблюдается как допустимость, так и недопустимость придания многоженству официально закрепленного статуса. Для последователей ислама, среди которых приоритетным является подтверждение брака по канонам мусульманства, статус многоженства, вернее, его официальное разрешение не будет иметь какого-либо значения. Состоящие в таком брачном союзе женщины ориентируются исключительно

на мусульманское учение, соответственно, считают себя полноправным членом семьи, впрочем, как и детей, рожденных в этом браке. Одна пятая часть респондентов по всей выборке затруднилась обозначить свою позицию в отношении статуса полигамии; сопоставление подмассивов показывает сравнительно большой процентный показатель в возрастных интервалах до 25 лет включительно, имеющих базовое среднее, среднее и среднее специальное образование, а также самоидентифицирующихся как убежденно верующие и верующие. Такая точка зрения показывает, что в дагестанском обществе преобладает отрицательное отношение к многоженству, естественно существование такой позиции в общественном сознании большого пласта дагестанских женщин и их неготовность принять решение супруга иметь «вторую жену» и детей, рожденных ею. Если можно «объяснить» поведение мужчины, который в первой семье не имеет детей, но по тем или иным причинам не хочет разводиться, а его решение иметь «вторую жену» обусловлено желанием продолжения рода, то недоумение вызывает поведение мужчины, который в первой семье имеет ребенка, и не одного. Может быть, здесь имеет место дань моде или же элементарное подражание брачному поведению многоженца. Косвенным подтверждением данного вывода являются результаты исследования З.М. Абдулагатова: «Одобрительное отношение к многоженству среди мужчин выражено почти в 5 раз больше, чем среди женщин (23,3% против 5,0%). Современные мусульманские лидеры Дагестана пытаются укрепить в исламском массовом сознании сакральный, следовательно, нравственный характер мусульманской полигамии. Тем не менее, результаты опроса в РД показали, что дагестанцы в целом отрицательно относятся к многоженству. Придерживающихся такой позиции в отношении многоженства среди женщин оказалось почти в два раза больше, чем среди мужчин (68,6% против 37,1%)» (Абдулагатов, 2012, 18).

Рассмотрение значения исламского учения в бытовом поведении мусульманина не будет полным, если не показать отношение молодого поколения дагестанцев к брачному союзу с иноверцем (рис. 2).

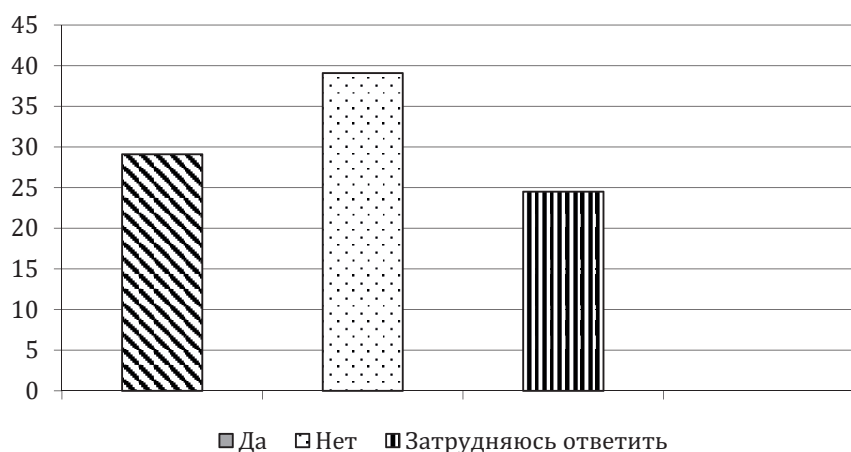

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Вы допускаете возможность заключения брака с последователем иного вероисповедания?» (%)

Прежде чем изложить данные опроса, необходимо отметить, что «мусульманке запрещено (х1арам) выходить замуж за иноверцев. Мусульманину запрещено жениться на язычницах или неверующих, но разрешен брак с христианками и иудейками. Мужчина имеет право на многоженство. Мусульманка по шариату не имеет права выйти из дома без разрешения мужа. Наследственное право мусульман определяет преимущественные права мужчин перед женщинами» (Керимов, 2007, 204). Эти и другие позиции исламских сакральных текстов достаточно четко определяют рамки гендерных различий социального поведения. Тем не менее реальные процессы развития исламского сознания,

как показывают опросы, приводят к «различным, порой нарушающим общепринятые исламские нормы, проявлениям маскулинности и феминности» (Абдулагатов, 2012, 16). Эмпирика показывает, что одна треть опрошенных по всему массиву против заключения брачного союза с иноверцем; по гендерной принадлежности женщин существенно больше (48,8%) в сравнении с мужчинами (32,6%), что объясняется более толерантным отношением общества к межрелигиозному браку мужчины, нежели женщины: если в отношении первого имеет место равнодушие, то решение женщины вступить в брак с последователем иного вероучения всегда будет сопровождаться осуждением, причем осуждать будут не только саму женщину, но и ее родителей, которые «не сумели правильно воспитать дочь». С повышением возраста и уровня образования опрошенной дагестанской молодежи наблюдается рост числа выступающих против брачного союза с неединоверцем с 33,5% в когорте 15–17 лет до 64,9% в интервале 26–35 лет, с 38,3% имеющих базовое среднее образование до 64,3% среди респондентов с высшим образованием. В разрезе отношения к религии недопустимость заключения брака с иноверцем(-кой) подчеркивается одной третью как верующих, так и убежденно неверующих, половиной убежденно верующих; колеблющихся и неверующих – менее 10%. По национальной принадлежности 44,7% опрошенной аварской, 45,9% даргинской и 40% чеченской молодежи против межрелигиозного брачного союза, меньше всего отрицательно настроенных в подмассиве молодого поколения лакцев (16,7%). Далее: каждый третий респондент принимает межрелигиозный брак, мужчин среди них больше (31,9%), женщины более консервативны (24,6%). Кроме того, на негативной характеристике брака с иноверцем(-кой), как показывает эмпирика, отражается возраст и образование: если в разрезе 15–17 лет возможность заключения брака с человеком другой религиозной принадлежности допускает 32% респондентов, то в интервале 26–35 лет их доля существенно меньше (14%), впрочем, как и по образовательному признаку: среди респондентов с низким уровнем образования показатель выше (34,8% имеющих среднее образование) по сравнению с респондентами, имеющими высшее образование (14,3%). Среди убежденно верующих 17,9% опрошенных позитивно оценивают смешанный религиозный брак, при довольно высоких показателях в подгруппах верующих (одна треть), колеблющихся (6,7%) и неверующих (83,3%). В разрезе этнического признака по сравнению с другими больше допускающих брак с иноверцем (-кой) в кумыкской (36,4%), чеченской (35%) и лакской (41,7%) подгруппах, даргинцев, лезгин и аварцев меньше – 29,5, 25,6 и 24,1% соответственно. Доля затруднившихся выразить личную точку зрения на брачный союз с представителем иного вероучения составляет одну четвертую часть по всему массиву, среди них мужчин больше (27,7%), чем женщин (20,2%), 26,6% в возрасте 15–17 лет, 25,9% в возрасте 18–25 лет, 29,9% со средним образованием, 27,6% в подгруппе верующих, а также треть опрошенной лезгинской и лакской молодежи.

Общепринятой шкалой измерения социальной дистанции является шкала Богардуса, которая позволяет наглядно продемонстрировать существующие в массовом сознании установки на личные контакты в самых разнообразных сферах человеческой жизни (табл. 1).

Полученный материал показывает, что для опрошенной дагестанской молодежи наиболее значимой сферой взаимодействия является семейно-брачная, поэтому больше половины опрошенных не воспринимает межрелигиозный брак в целом, т.е. респонденты подчеркивают важность вероисповедания будущего брачного партнера как лично для себя, так и при создании семьи детьми. Однако процентный показатель чуть выше в отношении детей при сопоставлении на личностном уровне. Анализ по социально-демографическим параметрам респондентов показывает наличие внутригрупповых отличий: среди женщин по сравнению с мужчинами больше подчеркиваю-

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Имеет ли для вас значение религиозная принадлежность человека при выборе?...» (%)**

Параметр	Вариант ответа													
	будущего супру- га(-и)		супру- га(-и) ваших детей		коллеги по рабо- те		друзей		места житель- ства		непо- сред- ствен- ного на- чальника		соседа по дому, квартире	
	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
<i>Пол</i>														
Мужской	70,4	21,5	65,8	24,1	26,1	61,6	39,1	50,5	37,1	51,1	26,7	60,6	30,3	57,7
Женский	78,8	17,2	73,4	22,2	19,7	73,4	41,4	52,2	44,3	49,8	21,2	70,4	28,1	63,1
<i>Возраст</i>														
15–17 лет	70,9	21,2	65,8	24,8	21,6	67,3	39,6	51,1	40,6	50,0	23,4	65,5	25,9	62,9
18–25 лет	71,8	23,5	64,7	28,2	20,0	69,4	34,7	56,5	33,5	57,1	20,6	68,8	26,5	64,1
26–35 лет	93,0	0	94,7	1,8	45,6	49,1	56,1	36,8	56,1	33,3	42,1	45,6	54,4	31,6
<i>Образование</i>														
Базовое среднее	71,6	18,6	64,5	23,5	16,4	69,9	36,1	51,4	35,0	53,0	20,8	65,0	23,0	63,4
Среднее	70,1	26,2	66,3	27,8	25,7	65,8	41,7	53,5	42,8	50,3	23,0	69,0	31,0	62,0
Среднее специальное	75,9	20,3	70,9	24,1	21,5	67,1	44,3	44,3	36,7	51,9	22,8	64,6	26,6	59,5
Высшее	89,3	3,6	89,2	8,9	44,6	55,4	42,9	51,8	53,6	42,9	44,6	50,0	51,8	42,9
<i>Отношение к религии</i>														
Убежденно верующий	85,7	8,2	83,7	10,7	29,1	62,2	54,1	37,8	49,5	41,8	32,1	57,1	38,3	52,0
Верующий	70,5	22,0	64,6	25,0	22,8	64,6	35,1	54,5	37,7	50,7	22,0	65,3	26,5	60,4
Колеблющийся	40,7	59,3	29,6	63,0	7,4	88,9	11,1	85,2	22,2	77,8	11,1	85,2	14,8	81,5
Неверующий	41,7	58,3	16,7	83,3	8,3	91,7	16,7	83,3	16,7	83,3	8,3	91,7	16,7	83,3
Убежденно неверующий	33,3	66,7	33,3	66,7	33,3	66,7	33,3	66,7	0	100	0	100	0	100
<i>Национальность</i>														
Аварцы	79,7	14,7	74,8	18,0	27,8	62,8	47,4	44,7	48,1	43,2	28,9	60,9	32,7	57,9
Даргинцы	75,4	18,0	77,0	19,7	24,6	68,9	34,4	59,0	34,4	55,7	24,6	65,6	31,1	57,4
Кумыки	61,8	27,3	54,5	29,1	21,8	60,0	30,9	50,9	32,7	54,5	16,4	67,3	21,8	60,0
Лезгины	72,1	23,3	65,1	25,6	9,3	79,1	27,9	60,5	25,6	62,8	14,0	74,4	14,0	74,4
Лакцы	50,0	50,0	45,8	54,2	8,3	87,5	29,2	70,8	25,0	70,8	12,5	83,3	16,7	79,2
Чеченцы	70,0	25,0	55,0	35,0	10,0	70,0	30,0	60,0	30,0	60,0	20,0	65,0	40,0	50,0
Другая	65,8	23,7	57,9	31,6	31,6	57,9	42,1	50,0	39,5	50,0	31,6	55,3	39,5	47,4
Всего	73,7	19,8	68,8	23,3	23,5	66,3	40,0	51,2	40,0	50,6	24,5	64,5	29,4	59,8

ших значимость религиозной принадлежности супруга(-и), а также брачных партнеров своих детей. Обращает на себя внимание увеличение процента тех, для кого конфессиональный элемент востребован в личной семейно-брачной сфере, – с 70,9% в разрезе 15–17 лет до 93% в когорте 26–35 лет, с 71,6% имеющих базовое среднее образование до 89,3% респондентов с высшим образованием; в отношении детей – с 65,8% в разрезе 15–17 лет до 94,7% в когорте 26–35 лет, с 64,5% имеющих базовое среднее образование до 89,2% респондентов с высшим образованием. Резонной выглядит позиция убежден-

но верующих и верующих, отрицающих межрелигиозный брак, при демонстрации толерантности в установках колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих. Верификация материала по этнической принадлежности показывает, что наиболее консервативной является опрошенная аварская молодежь, наименее – лакская, более того, для них не имеет значения религиозная принадлежность брачного партнера своих детей. Если аварцы последовательно обозначают неприятие как для себя, так и для детей межрелигиозного брака, то другие этнические подмассивы в отношении второй позиции более терпимы, за исключением даргинцев. Эмпирика показывает важность для опрошенной дагестанской молодежи конфессиональной принадлежности друзей и места проживания: разрыв дававших положительный и отрицательный ответ по этим суждениями меньше по сравнению с другими вариантами.

Заключение

Анализ исламского компонента в семейно-брачной сфере показывает важность для опрошенной дагестанской молодежи религиозной принадлежности при заключении брачного союза, в то время как другие социальные сферы открыты для взаимодействия. Также для респондентов имеет значение вероисповедание при выборе территории проживания, что свидетельствует об ориентированности на нахождение рядом с единоверцами, такая же картина прослеживается при выборе друзей. При этом религиозная принадлежность не принимается во внимание в рабочем коллективе, а также в отношении соседей по дому. О чем это свидетельствует? По нашему мнению, опрошенная дагестанская молодежь при декларировании принципов веротерпимости в реальной жизни обращает внимание на вероисповедание партнера при выборе ближнего круга личного окружения, что свидетельствует о наличии в скрытой форме нетерпимости в отношении носителя иного вероучения.

Литература

- Абдулагатов, З.М. Гендерные особенности исламского сознания на Северном Кавказе / З. М. Абдулагатов // *Дагестанский социологический сборник* – 2012 / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН; отв. ред. З.М. Абдулагатов. – Махачкала: АЛЕФ, 2012. – С. 14–27. – EDN RAVBJV.
- Агаширинова, С.С. К проблеме взаимоотношений в дагестанской семье на современном этапе / С.С. Агаширинова // *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции* (Махачкала, 29 февраля 2008 г.). – Махачкала, 2008. – С. 59–61.
- Алимова, Б.М. Диалог полов в современной дагестанской семье / Б.М. Алимова // *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции* (Махачкала, 29 февраля 2008 г.). – Махачкала, 2008. – С. 76–79.
- Бибикина, О.П. Полигамия на постсоветском пространстве / О.П. Бибикина // *Россия и мусульманский мир*. – 2019. – № 3 (313). – С. 48–64. – <https://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.03>. – EDN ISGGDV.
- Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А. В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.). / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.
- Верещагина, А.В. Институциональные изменения в семейной сфере и демографические перспективы России: методологическая матрица исследования / А.В. Верещагина // *Гуманитарий Юга России*. – 2012. – № 4. – С. 82–93. – EDN RKSFCH.
- Верещагина, А.В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности / А.В. Верещагина // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2014. – № 3 (07). – С. 47–59. – EDN SNLJBH.
- Верещагина, А.В. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения / А.В. Верещагина, Э.М. Загирова // *Социологические исследования*. – 2022. – № 2. – С. 117–128. – <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>. – EDN VNXLZD.
- Габараева, М.Р. Отношение к многоженству в Дагестане: контент-анализ социальных сетей / М.Р. Габараева // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. – 2020. – № 24. – С. 245–254. – EDN JUCBWZ.
- Загирова, Э.М. Гендерная оценка института полигамии (на примере Дагестана) / Э.М. Загирова // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. – 2022а. – № 1–3. – С. 448–456. – <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-448-456>. – EDN GKZJGH.

- Загирова, Э.М. Институт полигамии и гендерная оценка модели брачного поведения / Э.М. Загирова // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2022б. – № 1. – С. 229–233. – <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233>. – EDN SVHVAZ.
- Загирова, Э.М. Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ / Э.М. Загирова // *Caucasian Science Bridge*. – 2022в. – Т. 5, № 1. – С. 32–40. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>. – EDN JGZVFU.
- Загирова, Э.М. Многоженство в семейно-брачной сфере современного дагестанского общества / Э.М. Загирова // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. – 2022г. – Т. 14, № 1. – С. 34–41. – <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-34-41>. – EDN AXIEGP.
- Гаджиева, С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1985. – 359 с.
- Керимов, Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности / Г.М. Керимов. – М.: Диалог, 2007. – 502 с. – EDN QUCJYX.
- Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.
- Терентьев, А. Многоженство, строгие традиции и доброта / А. Терентьев. – URL: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan/>.
- Ханчаев, С.Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ / С.Т. Ханчаев // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2019. – № 2 (50). – С. 71–85. – <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-8>. – EDN SOIHHH.
- Abu-Baker, A. Polygamy in Islam / A. Abu-Baker. – Cairo: Maktabat Al-Tourath Al-Islami, 1992. – 107 p. (in Arabic)
- Alexandre, M. Lessons from Islamic polygamy: A case for expanding the American concept of surviving spouse so as to include de facto polygamous spouses / M. Alexandre // *Washington and Lee Law Review*. – 2007. – Vol. 64 (4).
- Al-Krenawi, A. A comparison of family functioning, life and marital satisfaction, and mental health of women in polygamous and monogamous marriages / A. Al-Krenawi, J.R. Graham // *International Journal of Social Psychiatry*. – 2006. – Vol. 52 (1). – P. 5–17. – <https://doi.org/10.1177/002076400600612.45>.
- Al-Krenawi, A. The story of Bedouin-Arab women in a polygamous marriage / A. Al-Krenawi, J.R. Graham // *Women Studies International Forum*. – 1999. – Vol. 22. – P. 497–509.
- Al-Sharfi, M.A. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review / M.A. Al-Sharfi, M. Pfeffer, K. Kirsty // *Journal of Family Studies*. – 2016. – Vol. 22 (3). – P. 272–286. – <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.
- Fortunato, L. Evolution of monogamous marriage by maximization of inclusive fitness / L. Fortunato, M. Archetti // *Evol Biol*. – 2010. – Vol. 23 (1). – P. 149–156. – <https://doi.org/10.1111/j.1420-9101.2009.01884.x>.
- Hassounah-Phillips, D. Polygamy and wife abuse: a qualitative study of Muslim women in America / D. Hassounah-Phillips // *Health Care for Women International*. – 2010. – Vol. 22 (8). – P. 735–748. – <https://doi.org/10.1080/073993301753339951>.
- Kończak, I. Polygyny Amongst Muslims in the Russian Federation International Studies / I. Kończak // *Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. – 2018. – Vol 21 (1). – P. 141–156. – <https://doi.org/10.18778/1641-4233.21.10>.
- Polygynous marriage and child health in Tanzania / D.W. Lawson, S. James, E. Ngadaya [et al.] // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2015. – Vol. 112 (45). – P. 13827–13832. – <https://doi.org/10.1073/pnas.1507151112>.

References

- Abdulagatov Z.M. Gender characteristics of Islamic consciousness in the North Caucasus. *Dagestanskiy sotsiologicheskiiy sbornik = Dagestan Sociological Collection*. Makhachkala: Aleph; 2012: 14–27. (In Russ.)
- Abu-Baker A. Polygamy in Islam. Cairo: Maktabat Al-Tourath Al-Islami; 1992. – 107 p. (In Arabic)
- Agashirinova S.S. On the problem of relationships in the Dagestan family at the present stage. *Gendernyye otnosheniya v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii = Gender relations in the culture of the peoples of the North Caucasus. Materials of the regional scientific conference*. Makhachkala; 2008: 59–61. (In Russ.)
- Alexandre M. Lessons from Islamic Polygamy: A case for expanding the American concept of surviving spouse. *Washington & Lee L. Rev.* 2007; 64(4):1461–1481.
- Alimova B.M. The dialogue of the sexes in the modern Dagestan family. *Gendernyye otnosheniya v kul'ture narodov Severnogo Kavkaza: Materialy regional'noy nauchnoy konferentsii = Gender relations in the culture of the peoples of the North Caucasus. Materials of the regional scientific conference*. Makhachkala; 2008: 76–79. (In Russ.)
- Al-Krenawi I.A., Graham J.R. A comparison of family functioning, life and marital satisfaction, and mental health of women in polygamous and monogamous marriages. *International Journal of Social Psychiatry*. 2006; 52(1):5–17. <https://doi.org/10.1177/002076400600612.45>.
- Al-Krenawi I.A., Graham, J.R. The story of Bedouin-Arab women in a polygamous marriage. *Women Studies International Forum*. 1999; 22:497–509.
- Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

- Bibikova O.P. Polygamy in the post-Soviet space. *Rossiya i musul'manskiy mir = Russia and the Muslim World*. 2019; 3:48–64. <https://doi.org/10.31249/rimm/2019.03.03>. (In Russ.)
- Fortunato L., Archetti M. Evolution of monogamous marriage by maximization of inclusive fitness. *Evol Biol*. 2010; 23(1):149–156. <https://doi.org/10.1111/j.1420-9101.2009.01884.x>.
- Gabaraeva M.R. Attitude to polygamy in Dagestan: content analysis of social networks. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh = Izvestia SOIGSI. The School of Young Scientists*. 2020; 24:245–254. (In Russ.)
- Gadzhieva S.S. Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX–early XX centuries. M.: Nauka; 1985. – 360 p. (In Russ.)
- Hassouneh-Phillips D. Polygamy and wife abuse: a qualitative study of Muslim women in America. *Health Care for Women International*. 2010; 22(8):735–748. <https://doi.org/10.1080/073993301753339951>.
- Kerimov G.M. Sharia: the law of Muslim life. Sharia's answers to the problems of modernity. St. Petersburg: Dilya; 2007. 502 p. (In Russ.)
- Khapchaev S.T. Polygamy in Muslim law: a comparative historical analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauk = News of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences*. 2019; 2(50):71–85. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-8>. (In Russ.)
- Kończak I. Polygyny Amongst Muslims in the Russian Federation International Studies. *Interdisciplinary Political and Cultural Journal*. 2018; 21(1):141–156. <https://doi.org/10.18778/1641-4233.21.10>.
- Terentyev A. Polygamy, strict traditions and kindness. 2021. Available at: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan>. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference*. St. Petersburg: Scythia-print; 2019: 513–514. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. Institutional changes in the family sphere and demographic prospects of Russia: the methodological matrix of the study. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2012; 4:82–93. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. The interethnic family in the North Caucasus in the context of the new Russian civilizational reality. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological science and social practice*. 2014; 3(7):47–59. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V., Zagirova E.M. Polygamy in Dagestan in the optics of public opinion (results of a sociological survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022; 2:117–122. <https://doi.org/10.31857/S013216250016856-4>. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V., Rachipa A.V., Samygin S.I., Shcherbakova L.I. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: RUSAINS; 2016. 126 p. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Gender assessment of the institute of polygamy (on the example of Dagestan). *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie = Bulletin of the Russian State University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*. 2022a; 1(3):448–456. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-448-456>. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Institute of polygamy and gender assessment of the model of marital behavior. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*. 2022b; 1:229–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233>. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Polygamy in the family and marriage sphere of modern Dagestan society. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of the Maikop State Technological University*. 2022c; 14(1):34–41. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2022-14-1-34-41>. (In Russ.)
- Zagirova E.M. Polygamy in the family and marriage sphere of the peoples of Dagestan historical and sociological analysis. *Caucasian Science Bridge*. 2022d; 5(1):32–40. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 25.01.2024

Дата окончания рецензирования: 05.03.2024

Дата принятия к публикации: 25.03.2024

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, e-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, e-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.334.56; 316.4

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3>

EDN QIDMNH

**Факторы миграции молодежи периферийного региона
(на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге)****Екатерина А. Шекера¹**¹Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: shekerak@gmail.com

Аннотация

Введение. Цель статьи: рассмотреть миграционный процесс (факторы миграции и миграционные намерения) дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге, сквозь призму половозрастных и этнических характеристик. При этом миграционный процесс осложнен значительными отличиями региона-реципиента и региона-донора: в 2019 г. Санкт-Петербург занимал 2-е место по индексу человеческого развития (ИЧР) среди всех субъектов Российской Федерации, в то время как Республика Дагестан – 70-е.

Методы. Методологическую базу исследования составили теория «притяжения – выталкивания» (pull «+» / push «-») Э. Ли и теория человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Беккер и др.), эмпирическая база собрана посредством анкетного опроса.

Результаты и их обсуждение. Рассмотренные эмпирические данные позволили выявить миграционные факторы и миграционные намерения молодежи из Дагестана, проживающей в Санкт-Петербурге, сквозь призму половозрастных и этнических характеристик, впервые были выявлены особенности половозрастных подгрупп и этнических групп, влияющих, соответственно, на весь миграционный процесс. Санкт-Петербург притягивает возможностями, позволяющими реализовать человеческий капитал: получение образования, расширение возможностей для развития, увеличение дохода, повышение уровня жизни, реализация желания найти более интересную работу и трудоустроиться по специальности. Желание реализовать человеческий капитал после переезда выражается в активном встраивании в учебную и трудовую деятельность. Основной выталкивающий фактор из Республики Дагестан, по мнению дагестанской молодежи, – отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте (получения конкурентноспособного образования, трудоустройства за достойную заработную плату, в том числе по специальности, возможностей для саморазвития, наличия удобной и разнообразной инфраструктуры и т.д.). В то же время проживание в Санкт-Петербурге подходит не всем приезжим, наибольшая проблема – неподходящий (плохой) климат, также ведущую роль играют семейно-родственные связи (отсутствие родных и близких и иные семейные причины) и наличие трудностей в соблюдении религиозных обрядов и обычаев, агрессивная городская среда.

Ключевые слова: теории миграции; внутренняя миграция; дагестанская молодежь; факторы миграции; факторы выталкивания; факторы притяжения; Санкт-Петербург; теория «притяжения – выталкивания»; теория человеческого капитала; миграционные намерения.

Для цитирования: Шекера Е.А. (2024). Факторы миграции молодежи периферийного региона (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге). *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 35–56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3>.

**Factors of migration of peripheral region youth
(using example of Dagestan youth living in St. Petersburg)****Ekaterina A. Shekera¹**¹Saint-Petersburg State University, St Petersburg, Russia

e-mail: shekerak@gmail.com

Abstract

Introduction. The purpose of the article: to consider the migration process (migration factors and migration intentions) of Dagestan youth living in St. Petersburg through the prism of gender, age and ethnic characteristics. At the same time, the migration process is complicated by significant differences between the recipient region

and the donor region: in 2019, St. Petersburg ranked 2nd in the Human Development Index (HDI) among all subjects of the Russian Federation, while the Republic of Dagestan was 70th.

Methods. The research methodological basis is the theory of pull (“+”) / push (“-”) E. Lee and the theory of human capital (G. Becker, T. Schulz, etc.), the empirical base was collected through a questionnaire survey.

Results and its discussion. The empirical data examined made it possible to identify migration factors and migration intentions of young people from Dagestan living in St. Petersburg through the prism of gender, age and ethnic characteristics; for the first time, the characteristics of gender, age subgroups and ethnic groups were identified, influencing, respectively, the entire migration process. St. Petersburg attracts with opportunities that make it possible to realize human capital: obtaining an education, expanding opportunities for development, increasing income, improving living standards, realizing the desire to find a more interesting job and find employment in a specialty. The desire to realize human capital after moving is expressed in active integration into educational and work activities. The main pushing factor from the Republic of Dagestan, in the opinion of Dagestan youth, is the lack of prospects for a normal life in the same place (obtaining a competitive education, employment for a decent salary, including employment in the acquired specialty, opportunities for self-development, the presence of a convenient and diverse infrastructure, etc.). At the same time, living in St. Petersburg is not suitable for all migrants, the biggest problem is the unsuitable (bad) climate, family ties (absence of relatives and friends and other family reasons) and the presence of difficulties in observing religious rites and customs also play a leading role, and an aggressive urban environment.

Keywords: migration theory; internal migration; Dagestan youth; migration factors; push factors; pull factors; St. Petersburg; pull-push theory; theory of human capital; migration intentions.

For citation: Shekera E.A. (2024). Factors of migration of peripheral region youth (using example of Dagestan youth living in St. Petersburg). *Caucasian Scientific Bridge*, 7 (1), p. 35–56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.3>.

Введение

Как указано в Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г., «одним из основных источников роста численности населения Санкт-Петербурга является миграционный прирост, обусловленный высокой привлекательностью Санкт-Петербурга за счет высокого уровня качества жизни, возможностей трудоустройства и доступности жилья по сравнению с другими субъектами Российской Федерации... Ведущую роль в миграционных процессах обеспечивает приток населения из российских регионов»¹. И действительно, в 2019 г. Санкт-Петербург занимал 2-е место по индексу человеческого развития (ИЧР) среди всех субъектов Российской Федерации. Задачей данной статьи является рассмотрение факторов миграции в Санкт-Петербург и дальнейших миграционных намерений молодежи из Республики Дагестан – субъекта, занимавшего 70-е место по ИЧР в том же году (Индекс человеческого развития...). Рассмотрим более подробно характеристики отправляющего региона.

Республика Дагестан – самый южный субъект Российской Федерации, входит в состав Северо-Кавказского федерального округа, граничит с пятью государствами: Азербайджаном и Грузией – по суше, Казахстаном, Туркменистаном и Ираном – по морю. По данным Росстата на 1 января 2023 г., в Республике Дагестан проживало 3 209 799 чел. (Предварительная оценка численности...). По показателям естественного прироста населения регион занимает самые ведущие позиции среди всех субъектов Российской Федерации. Вместе с тем Республика Дагестан на фоне высокого уровня естественного прироста населения остается одним из наиболее трудоизбыточных регионов Российской Федерации с напряженной ситуацией на рынке труда. Несмотря на реализацию государственных программ, таких как «Улучшение условий

¹ Закон Санкт-Петербурга «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» от 19 декабря 2018 г. № 771-164. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=207288#g8f267UzOLMKZAJ7>.

и охраны труда в Республике Дагестан» (2014–2020 гг.)¹, «Содействие занятости населения» (2014–2020 гг.)², по данным Росстата, Дагестан на октябрь–декабрь 2022 г. занимал 3-е место по количеству безработных (11,6%) из всех субъектов РФ (Уровень безработицы населения...). В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 г., «к основным проблемам региона относятся: высокий уровень безработицы, растущая демографическая нагрузка, отток молодежи и выпускников вузов, существенный миграционный отток наиболее квалифицированных кадров в другие регионы (преимущественно в Ставропольский и Краснодарский края, Тюменскую область, г. Санкт-Петербург и г. Москву) и за рубеж»³. Несмотря на то, что за последние годы миграционный отток за пределы республики снизился, отрицательное сальдо миграции по-прежнему относительно высоко.

Республика Дагестан имеет статус приоритетной геостратегической территории РФ, т.е. «территории, имеющей существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующейся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности. Одним из основных направлений социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, относящихся к приоритетным геостратегическим территориям Российской Федерации, расположенным на Северном Кавказе, является содействие повышению мобильности трудовых ресурсов в целях снижения напряженности на локальных рынках труда путем стимулирования привлечения трудовых ресурсов в субъекты Российской Федерации, которые являются приоритетными для привлечения трудовых ресурсов»⁴. Однако подобное решение проблемы представляется эффективным в краткосрочной перспективе, поскольку, во-первых, как правило, мигрируют честолюбивые, активные, здоровые молодые люди, тем самым снижая потенциал развития территории исхода. Так, например, республика относится к неурбанизированным территориям (большинство населения – сельские жители, 54,8% на 1 января 2023 г.). Исследователи М.А. Николаев и М.Ю. Махотаева характеризуют миграционный отток населения в трудоспособном возрасте, и прежде всего молодежи, в качестве главной проблемы устойчивого развития неурбанизированных территорий (Николаев, 2021). Во-вторых, Дагестан является приграничной (периферийной) территорией, а значит, массовый отток населения в дальнейшем приведет к демографическим сдвигам, характеризующимся снижением рождаемости и повышением среднего возраста населения, что также может поставить под угрозу безопасность региона.

Методология и методы исследования

Понятие «миграция» крайне широко и, пожалуй, зависит от цели каждого конкретного исследования. В данной статье мы будем понимать его как процесс изме-

¹ Государственная программа Республики Дагестан «Улучшение условий охраны труда в РД на 2014–2020 гг.» (утв. Постановлением Правительства Республики Дагестан от 12 ноября 2013 г. № 581). URL: <https://dagmintrud.ru/activity/1965>.

² Постановление Правительства Республики Дагестан «Об утверждении государственной программы Государственной программы Республики Дагестан “Содействие занятости населения” (2014–2020 гг.)» от 14 ноября 2013 года № 587. URL: <https://docs.cntd.ru/document/460227466>.

³ Закон Республики Дагестан «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан на период до 2030 г.» от 12 октября 2022 г. № 70. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406276853>.

⁴ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.» от 13 февраля 2019 г. № 207-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/>.

нения места проживания индивидов, выражающийся в их перемещении в другой регион. Весомый вклад в классификацию основных научных подходов, анализирующих миграцию, внес В.А. Ионцев (1999), который выделил 17 подходов: экономический и социологический включают по пять теорий, миграционный – четыре, демографический – три и т.д. Формат данной статьи не предполагает перечисление всех имеющихся теорий миграции; довольно подробные, по нашему мнению, классификации содержатся в статьях И.А. Гусейновой и Е.И. Козловой (Гусейнова, 2019), О.В. Жуликовой и А.В. Стрижеус (Жуликова, 2019), И.В. Ивахнюк (Ивахнюк, 2015) и др.

Фокус данной статьи – анализ микроданных, основанный на результатах анкетного опроса дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге. Для этой цели в качестве теоретической рамки использована теория «притяжения – выталкивания» (pull «+» / push «–») Э. Ли и теория человеческого капитала (Becker, 1964; Schultz, 1961). Эверетт Ли объединил все влияющие на принятие решения о миграции факторы в четыре группы: 1) выталкивающие (связаны с регионом выбытия мигрантов); 2) притягивающие (связаны с регионом прибытия мигрантов); 3) промежуточные препятствия (вмешивающиеся обстоятельства); 4) субъективные характеристики мигрантов (личные факторы) (Lee, 1966). Сочетание перечисленных факторов в разных пропорциях образует конечный результат – миграцию. Теория «притяжения – выталкивания» дополняется теорией человеческого капитала, согласно которой миграция осуществляется, если максимизирует выгоды не только материального, но и нематериального характера (образование, здравоохранение и т.д.), принимая во внимание сопутствующие издержки: адаптационные, психологические, эмоциональные и др., тем самым оправдывая инвестиции в человеческий капитал. Таким образом, капитал человеческий, как и финансовый, стремится в места максимизации прибыли.

Результаты и обсуждение

Назовем основные виды миграции из Республики Дагестан:

1. Учебная. При том, что в Дагестане функционируют как республиканские вузы, так и филиалы крупных российских вузов, «многие дагестанцы учатся за пределами Дагестана, так как количество мест в вузах ограничено. Доля студентов в населении Дагестана в полтора раза ниже общероссийского показателя (2,3% против 3,3% в 2015 году), при том, что в республике население более молодое, то есть удельный вес молодежи в структуре населения выше» (Селимов, 2022). Кроме того, «молодые люди останавливают свой выбор на учебе в вузах других крупных городов страны ввиду высокого качества получаемого образования в них и возможности последующего трудоустройства по полученной специальности, т. к. местные предприятия и организации не заинтересованы в молодых кадрах и работодатели отдают предпочтение в основном специалистам со стажем» (Абасова, 2020, 332). Также молодежь по завершении учебы не возвращается в республику ввиду разницы в оплате труда: заработная плата в республике ощутимо меньше, чем в крупных городах за пределами СКФО.

2. Трудовая. Как справедливо замечает М. Селимов, «проблема состоит не в том, что здесь (в Дагестане. – *Е.Ш.*) имеется некий избыток трудоспособного населения, хотя правильнее говорить о недостатке мест приложения труда» (Селимов, 2022). Основные причины миграции – низкая рентабельность сельского хозяйства из-за отставания в механизации, мелкоконтурности пашен и недостаточности земель сельскохозяйственного назначения, существенно более низкий уровень оплаты труда, отсутствие или недостаточное развитие промышленности, развитие в го-

родах узконаправленных отраслей экономической деятельности – торговли и сферы услуг (Абдулманапов, 2018). По результатам социологического опроса «Тенденции миграционных процессов в Республике Дагестан», который проводился среди молодого населения в возрасте до 35 лет, чуть более половины респондентов (51%) на вопрос о том, желают ли они на длительный период времени уехать из республики, если уровень оплаты труда на выезде будет соответствовать их требованиям, ответили утвердительно. Среди причин субъективного характера З.У. Абасова выделила высокую предпринимательскую активность населения республики, склонность к экономическим рискам и новациям (Абасова, 2020). Также отдельно можно выделить маятниковую миграцию за пределы республики, или «современное отходничество» (Селимов, 2022) (направления и виды сезонной трудовой миграции дагестанцев подробно рассмотрены в монографии Ю.Ю. Карпова и Е.Л. Капустиной (Карпов, 2011)).

В рамках данного исследования анкетирование проживающей в Санкт-Петербурге молодежи из Республики Дагестан проходило с 20 апреля по 20 мая 2019 г. В статье будут рассмотрены только мигранты в первом поколении (280 респондентов). В связи с тем, что невозможно определить параметры генеральной совокупности, выборка нерепрезентативна, основными критериями отбора респондентов были возраст (16–35 лет) и наличие факта миграции из Республики Дагестан в Санкт-Петербург.

Согласно Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежь – это «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации»¹, таким образом, в данную категорию включены люди с разницей в возрасте более 20 лет. Изначально в данном исследовании не предполагалось разделение на учебную и трудовую миграцию, поскольку зачастую учебная переходит в трудовую и становится в большинстве случаев невозвратной. Однако, опираясь на возрастное деление, предложенное в исследовании Н.К. Бинеевой и А.С. Магранова (Бинеева, 2023), мы решили разделить молодежь на возрастные подгруппы 16–24 года и 25–35 лет, что, с одной стороны, позволило учесть студенческую молодежь, включая обучающихся в магистратуре, с другой – выявить различия в миграционном поведении молодых людей исходя из возраста. Также возрастные подгруппы были разделены в зависимости от пола – мужчины и женщины. Дополнительно респонденты были разделены на этносы для выявления специфических этнических черт миграции (аварцы, лезгины, кумыки, даргинцы, табасаранцы, лакцы); деление внутри этнических групп по половозрастному признаку не проводилось ввиду малого объема выборки. В статье рассматриваются только наиболее многочисленные подгруппы респондентов, представляющих автохтонные этносы Республики Дагестан, проживающие в Санкт-Петербурге, из общего объема выборки аварцы составляют 28,6% (80 респондентов), лезгины – 18,2% (51 респондент), кумыки – 16,8% (47 респондентов), даргинцы – 11,4% (32 респондента), табасаранцы – 7,5% (21 респондент), лакцы – 6,1% (17 респондентов).

Основные социально-демографические характеристики мигрантов отражены в табл. 1, 2.

Рассмотрим причины переезда молодежи из Республики Дагестан в Санкт-Петербург в зависимости от половозрастных характеристик (рис. 1).

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/.

Таблица 1

**Основные социально-демографические характеристики мигрантов
в зависимости от половозрастных характеристик (%)**

Характеристика		16–24 года				25–35 лет			
		м	%	ж	%	м	%	ж	%
Семейный статус	Холост/не замужем	52	91,2	64	80,0	35	41,2	20	39,2
	Женат (замужем)	3	5,3	15	18,7	47	55,3	21	41,2
	Разведен (-а)	1	1,7	0	0	3	3,5	10	19,6
Наличие детей	Нет детей	55	96,5	69	86,2	50	58,8	25	49,0
	1 ребенок	0	0	5	6,2	14	16,5	14	27,4
	2 ребенка	0	0	5	6,2	17	20,0	11	21,6
	3 ребенка	0	0	0	0	2	2,3	1	2,0
	Более 3 детей	0	0	0	0	2	2,3	0	0
Уровень образования	Общее полное (11 классов)	14	24,6	11	13,7	11	12,9	2	3,9
	Высшее	17	29,8	8	10,0	44	51,8	37	72,5
	Неоконченное высшее	16	28,1	24	30,0	11	12,9	1	2,0
	Среднее специальное	9	15,8	32	40,0	14	16,5	10	19,6
	Неоконченное среднее	0	0	4	5,0	1	1,2	0	0
	Степень кандидата наук	1	1,7	0	0	3	3,5	1	2,0
Место исхода	Город	31	54,4	50	62,5	50	58,8	26	51,0
	Село	19	33,3	28	35,0	24	28,2	19	37,2
Всего, чел.		57		80		85		51	

Примечание: в таблице не представлен вариант «другое», не представлен вариант «вдовец/вдова» (актуален только для одного респондента), также 2,5% не указали один из параметров (пол или возраст).

Таблица 2

**Основные социально-демографические характеристики мигрантов
в зависимости от этнических характеристик, в %**

Характеристика		Авар-цы	Лезги-ны	Кумы-ки	Дар-гинцы	Табаса-ранцы	Лакцы
		%	%	%	%	%	%
Возраст	16–24 года	48,7	47,1	38,3	59,4	66,7	35,3
	25–35 лет	50,0	51,0	57,5	37,5	33,3	58,8
Пол	Мужской	48,7	60,8	46,8	65,6	42,9	41,2
	Женский	51,2	39,2	53,2	34,4	57,1	58,8
Семейный статус	Холост/не замужем	56,2	60,0	48,9	84,4	57,1	70,6
	Женат (замужем)	35,0	37,2	46,8	15,6	38,1	11,8
	Разведен (-а)	8,7	4,0	4,3	0	4,8	11,8

Окончание таблица 2

Характеристика		Авар- цы	Лезги- ны	Кумы- ки	Дар- гинцы	Табаса- ранцы	Лакцы
		%	%	%	%	%	%
Наличие детей	Нет детей	68,7	68,6	63,8	90,6	76,2	76,5
	1 ребенок	8,7	13,7	21,3	3,1	19,0	11,8
	2 ребенка	18,7	11,8	14,9	6,2	4,8	11,8
	3 ребенка	2,5	4,0	0	0	0	0
	Более 3 детей	1,2	0	0	0	0	0
Уровень образования	Общее полное (11 классов)	21,2	15,7	6,4	6,2	4,8	11,8
	Высшее	30,0	41,2	42,5	50,0	42,9	52,9
	Неоконченное высшее	20,0	13,7	10,6	28,1	19,0	23,5
	Среднее специальное	22,5	23,5	38,3	12,5	28,6	5,9
	Неоконченное среднее	1,2	2,0	2,1	3,1	0	5,9
	Степень кандидата наук	5,0	2,0	0	0	0	0
Место исхода	Город	53,7	47,1	57,4	53,1	61,9	88,2
	Село	36,2	39,2	27,7	43,7	33,3	5,9

Примечание: в таблице не представлен вариант «другое», не представлен вариант «вдовец/вдова» (актуален только для одного респондента).

Ожидаемо, что для молодежи младшей возрастной подгруппы (16–24 года) наиболее важная причина – получение образования, причем для девушек она более значима, чем для юношей (81,2 и 75,4% соответственно). Желание получить больше возможностей для развития примерно в равных долях значимо для всех подгрупп и достигает 50%. Молодые девушки (16–24 года) также лидируют среди тех, кого в Санкт-Петербург привезли родители (21,2%); для юношей 16–24 лет, помимо значимости образования, важно трудоустроиться по специальности (28,1%), жить в крупном городе (21,1%), жить в более спокойном месте (14%). Также для юношей обеих возрастных подгрупп более значимо, чем для девушек, желание найти более интересную работу, жить в более спокойном месте, повысить уровень жизни, жить в крупном городе. Женщины 25–35 лет среди причин миграции чаще указывают желание получить больше возможностей для развития (47,1%) и семейные обстоятельства (27,4%), для четверти из них важно больше заработать (25,5%), примерно столько же указало на отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте (23,5%). Для мужчин 25–35 лет при переезде важно получить больше возможностей для развития (51,8%), больше зарабатывать (41,2%), повысить уровень жизни (40%), найти более интересную работу (31,8%), также они лидируют среди тех, кто не видит перспектив нормальной жизни на прежнем месте (28,2%).

Причины переезда молодежи из Республики Дагестан в Санкт-Петербург в зависимости от этнических характеристик отражены на рис. 2.

Получение образования является лидирующей причиной переезда и максимально значимо для аварцев (73,7%) и даргинцев (71,8), чуть менее значимо для табасаранцев (57,1%), лезгин (52,9%) и лакцев (52,9%), наименее значимо среди опрошенных для кумыков (45,6%).

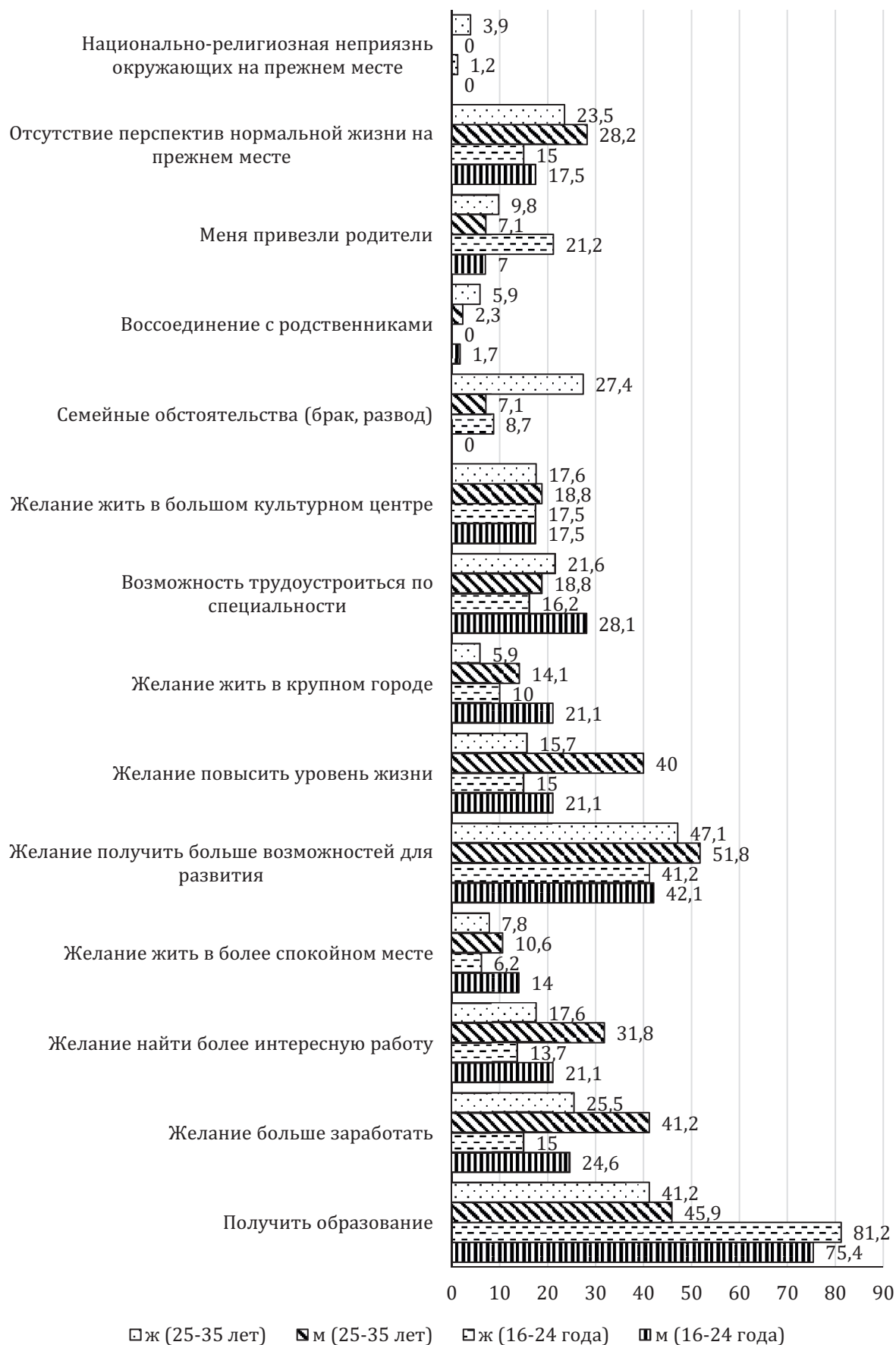

Рисунок 1. Причины переезда молодежи из Республики Дагестан в Санкт-Петербург в зависимости от половозрастных характеристик

Вторая лидирующая причина – желание получить больше возможностей для развития. Здесь также наблюдается большой разброс по значимости для опрошенных представителей этнических групп: максимально значимо для лакцев (70,6%), менее – для даргинцев (59,4%), кумыков (43,5%), лезгин (41,2%), аварцев (40%), наименее значимо для табасаранцев (33,3%).

Следующие причины расположены с большим отрывом от первых двух, приведены в порядке убывания общей значимости:

- желание больше заработать примерно в равной степени наиболее значимо для лакцев (35,3%), кумыков (34,8%) и даргинцев (31,2%), немногим менее значимо для лезгин (25,5%) и табасаранцев (23,8%), наименее значимо для аварцев (20%);
- желание найти более интересную работу наиболее значимо для даргинцев (37,5%), чуть менее значимо для лакцев (29,4%), также для каждого пятого среди аварцев (21,2%), кумыков (19,6%) и табасаранцев (19%), наименьший интерес проявили лезгины (11,8%);
- желание повысить уровень жизни наиболее значимо для лезгин (37,2%), значимо для каждого третьего даргинца (31,2%), менее значимо для лакцев (23,5%), аварцев (20%), табасаранцев (14,3%), наименее из всех опрошенных значимо для кумыков (10,9%);
- причины «отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте» и «возможность трудоустроиться по специальности» занимают примерно равные позиции с довольно большим разбросом между этническими группами. Так, отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте отмечает 31,2% даргинцев, 29,4% лакцев, 25,5% лезгин, 18,7% аварцев, 13% кумыков и всего 4,8% табасаранцев. Возможность трудоустроиться по специальности наиболее значима для 31,2% даргинцев, 29,4% лакцев, 23,5% лезгин, 21,2% аварцев, 10,9% кумыков и всего 4,8% табасаранцев;
- желание жить в большом культурном центре значимо для 35,3% лакцев, 25% даргинцев, 19,6% лезгин, 15,2% кумыков, 15% аварцев и всего 4,8% табасаранцев;
- в желании жить в крупном городе также наблюдается большой разброс: если эта причина переезда значима для 23,5% лакцев, то табасаранцами она вообще не рассматривается (0%); данная причина значима только для 15,2% кумыков, 13,7% лезгин, 12,5% даргинцев, 8,7% аварцев;
- 18,7% даргинцев выбрали причину переезда «меня привезли родители», также данную причину указали 11,8% лезгин и лакцев, 11,2% аварцев, 9,5% табасаранцев и 8,7% кумыков;
- в желании жить в более спокойном месте также заметен разброс: данная причина значима для 23,5% лакцев, 15,2% кумыков, 12,5% даргинцев, 8,7% аварцев, 5,9% лезгин, 4,8% табасаранцев;
- семейные обстоятельства (брак, развод) среди причин переезда занимают низкую позицию, данная причина актуальна только для 17,6% лакцев, 15,2% кумыков, 10% аварцев, 9,5% табасаранцев, 7,8% лезгин и 3,1% даргинцев;
- воссоединение с родственниками – неактуальная причина, была выбрана только аварцами (5%) и лезгинами (3,9%);
- национально-религиозная неприязнь окружающих на прежнем месте была отмечена только крайне малым количеством кумыков (4,3%) и лезгин (2%), причем данная причина была выбрана только женщинами.

Далее рассмотрим миграционные намерения мигрантов в зависимости от половозрастных характеристик (рис. 3).

Рисунок 2. Причины переезда молодежи из Республики Дагестан в Санкт-Петербург в зависимости от этнических характеристик

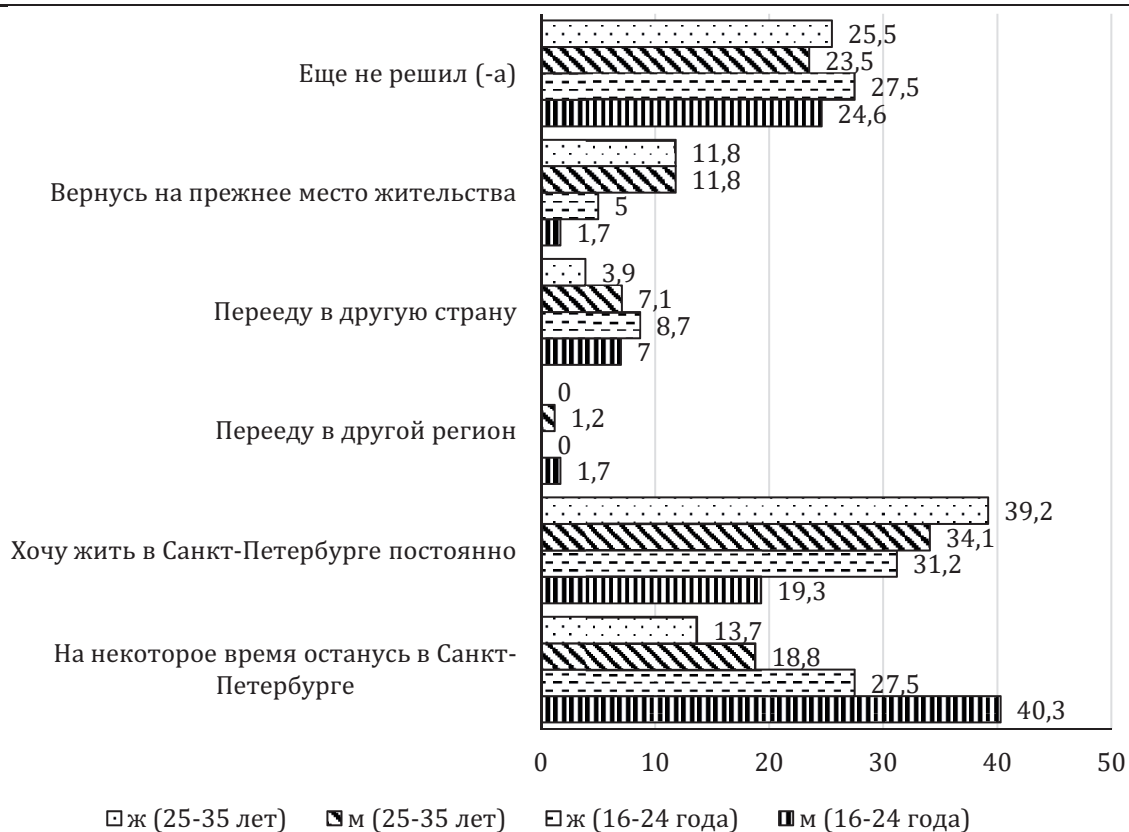

Рисунок 3. Миграционные намерения респондентов в зависимости от половозрастных характеристик

Совокупно лидирует желание жить в Санкт-Петербурге постоянно (31% среди всех опрошенных), наиболее это значимо для женщин 25–35 лет (39,2%), далее идут мужчины 25–35 лет (34,1%). Наименее значим данный показатель для юношей 16–24 лет (19,3%), для этой подгруппы наиболее популярный вариант ответа – временное пребывание в Санкт-Петербурге (40,3%). Наименее значима временная миграция для женщин 25–35 лет (13,7%). Примерно четверть мигрантов всех подгрупп еще не определилась с намерениями. Возвратная миграция чаще характерна для мужчин и женщин 25–35 лет (по 11,8%). Переезд в другую страну среди выделенных подгрупп наиболее значим для девушек 16–24 лет (8,7%) и наименее значим для женщин 25–35 лет (3,9%). Переезд в другой регион практически не выражен.

Миграционные намерения мигрантов в зависимости от этнических характеристик отражены на рис. 4.

Наиболее ориентированы на постоянное проживание в Санкт-Петербурге лакцы (41,2%) и кумыки (40,4%), также это актуально для третьей части лезгин и табасаранцев (по 33,3% соответственно). Даргинцы в равной мере распределились на тех, кто хочет проживать в Санкт-Петербурге постоянно, и на тех, кто рассматривает свое пребывание как временное (по 28,1%). Наиболее ориентированы на временное проживание в Санкт-Петербурге аварцы (32,5%). Возвратная миграция наиболее значима для табасаранцев (14,3%), наименее для лезгин (3,9%). Также табасаранцы лидируют по количеству еще не определившихся (33,3%), доля представителей других этносов по данному показателю составляет примерно четверть. Переезд в другую страну наиболее значим для даргинцев (9,4%) и абсолютно не значим для кумыков (0%). Переезд в другой регион интересен только небольшому количеству лезгин (3,9%).

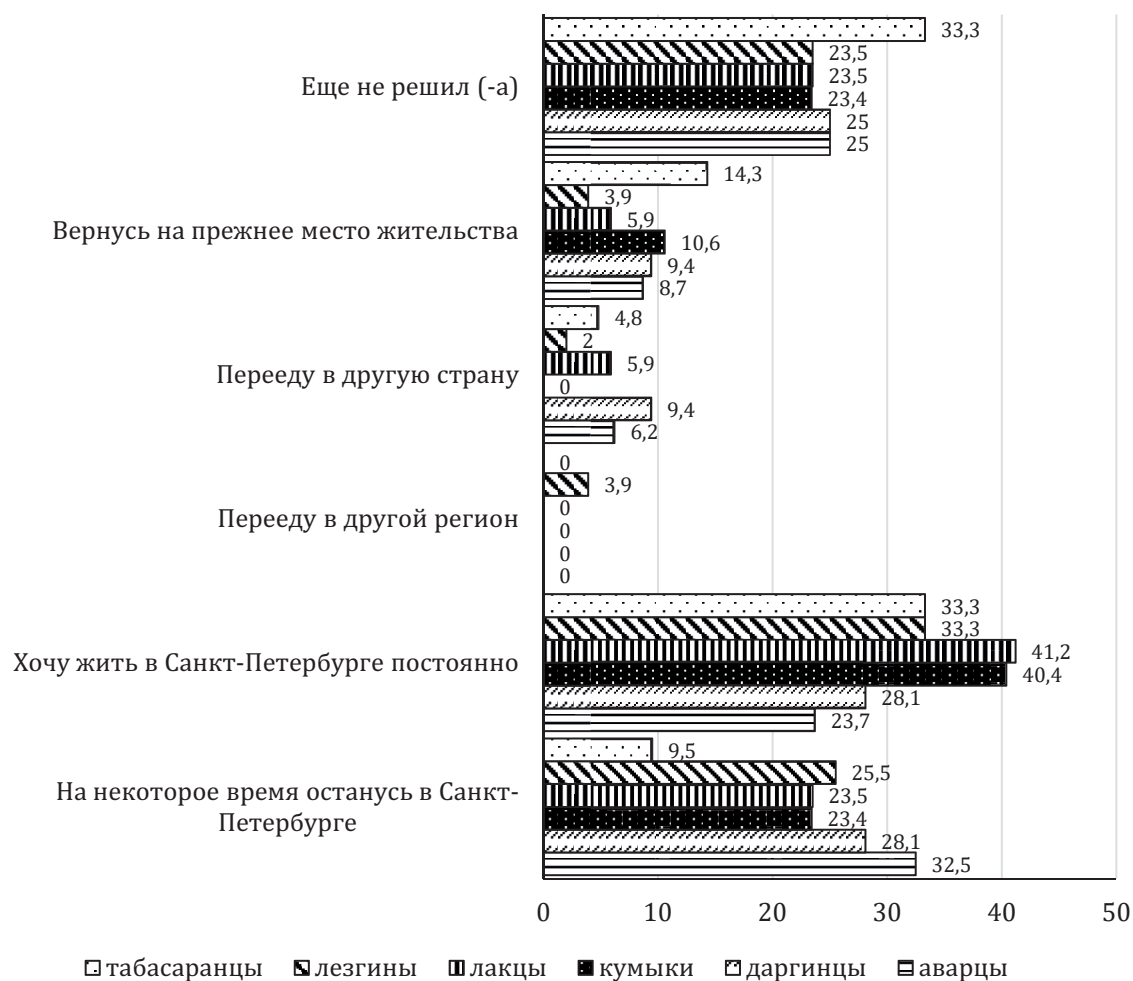

Рисунок 4. Миграционные намерения респондентов
в зависимости от этнических характеристик

Миграционные намерения складываются из совокупности причин, побуждающих продолжить жить на данной территории или покинуть ее.

Рассмотрим причины дальнейшего предполагаемого пребывания в Санкт-Петербурге в зависимости от половозрастных характеристик (рис. 5).

Наличие возможностей для саморазвития совокупно наиболее значимо для всех подгрупп, причем значимость данной причины одинакова для мужчин 25–35 лет и девушек 16–24 лет (61,2%) и для юношей 16–24 лет и женщин 25–35 лет (50,9 и 51% соответственно). Вторая частая причина – перспективы трудоустройства – максимально значима для юношей и девушек 16–24 лет, причем для девушек немного больше (64,9 и 68,7% соответственно). Для молодежи 25–35 лет данная причина менее значима в связи с тем, что большая часть мужчин уже трудоустроена и делает выбор в пользу построения карьеры (60%), женщины этой возрастной категории наименее карьерно-ориентированы, трудоустройство актуально только для третьей части, но в то же время они лидируют по семейным причинам (47,1%) и для них более значимы возможности для саморазвития (51%), удобная и разнообразная инфраструктура (43,1%), спокойная обстановка (41,2%) и хорошие условия жизни (37,2%). Для девушек 16–24 лет вышеназванные факторы также значимы, однако у них наряду со значимостью семейных причин лидируют профессиональные и карьерные установки, для них наиболее значимо среди выделенных подгрупп молодежи отсутствие прямого контроля со стороны родственников (16,2%), они же лидируют по

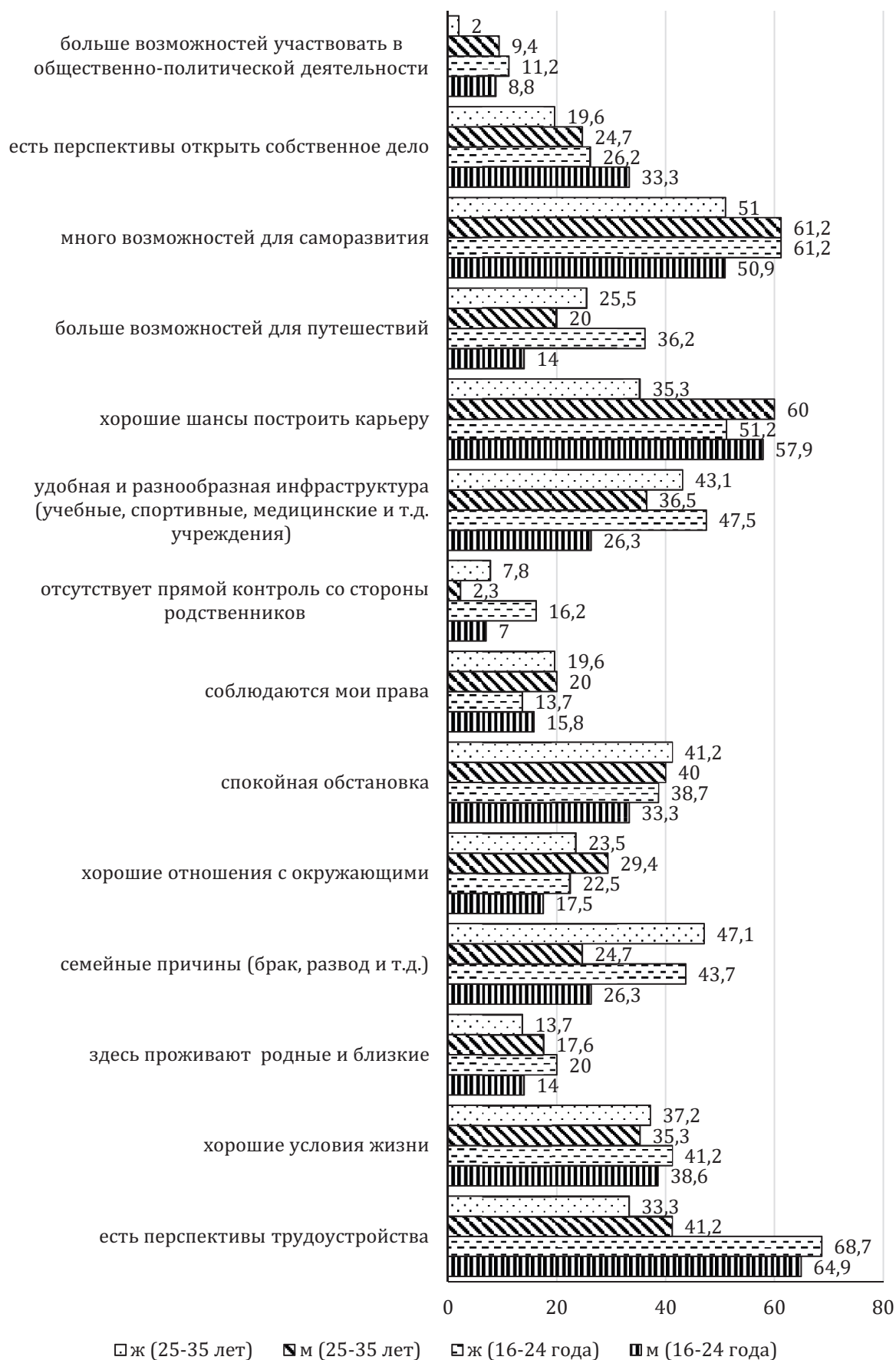

Рисунок 5. Причины дальнейшего предполагаемого пребывания в Санкт-Петербурге в зависимости от половозрастных характеристик

значимости возможностей для путешествий (36,2%) и возможностей проявлять общественно-политическую активность (11,2%). В противовес общественно-политическая активность наименее актуальна для женщин 25–35 лет – всего 2%. Перспективы открыть собственное дело наиболее позитивно выглядят в глазах молодежи младшей подгруппы (16–24 года), однако с возрастом видение перспектив снижается.

Рассмотрим причины дальнейшего предполагаемого пребывания в Санкт-Петербурге в зависимости от этнических характеристик (рис. 6).

Наличие возможностей для саморазвития совокупно наиболее значимо для всех опрошенных этнических групп: лезгинов (70%), лакцев (64,7%), аварцев (58,9%), даргинцев (54,8%), кумыков (54,3%), табасаранцев (47,4%).

По второй наиболее значимой причине – наличию перспектив трудоустройства – наблюдается большой разброс в уровне значимости: наиболее важна она для 73,7% табасаранцев – и это самая высокая значимость среди всех причин и всех опрошенных этнических групп; аварцы – 61,6%, даргинцы – 61,3%, лезгины – 54%, лакцы – 47%, кумыки – 36,9%.

Третья наиболее значимая причина – наличие хороших шансов построить карьеру: даргинцы – 67,7%, лакцы – 64,7%, аварцы – 50,7%, кумыки – 50%, табасаранцы – 47,4%, лезгины – 46%.

Следующие причины обладают гораздо меньшей совокупной значимостью, чем вышеперечисленные:

- спокойная обстановка: лакцы – 52,9%, даргинцы – 48,4%, табасаранцы – 47,4%, лезгины – 44%, кумыки – 43,5%, аварцы – 34,2%;
- удобная и разнообразная инфраструктура: лакцы – 52,9%, кумыки – 45,6%, лезгины – 44%, табасаранцы – 42,1%, даргинцы – 41,9%, аварцы – 32,9%;
- хорошие условия жизни: лакцы – 47%, аварцы – 46,6%, даргинцы – 38,7%, кумыки – 36,9%, табасаранцы – 36,8%, лезгины – 30%;
- наличие перспектив открыть собственное дело: даргинцы – 32,2%, лезгины – 28%, табасаранцы – 26,3%, кумыки – 23,9%, лакцы – 23,5%, аварцы – 20,5%;
- больше возможностей для путешествий: табасаранцы – 26,3%, лезгины – 26%, кумыки – 23,9%, лакцы – 23,5%, аварцы – 23,3%, даргинцы – 22,6%;
- хорошие отношения с окружающими: лезгины – 30%, лакцы – 29,4%, табасаранцы – 26,3%, даргинцы – 22,6%, кумыки – 19,6%, аварцы – 16,4%;
- соблюдение прав респондентов (наблюдается большой разброс мнений): лакцы – 41,2%, даргинцы – 25,8%, лезгины – 22%, кумыки – 19,6%, аварцы – 12,3%, табасаранцы – 10,5%;
- семейные причины (также наблюдается большой разброс): лезгины – 38%, даргинцы – 29%, кумыки – 23,9%, аварцы – 16,4%, лакцы – 11,8%, табасаранцы – 10,5%;
- в Санкт-Петербурге проживают родные и близкие: лезгины – 26%, даргинцы – 16,1%, табасаранцы – 15,8%, кумыки – 15,2%, аварцы – 15,1%, лакцы – 11,8%;
- отсутствует прямой контроль со стороны родственников: даргинцы – 12,9%, аварцы – 10,9%, табасаранцы – 10,5%, лезгины – 10%, лакцы – 5,9%, кумыки – 4,3%;
- больше возможностей участвовать в общественно-политической деятельности – наименее значимая причина: аварцы – 12,3%, лакцы – 11,8%, даргинцы – 9,7%, лезгины – 8%, кумыки – 4,3%; табасаранцы единственные, кого вообще не интересует общественно-политическая деятельность (0%).

Таким образом, среди наиболее популярных причин предполагаемого дальнейшего пребывания в Санкт-Петербурге доминируют причины, позволяющие реализо-

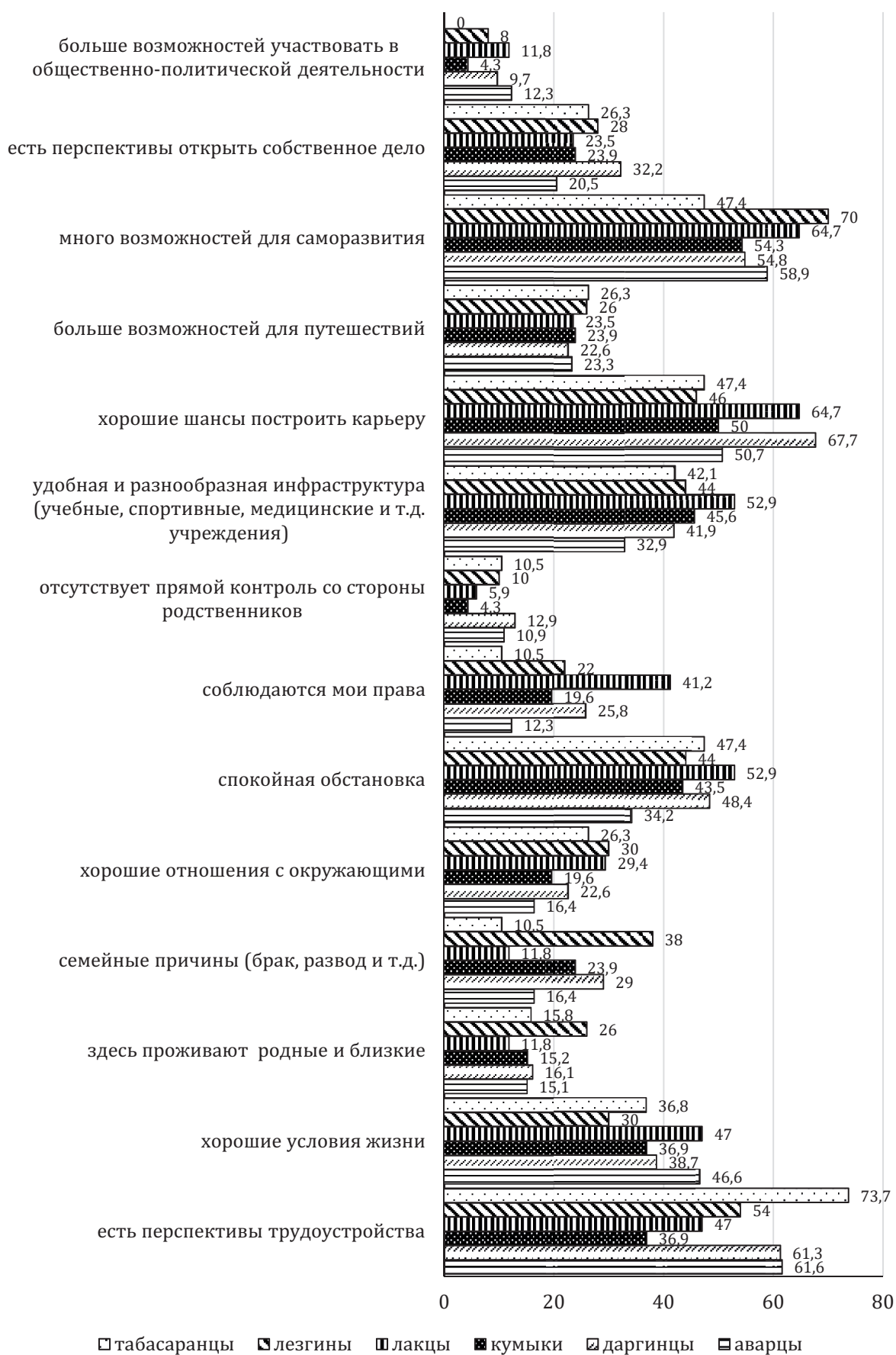

Рисунок 6. Причины дальнейшего предполагаемого пребывания в Санкт-Петербурге в зависимости от этнических характеристик

вать человеческий капитал: наличие возможностей для саморазвития и наличие перспектив трудоустройства – значимо как для юношей, так и для девушек (16–24 года), мужчины – более карьерно-ориентированные, ценят наличие шансов построить карьеру, женщины – более семейно-ориентированные, ценят комфортность среды для проживания – удобную и разнообразную инфраструктуру, хорошие условия жизни, спокойную обстановку и т.д. Девушки 16–24 лет наиболее активные среди всех подгрупп.

Однако наряду с позитивными присутствуют и негативные факторы, которые способствуют принятию решения об отъезде из Санкт-Петербурга (рис. 7, 8).

При сравнении причин, способствующих принятию решения об отъезде из Санкт-Петербурга в зависимости от половозрастных характеристик, получаем следующую картину: самой распространенной причиной отъезда для мужчин является неподходящий (плохой) климат (совокупно 92,7% против 73,9% женщин), также для мужчин более существенны трудности в соблюдении религиозных обрядов и обычаев (совокупно 43,9% против 38,8%), отсутствие перспектив трудоустройства (совокупно 37,5% против 7,6%), ослабление межпоколенческих связей (совокупно 28,7% против 12,1%), большое количество ненужной информации (совокупно 27,6% против 12%), плохие условия жизни (совокупно 17,6% против 7,6%), постоянное нарушение прав (совокупно 16,4% против 3,7%), анонимность, холодность окружающих (совокупно 15,2% против 14,6%), постоянные проверки документов со стороны работников полиции (совокупно 14,7% против 1,2%), плохие отношения с окружающими (совокупно 6,5% против 2,5%). Для женщин более значимы семейные причины (брак, развод и т.д.) (совокупно 90,8% против 51% мужчин), отсутствие родных и близких (совокупно 82,8% против 68,6%), большое количество стрессов (совокупно 47,8% против 18,8%), отсутствие у людей культурных и нравственных ценностей (совокупно 34,4% против 31,1%), дороговизна жизни в Санкт-Петербурге (совокупно 20,9% против 18,2%), высокая плотность населения (совокупно 15,9% против 11,1%). При этом девушки 16–24 лет никогда не сталкивались с нарушением прав, постоянными проверками документов, и никто из них не указал на причину «плохие отношения с окружающими».

В разрезе этнических характеристик самая распространенная причина отъезда – неподходящий (плохой) климат, лидирующая с большим отрывом от иных причин: больше всех от климата Северной столицы страдают табасаранцы (77,8%), далее следуют даргинцы (56,7%), лезгины (51,1%), лакцы (50%), аварцы (37,5%), менее всех климат не подходит кумыкам (28,9%).

Вторая самая распространенная причина – семейно-родственная, в нее входят: отсутствие родных и близких (табасаранцы – 55,5%, даргинцы – 46,7%, кумыки – 44,7%, аварцы – 43%, лезгины – 42,2%, лакцы – 25%) и семейные причины – брак, развод и т.д. (лакцы – 50%, лезгины – 42,2%, кумыки – 42,1%, аварцы – 34,7%, даргинцы – 30%, табасаранцы – 22,2%).

Третья наиболее значимая причина – наличие трудностей в соблюдении религиозных обрядов и обычаев: табасаранцы – 44,4%, лакцы – 31,2%, аварцы – 25%, кумыки – 21%, даргинцы – 20%, лезгины – 11,1%.

Следующие причины обладают гораздо меньшей совокупной значимостью, чем вышеперечисленные:

- большое количество стрессов: лезгины – 24,4%, даргинцы – 20%, аварцы – 19,4%, лакцы – 18,7%, табасаранцы – 16,7%, кумыки – 7,9%;
- отсутствие у людей культурных и нравственных ценностей: даргинцы – 23,3%, аварцы – 22,2%, лезгины – 17,8%, табасаранцы – 16,7%, кумыки – 10,5%, лакцы – 6,2%;

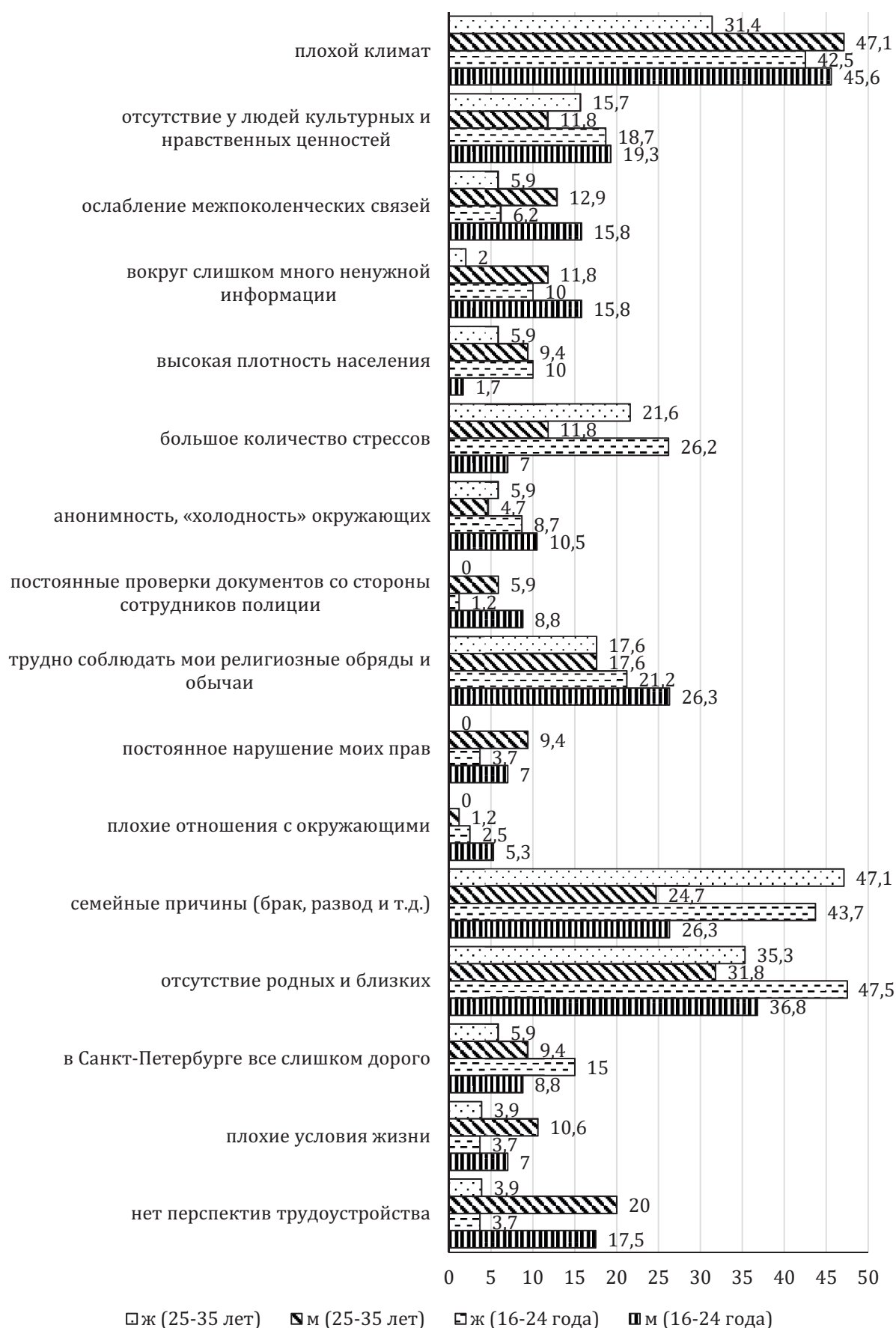

Рисунок 7. Причины дальнейшего предполагаемого отъезда из Санкт-Петербурга в зависимости от половозрастных характеристик

Рисунок 8. Причины дальнейшего предполагаемого отъезда из Санкт-Петербурга в зависимости от этнических характеристик

- отсутствие перспектив трудоустройства: табасаранцы – 22,2%, аварцы – 15,3%, лезгины – 13,3%, лакцы – 12,5%, даргинцы – 10%, кумыки – 5,3%;
- дороговизна жизни в Санкт-Петербурге: лакцы – 18,7%, табасаранцы – 16,7%, аварцы – 12,5%, кумыки – 10,5%, даргинцы – 10%, лезгины – 8,9%;
- ослабление межпоколенческих связей: лакцы – 25%, лезгины – 15,5%, аварцы – 13,9%, кумыки – 7,9%, табасаранцы – 5,5%, даргинцы – 3,3%;
- анонимность, холодность окружающих: лакцы – 18,7%, даргинцы – 13,3%, кумыки – 10,5%, аварцы – 8,3%, лезгины – 6,7%, табасаранцы – 5,5%;
- слишком много ненужной информации вокруг: лезгины – 17,8%, аварцы – 16,7%, даргинцы – 13,3%, лакцы – 6,2%, табасаранцы – 5,5%, кумыки – 2,6%;
- высокая плотность населения: табасаранцы – 22,2%, лезгины – 11,1%, кумыки – 7,9%, аварцы – 6,9%, данная причина абсолютно не значима для даргинцев – 0% и лакцев – 0%;
- плохие условия жизни: табасаранцы – 11,1%, даргинцы – 10%, аварцы – 9,7%, лезгины – 8,9%, кумыки – 2,6%, лакцы – 0%;
- постоянное нарушение прав: табасаранцы – 11,1%, аварцы – 9,7%, лезгины – 8,9%; абсолютно не актуальна данная причина для даргинцев, кумыков и лакцев (0%).
- постоянные проверки документов со стороны сотрудников полиции: табасаранцы (11,1%), лакцы (6,2%), кумыки (5,3%), аварцы (4,2%), лезгины (2,2%); даргинцы – единственные, кто не указал на постоянные проверки документов со стороны сотрудников полиции (0%).
- плохие отношения с окружающими – наименее значимая причина из предложенного списка: лезгины – 6,7%, табасаранцы – 5,5%, аварцы – 1,4%; абсолютно не актуальна для даргинцев, кумыков и лакцев (0%).

Заключение

Рассмотренные эмпирические данные позволили выявить следующие миграционные факторы и миграционные намерения молодежи из Дагестана, проживающей в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербург притягивает возможностями, позволяющими реализовать человеческий капитал: получение образования, расширение возможностей для развития, увеличение дохода, повышение уровня жизни, реализация желания найти более интересную работу и трудоустроиться по специальности. Желание реализовать человеческий капитал после переезда выражается в активном встраивании в учебную и трудовую деятельность;
- основной выталкивающий фактор из Республики Дагестан – отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте;
- совокупно лидирует желание жить в Санкт-Петербурге постоянно, наиболее это значимо для женщин и мужчин 25–35 лет, наименее значимо для юношей 16–24 лет, для этой подгруппы наиболее популярное значение – временное пребывание в Санкт-Петербурге. Наиболее ориентированы на постоянное проживание в Санкт-Петербурге лакцы и кумыки, также это актуально для третьей части лезгин и табасаранцев. Возвратная миграция наиболее значима для табасаранцев, наименее – для лезгин.
- в то же время проживание в Санкт-Петербурге подходит не всем приезжим, наибольшая проблема – неподходящий (плохой) климат. Семейно-родственные связи также играют ведущую роль (отсутствие родных и близких и др.).

Далее следуют трудности в соблюдении религиозных обрядов и обычаев. Немаловажную роль играют характеристики городской среды, которую можно назвать агрессивной: большое количество стрессов, дороговизна жизни, переизбыток ненужной информации, анонимность, холодность окружающих, высокая плотность населения, отсутствие у людей культурных и нравственных ценностей и ослабление межпоколенческих связей.

Проведенное исследование впервые осветило факторы миграции и миграционные намерения дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге, сквозь призму половозрастных и этнических характеристик, впервые были выявлены особенности половозрастных подгрупп и этнических групп, влияющие, соответственно, на весь миграционный процесс. Удержание мигрантов в городе в том числе будет зависеть от решения вопросов с трудностями осуществления религиозных практик (например, создание дополнительных молельных комнат/домов). Практическая значимость работы заключается в дополнении имеющейся литературы по миграционной тематике, а также в возможности использования материалов статьи для разработки эффективной миграционной политики, успешной адаптации внутренних мигрантов в принимающее общество.

Литература

- Абасова, З.У. К вопросу о миграционных процессах в Республике Дагестан / З.У. Абасова // *Молодой ученый*. – 2020. – № 17. – С. 330–332.
- Абдулманапов, П.Г. Миграция в Республике Дагестан как фактор перераспределения рабочей силы / П.Г. Абдулманапов, Х.У. Абасова // *Вопросы структуризации экономики*. – 2018. – № 1. – С. 80–82.
- Бинеева, Н.К. Восприятие студенческой молодежью Юга России социально-экономической и политической ситуации в стране (на материалах региональных исследований) / Н.К. Бинеева, А.С. Магранов // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 87–115. – <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.5>.
- Гусейнова, А.И. Классические и современные теории миграции населения / А.И. Гусейнова, Е.И. Козлова // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. – 2019. – № 2. – С. 202–209.
- Жуликова, О.В. Классические и постклассические подходы к трудовой миграции как социально-экономическому явлению / О.В. Жуликова, А.В. Стрижеус // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 21–32. – [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-2\(106\)-21-32](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-2(106)-21-32).
- Ивахнюк, И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации / И.В. Ивахнюк // *Век глобализации*. – 2015. – № 1. – С. 36–51.
- Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка, декабрь 2021 года / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf.
- Ионцев, В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения / В.А. Ионцев. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.
- Карпов, Ю.Ю. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этно-культурные последствия и перспективы / Ю.Ю. Карпов, Е.Л. Капустина. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. – 448 с.
- Николаев, М.А. Факторы устойчивого развития неурбанизированных территорий / М. А. Николаев, М.Ю. Махотаева // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 53–66. – <https://doi.org/10.18721/JE.14604>.
- Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 года и в среднем за 2022 год (с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site.xlsx.
- Селимов, М. Как Дагестану избавиться от миграционного донорства? [2022] / М. Селимов. – URL: <https://riaderbent.ru/kak-dagestanu-izbavitsya-ot-migratsionnogo-donorstva.html>.

Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации, в среднем за три месяца. Трудовые ресурсы, занятость и безработица / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

Becker, G.S. Human capital / G.S. Becker. – N.Y.: National Bureau of Economic Research, 1964. – 187 p.

Lee, E. A theory of migration / E. Lee // *Demography*. – 1966. – Vol. 3, № 1. – P. 47–57.

Schultz, T.W. Investment in human capital / T.W. Schultz // *American Economic Review*. – 1961. – Vol. 51, № 1. – P. 1–17.

References

Abasova Z.Yu. On the issue of migration processes in the Republic of Dagestan. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2020; 17:330–332. (In Russ.)

Abdulmanapov P. G., Abasova Kh.U. Migration in the Republic of Dagestan as a factor in the redistribution of labor. *Voprosy strukturnizatsii ekonomiki = Questions of economic structuring*. 2018; 1:80–82. (In Russ.)

Becker G.S. Human Capital. N.Y.: National Bureau of Economic Research; 1964. 187 p.

Bineeva N.K., Magranov A.S. Perception of student youth in the South of Russia of the socio-economic and political situation in the country (based on materials from regional studies). *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika = Sociological science and social practice*. 2023; 11(3):87–115. <https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.3.5>. (In Russ.)

Guseinova A.I., Kozlova E.I. Classical and modern theories of population migration. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2019; 2:202–209. (In Russ.)

Human Development Index in Russia: regional differences. Analytical note, December 2021 / Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf. (In Russ.)

Iontsev V.A. International population migration: theory and history of study. Moscow: Dialog-MGU = Dialog-MGU; 1999. 370 p. (In Russ.)

Ivakhnyuk I.V. The development of the migration theory in the context of globalization. *Vek globalizatsii = The Age of Globalization*. 2015; 1:36–51. (In Russ.)

Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. Highlanders after the mountains. Migration processes in Dagestan in the 20th and early 21st centuries: their social and ethno-cultural consequences and prospects. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; 2011. 448 p. (In Russ.)

Lee E. A theory of migration. *Demography*. 1966; 3(1):47–57.

Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Yu. Factors of sustainable development of non-urbanized territories. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2021; 14(6):53–66. DOI: <https://doi.org/10.18721/JE.14604>. (In Russ.)

Preliminary estimate of the permanent population as of January 1, 2023 and on average for 2022 (taking into account the results of the 2020 All-Russian Population Census) / Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site.xlsx. (In Russ.)

Schultz T.W. Investment in human capital. *American Economic Review*. 1964; 51(1):1–17.

Selimov M. How can Dagestan get rid of migration donation? [2022]. Available at: <https://riaderbent.ru/kak-dagestanu-izbavitsya-ot-migratsionnogo-donorstva.html>. (In Russ.)

Unemployment rate of the population aged 15 years and older by constituent entities of the Russian Federation, on average for three months. Labor resources, employment and unemployment. Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/labour_force. (In Russ.)

Zhulikova O.V., Strizheus A.V. Classical and post-classical approaches to labour migration as a socioeconomic phenomenon. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*. 2019; 14(2):21–32. [https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-2\(106\)-21-32](https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-2(106)-21-32). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 05.03.2024

Дата окончания рецензирования: 29.04.2024

Дата принятия к публикации: 15.05.2024

Информация об авторе

Шекера Екатерина Александровна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, e-mail: shekerak@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Shekera Ekaterina Aleksandrovna – applicant for the degree of Can. Sci. (Sociology), Saint Petersburg State University, St. Petersburg, e-mail: shekerak@gmail.com

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.354:351/354

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.4>

EDN LGVSZW

**Наука, бизнес, государство и общество как акторы развития
социального партнерства в современных российских условиях
(на примере ВТРК «Архыз»)****Анжела М. Салогуб¹**¹Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия
e-mail: salogubam@yandex.ru**Александр С. Старовойтов²**²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия
e-mail: starovoitovas1997@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В статье оценивается управленческий механизм сотрудничества научного сообщества, государства, бизнеса и общества на примере ВТРК «Архыз». Актуальность исследования обусловлена высокой потребностью российского сообщества, вызванной существующей геополитической обстановкой и нарастающим давлением недружественных государств, в создании управленческого механизма, позволяющего в полной мере достигнуть поставленной цели устойчивого развития, в том числе в создании туристического кластера, отвечающего современным стандартам индустрии гостеприимства, отдыха и развития самого региона присутствия. Сегодня наблюдается сближение институциональных сфер – государства, бизнеса, науки и сообществ, они начинают эффективно взаимодействовать на основе передовых социальных и цифровых технологий, частично перекрывая друг друга. Каждая институциональная сфера выполняет не только свои институциональные функции. Цель исследования заключается в анализе эффективности существующих механизмов управления ОЭЗ на примере ВТРК «Архыз» и оценке перспективности внедрения модели социального партнерства государства, бизнеса, научного сообщества и общественности на территории курорта на условиях интеграции целей и ценностей.

Методы. Методологической базой исследования стал контент-анализ, социологический, системный и сравнительный подходы. Эмпирической базой исследования являются данные Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России и нормативно-правовые документы.

Результаты исследования и их обсуждение. Для России остается актуальным вопрос построения системы эффективного взаимодействия между основными участниками общественных отношений – государством, научным сообществом, бизнесом и некоммерческими организациями. При этом эффективная система стимулов для бизнес-сообщества уже существует и показала свою эффективность. Внедрение и распространение управленческого механизма социального партнерства на территории ОЭЗ ВТРК «Архыз» положительно скажутся на социальном и экономическом положении курорта. Внутренний туризм после «закрытия» границ стал новой точкой роста для качества жизни граждан России, экономических субъектов, обнаруживает значительный потенциал для формирования туристического потока из дружественных стран.

Ключевые слова: партнерство; наука; бизнес; государство; субъекты взаимодействия; общественные отношения; ОЭЗ; сотрудничество.

Для цитирования: Салогуб А.М., Старовойтов А.С. (2024). Наука, бизнес, государство и общество как акторы развития социального партнерства в современных российских условиях (на примере ВТРК «Архыз»). *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 58–66. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.4>.

**Science, business, government and society as factors
of development of social partnership in modern Russian conditions
(on the example of Arkhyz ATRC)**

Anzhela M. Salogub¹

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
e-mail: salogubam@yandex.ru

Alexandr S. Starovoitov²

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
e-mail: starovoitovas1997@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article evaluates the management mechanism of cooperation between the scientific community, the state, business and society on the example of the Arkhyz ATRC. The relevance of the study is due to the high need of the Russian community, caused by the existing geopolitical situation and the increasing pressure of unfriendly states, to create a management mechanism that allows to fully achieve the set goals of sustainable development, including the creation of a tourism cluster that meets modern standards of the hospitality industry, recreation and development of the region of presence itself. Today, there is a convergence of institutional spheres: the state, business, science and communities, they begin to effectively interact on the basis of advanced social and digital technologies, partially overlapping each other. Each institutional sphere performs not only its own institutional functions. The purpose of the study is to analyze the effectiveness of existing SEZ management mechanisms using the example of the Arkhyz ATRC and assess the prospects for implementing a model of social partnership between the state, business, the scientific community and the public in the resort on the basis of integration of goals and values.

Methods. The methodological basis of the research was content analysis, sociological, systemic and comparative approaches. The empirical basis of the study is the data of the Association of Clusters, Technoparks and SEZs of Russia and regulatory documents.

Results of study and its discussion. For Russia, the issue of building a system of effective interaction between the main participants in public relations remains relevant: the state, the scientific community, business and non-profit organizations. At the same time, an effective incentive system for the business community already exists and has shown its effectiveness. The introduction and dissemination of the management mechanism of social partnership in the territory of SEZ of the Arkhyz ATRC will have a positive impact on the social and economic situation of the resort. After the "closure" of borders, domestic tourism has become a new point of growth for the quality of life of Russian citizens, economic entities, and reveals significant potential for the formation of a tourist flow from friendly countries.

Keywords: partnership; science; business; government; subjects of interaction; public relations; SEZ; cooperation.

For citation: Salogub A.M., Starovoitov A.S. (2024). Science, business, government and society as factors of development of social partnership in modern Russian conditions (on the example of Arkhyz ATRC). *Caucasian Scientific Bridge*, 7 (1), p. 58–66. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.4>.

Введение

Современные геополитические процессы требуют от российского общества усиления внутренних социальных связей. Переход множества недружественных государств к агрессивной антироссийской политике, закрытие логистических и туристических цепочек, приводят к потребности создания полноценных внутренних экосистем, ориентированных на управленческие механизмы социального партнерства как управленческой модели взаимодействия научного сообщества, бизнеса, государства и гражданского общества в актуальных реалиях, где ключевым звеном становится получение не только материальной, но и социальной выгоды.

Данный социальный рывок для российского общества в первую очередь связан с внешнеполитическими угрозами целостности государства и сохранению независимости. В текущих условиях важно поддерживать эффект сплочения для формирования принципиально новой формы общественных связей (Поланьи, 2002), основанных на общей идеологии, направленной на достижение одновременно социальных, экономических и экологических целей.

Наблюдаемые тенденции к социально ответственному ведению бизнеса создают соответствующие стимулы и условия для развития проектов, характеризующихся ответственным отношением к окружающей среде, высокой социальной ответственностью и качеством применяемого управленческого механизма.

При применении эффективного управленческого механизма положительный эффект от сложившейся геополитической обстановки может быть использован для создания полноценной действующей модели социального партнерства, формирования общих целей и ценностей. Построение подобного фундамента объединения интересов и нивелирования конфронтации позволит максимизировать эффект от общей деятельности разрозненных акторов (основных) общественных отношений, в том числе позволит ускорить процесс формирования гражданского общества в России (Шевченко, 2023).

Подобной площадкой в текущих условиях может стать всесезонный туристско-рекреационный комплекс (ВТРК) «Архыз», для которого характерен значительный потенциал (множество мелких и крупных организаций сферы туризма и отдыха), государственный контроль (в последнее время уменьшающийся) как за особой экономической зоной (ОЭЗ), но незначительная вовлеченность научного сообщества и общественных объединений и организаций в процессы функционирования и организации взаимодействия.

Теоретическое обоснование

Стандарты ESG (принципы устойчивого гармоничного развития социальной, экономической и экологической сферы) влияют на способность компаний создавать долгосрочную ценность и тем самым перейти от краткосрочного бизнес-поведения к долгосрочному.

Принципы ESG строятся на социальной ориентированности бизнеса при осуществлении основной деятельности, его стремлении к устойчивому развитию общества и формированию единой, целостной, комфортной социально-экономической обстановки в стране.

Основополагающими в ESG считаются принципы ориентирования на экологическую, социальную и корпоративную ответственность.

Концепт внедрения ESG предполагает создание социально ответственного бизнеса, стремящегося не только к достижению высокой прибыли, но и к рациональному использованию природных ресурсов, снижению риска уничтожения биологических видов, борьбе с изменениями климата, бедностью и голодом (т.е. стремление к достижению целей устойчивого развития мирового сообщества).

Ключевым актором принципов ESG в России мы считаем Ассоциацию кластеров, технопарков и ОЭЗ России (АКИТ РФ), которая на протяжении десятилетий при сотрудничестве и поддержке государства и множества представителей бизнес-сообщества формирует политику ESG в стране.

АКИТ РФ создана база аналитики и обучения действующих и новых представителей бизнеса стандартам ESG, принципам организации и ведения социально ответственной деятельности. Таким образом, любая компания при поддержке АКИТ РФ может начать эффективно внедрять данные стандарты на своих бизнес-площадках при минимальных рисках нанесения ущерба действующим механизмам взаимодействия (Бизнес-навигатор..., 2023).

Социальная ответственность бизнеса тесно связана с пониманием социального партнерства (Parsons, 1986), когда основные акторы общественных отношений реализуют общую политику, руководствуясь едиными целями и ценностями, поддерживаемые гибким и эффективным управленческим механизмом.

Научным сообществом не принято единого понятийного пространства социального партнерства, множество исследователей в разные периоды развития научной мысли рассматривали социальное партнерство как различные узконаправленные управленческие механизмы. Мы понимаем социальное партнерство как механизм согласования интересов, целей и ценностей субъектов партнерства. При этом под основными субъектами взаимодействия подразумеваются такие субъекты общественных отношений, как государство, бизнес, научное сообщество и общественные организации (Салогуб, 2022).

В рамках данной теоретической разработки управленческий механизм социального партнерства представляет собой модель взаимодействия основных акторов общественных отношений, включающую в себя зонирование функциональной ответственности участников такого партнерства. Каждый агент модели выполняет установленные функции, соответствующие в том числе общим целям и ценностям всех участников партнерства.

Цели и ценности социального партнерства как центральный элемент эффективного взаимодействия могут варьироваться в зависимости от сферы деятельности, однако существует ряд ключевых положений для каждого участника, выполнение которых необходимо для возникновения конкретного социального партнерства:

1. Ключевые цели и ценности государства – это достижение устойчивого развития страны, повышение уровня благосостояния общества и рост человеческого капитала, в том числе улучшение общего социального и инвестиционного климата в стране.

2. Ключевые ценности бизнеса – это повышение эффективности инвестиций (капитализация), минимизация издержек, брендинг и создание площадок с высоким уровнем инвестиционной привлекательности, ориентирование на потребности общества, в том числе улучшение социально-экономического климата (связь с общественностью и лидерами общественных мнений).

3. Ключевые ценности научного сообщества – это рост эмпирической и теоретической базы научных исследований, повышение эффективности разрабатываемых теорий и практических разработок, развитие человеческих ресурсов.

4. Ключевые ценности некоммерческих организаций (общественности) – это повышение уровня социального климата, синергия социальной и экономической деятельности государства и бизнеса (социально ориентированное развитие).

Для Российского государства социальное партнерство – актуальное направление устойчивого развития, перспективный управленческий механизм согласования интересов основных акторов общественного взаимодействия в направлении достижения высокого уровня устойчивого развития России.

Актуальность и потребность организации системы качественного взаимодействия по достижению синергии социальной и экономической деятельности подтверждается также целенаправленной масштабной деятельностью государства в данном направлении, выражающейся не только в создании и поддержке АКИТ РФ, но и в организации всероссийских инициативных проектов, как, например, организация в России Десятилетия науки и технологий (Кузнецова, 2021; Распоряжение Правительства РФ..., 2022).

Результаты исследования и их обсуждение

Первостепенная задача развития для России – это достижение целей устойчивого развития, предполагающих полноценное и многополярное развитие всех сфер деятельности, несмотря на негативное давление со стороны недружественных госу-

дарств. Национальные и стратегические цели неизменны с 2018 г. Изменениям подвергаются механизмы достижения устойчивого развития государства.

Максимизация эффективности процессов общественных отношений требует вовлечения основных акторов взаимодействия – научного сообщества, бизнес-сообщества, государства и общественности – в социально-экономическую деятельность.

Одной из значимых управленческих моделей партнерских отношений выступают ОЭЗ. Их нельзя идентифицировать как полноценную управленческую модель социального партнерства в связи с тем, что роль научного сообщества в создании и функционировании таких зон незначительна в общем масштабе реализуемых проектов и выражается в формировании отчетов об оценке ОЭЗ, а также в организации и участии в форумах и инвестиционных выставках, направленных на повышение имиджа конкретных ОЭЗ.

Общественность как представители гражданского общества также практически не участвует в жизнедеятельности ОЭЗ. Необходимо учитывать, что АКИТ РФ является общественно-деловой организацией, созданной при поддержке государства, и ее участие только частично можно считать фактором влияния общественности, так как преследуются определенные государственные и финансовые интересы.

В России ОЭЗ являются одними из самых масштабных проектов национального значения, направленными на рост экономики субъектов РФ, стимулирование инвестиционной привлекательности перспективных сфер развития государства.

К главным преимуществам ОЭЗ относится снижение издержек, т.е. создание преференционных налоговых режимов. Данные режимы дают возможность участникам ОЭЗ применять налоговые, таможенные и социальные преференции. Также актуальным для России является создание транспортной, коммунальной и инженерной инфраструктуры за счет средств бюджетной системы, сопровождение внедрения бизнес-проектов, в том числе дальнейшее сопровождение и поддержка управляющих компаний ОЭЗ.

Территории с особыми экономическими режимами привлекают множество инвесторов, однако функционирующие в России ОЭЗ лишь частично соответствуют модели социального партнерства, так как степень вовлеченности всех основных акторов общественных отношений в процессы жизнедеятельности ОЭЗ отличается, в некоторых случаях значимость научного сообщества и общественности практически отсутствует.

Одной из активно развивающихся ОЭЗ туристско-рекреационного типа является курорт Архыз, располагающийся в пределах Карачаево-Черкесской Республики.

Государством создан особый институт развития «Кавказ.РФ», осуществляющий функции формирования управленческой системы и развития Архыза, ориентированного на потребности бизнес-сообщества и общества.

Государство инвестировало в развитие курорта 21,2 млрд рублей, при этом инвестиции бизнеса не превышают 4 млрд рублей. Вложенные средства позволили создать (восстановить/модернизировать) в пределах курорта более 190 объектов горнолыжной и инженерной инфраструктуры, в том числе 18 горнолыжных трасс протяженностью 27,4 км, 8 канатных дорог пропускной способностью 18,1 тыс. чел./ч, а также прочие объекты, необходимые для обеспечения функционирования курорта. Мощность энергоснабжения курорта достигла 39 МВт.

Архыз располагает 16 гостиницам (2,2 тыс. мест размещения). Потенциал развития курорта в соответствии со стратегическими и градостроительными документами составляет 133 км горнолыжных трасс, 60 канатных дорог (общей пропускной способностью 134 тыс. чел./ч), 24 тыс. мест размещения (более 400 объектов) в пре-

делах пяти туристических деревень – Романтик, Лунная Поляна, Дукка, Дукка 2000 и Пхия.

Для участников ОЭЗ «Архыз» существует преференционный режим:

1. Налог на прибыль организации снижен до 13,5% (РФ – 20 %).
2. Налог на имущество организации снижен до 0% на 10 лет (РФ – 2,2 %).
3. Земельный налог снижен до 0% на 5 лет (РФ – 1,5 %).

Бизнес получил высокий уровень государственной поддержки, что привлекло в ОЭЗ более 40 резидентов.

Однако действующий управленческий механизм взаимодействия участников ОЭЗ практически исключает потребность в научном сообществе и общественности, что является сдерживающим фактором, препятствующим становлению Архыза как курорта мирового уровня. Применяемый механизм государственно-частного партнерства (Мошкова, 2015) ограничивает социальную составляющую развития курорта.

Для увеличения туристического потока и популяризации Архыза на курорте необходима организация на постоянной основе масштабных общественных, культурных и развлекательных событий.

За последние четыре года сформировалась тенденция к снижению темпов наращивания культурной составляющей на курорте. Ежегодно наблюдается уменьшение социальной активности административного управления курортом. В 2022 г. было реализовано всего два мероприятия.

Научное сообщество имеет более низкую степень вовлеченности, ограничивающуюся предоставлением волонтеров в период наивысшей загруженности курорта. При этом научное сообщество отрезано от участия в развитии инновационного управленческого и технологического потенциала ОЭЗ ТРТ ВТРК «Архыз».

Инновационный потенциал является мощным источником конкурентного преимущества именно потому, что его трудно создавать и поддерживать. АКИТ РФ в основном ориентирована на деятельность производственных ОЭЗ. Поэтому наиболее приближенная к системе взаимодействия основных участников общественных отношений АКИТ РФ при участии Автономной некоммерческой организации «Институт экономики знаний» (далее – Институт) практически не взаимодействует с резидентами Архыза. Однако технологии сферы курортов и гостеприимства востребованы в мировом сообществе. Посетители курортов требуют высокого уровня сервиса и качества предоставляемых услуг.

При этом необходимо привлечение не только АКИТ РФ и Института к созданию социального партнерства в Архызе, но и иных организаций в целях предотвращения создания вышеуказанными структурами монополий, что непреднамеренно произошло с некоторыми ОЭЗ России, где отсутствует влияние иных общественных организаций и представителей научного сообщества.

Система партнерства ОЭЗ ТРТ ВТРК «Архыз» не выполняет в полной мере функции представительства и согласования групповых интересов. Решение данного вопроса возможно при привлечении научного сообщества для внедрения для всех резидентов стандартов ESG.

В Российской Федерации принципы ESG менее распространены, чем в странах Европы и Северной Америки, но уже применяется пилотная практика внедрения принципов ESG в деятельность бизнеса. Апробация также является основным акцентом при функционировании ОЭЗ производственных типов. Данная проблема активно обсуждалась на Петербургском международном экономическом форуме в 2021 г. в числе вопросов защиты окружающей среды.

При внедрении стандартов ESG также возрастет роль общественных организаций, которые при прямом взаимодействии с остальными участниками социального партнерства (бизнесом, государством и научным сообществом) могут достичь синергии целей и ценностей каждого участника.

Социальный эффект внедрения управленческого механизма социального партнерства проявляется в синергии деятельности всех основных акторов общественных отношений и ориентировании в первую очередь на решение социальных и экологических вопросов, сопряженных с экономическими вопросами (в рамках конкретной сферы деятельности социального партнерства). Решение вопросов устойчивого развития государства в целом, снижение давления острых социальных проблем позволяют акторам общественных отношений повысить общую эффективность осуществляемой деятельности, так как планомерное развитие общества и государственного суверенитета приведет к повышению потенциала России.

Для максимизации эффективности общественных процессов необходимо создание системы функционирования и учета взаимных интересов хозяйствующих субъектов всех уровней социально-экономического взаимодействия, способствующей наиболее эффективному достижению социальных, экономических и политических целей бизнеса, государства и российского общества в целом.

Социальное партнерство ориентированно на синергию взаимодействия государства, науки, бизнеса и общества, согласование целей и ценностей основных акторов общественных отношений на этапе формирования структуры взаимодействия. Управленческий механизм социального партнерства, при котором каждый участник будет преследовать не только личные, но и интересы общества в целом, является ключевым звеном становления Архыза как курорта мирового масштаба.

Заключение

Глобальные изменения всех общественных процессов, связанных с высоким санкционным давлением со стороны недружественных стран, напряженная геополитическая обстановка, расширение территориальных границ, последующие изменения функционирования общества привели к росту масштаба и интенсивности реализуемых государственных, коммерческих, социальных и инновационных проектов в России.

Достижение всех поставленных национальных целей невозможно без обеспечения единого централизованного взаимодействия между участниками общественных отношений, вовлеченности основных участников общественных отношений (научного сообщества, бизнеса, государства и общества) в процесс реализации проектов всех уровней и сфер деятельности, так как достижение синергии интересов всех заинтересованных сторон является ключевым элементом выполнения поставленных задач.

Реализуемые механизмы согласования интересов не имеют системности. При реализации инвестиционных и социальных проектов согласование интересов происходит между государством и бизнесом, при этом наблюдается низкий уровень включенности научного сообщества и общественных организаций. Государство продолжает внедрение экспериментальных механизмов сотрудничества и партнерства с целью привлечения научного сообщества и общественности к реализации значимых для страны проектов.

Государству как ключевому участнику общественных отношений, нацеленному на всестороннее развитие страны, необходимо законодательно закрепить нормы социального партнерства между государством, бизнесом, научным сообществом и некоммерческими организациями, инициировать создание новых некоммерческих органи-

заций (как представителей гражданского общества), а также инициировать внедрение данной системы. Ключевым вопросом станет достижение синергии целей и ценностей всех участников партнерства, что приведет к повышению эффективности осуществляемой деятельности каждого партнера в частности и в целом (Хейманс, 2019).

Внедрение и распространение данной системы на территории ОЭЗ ВТРК «Архыз» положительно скажется на социальном и экономическом положении курорта. Сфера туризма в данном направлении после закрытия туристического потока в недружественные страны для многих граждан России имеет значительный потенциал к наращиванию объемов внутреннего туризма, также имеется значительный потенциал для формирования туристического потока из дружественных государств. Социальное партнерство может стать ключевым управленческим механизмом, который позволит повысить эффективность развития курорта в данном направлении, с учетом привлечения научного сообщества и общественных объединений и организаций.

Важно учитывать, что практический базис социального партнерства в России существует лишь в виде наличия признаков социального партнерства (не в полном объеме) в рамках реализации различных проектов национального значения (к примеру, создание ОЭЗ). Только государство может полноценно апробировать потенциал внедрения управленческого механизма модели социального партнерства на практике.

Литература

- Бизнес-навигатор по особым экономическим зонам России – 2023. Вып. 7. – М.: АКИТ РФ, 2022. – 287 с.
- Кузнецова, Е.П. О взаимодействии науки, бизнеса и государства в развитии экономики территории / Е.П. Кузнецова // *Проблемы развития территории*. – 2021. – № 5. – С. 71–87. – <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.5>.
- Мошкова, Л.Е. Партнерские отношения бизнеса и власти на территории присутствия: теория и методология: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук / Л.Е. Мошкова. – М., 2015. – 42 с.
- Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – М.: Алетейя, 2002. – 320 с.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении плана проведения в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» от 25 июля 2022 г. № 2036-р. – URL: <http://government.ru/docs/all/142400/>.
- Салогуб, А.М. Современная модель социального партнерства в контексте реализации национальных проектов / А.М. Салогуб, А.С. Старовойтов // *Гуманитарий Юга России*. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 28–44. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.2>.
- Хейманс, Д. Новая власть / Д. Хейманс, Г. Тиммс. – М.: Альпина Пабlishер, 2019. – 504 с.
- Шевченко, О.М. Проблема консенсуса государства и гражданского общества в России: социальные противоречия и перспективы / О.М. Шевченко, Л.Л. Штофер // *Гуманитарий Юга России*. – 2023. – Т. 12, № 1. – С. 244–253. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.19>.
- Parsons, T. The social system / T. Parsons. – London: Routledge, 1986. – 448 p.

References

- Decree of the Government of the Russian Federation “On approval of the plan for the Decade of Science and Technology in the Russian Federation” dated July 22, 2022 No. 2950-r. Available at: <https://www.government.ru>. (In Russ.)
- Heimans J., Timms H. New power. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 504 p. (In Russ.)
- Kuznetsova E.P. On the Interaction of Science, Business and the State in the Economic Development of the Territory. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2021; 5:71–87. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.5.115.5>. (In Russ.)
- Moshkova L.E. Partnership relations between business and government in the territory of presence: theory and methodology: abstract of the PhD dissertation. Moscow; 2015. 42 p. (In Russ.)
- Business navigator for special economic zones of Russia – 2023. Issue 7. Moscow: ACAT RF. 287 p. (In Russ.)
- Parsons T. The social system. London: Routledge; 1986. 448 p.
- Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Moscow: Aleteya; 2002. 320 p. (In Russ.)

Salogub A.M., Starovoitov A.S. A modern model of social partnership in the context of the implementation of national projects. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2022; 11(5):28–44. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.5.2>. (In Russ.)

Shevchenko O.M., Shtofer L.L. The problem of consensus between the state and civil society in Russia: social contradictions and prospects. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023; 12(1): 244–253. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.1.19>.

Дата получения рукописи: 11.05.2024

Дата окончания рецензирования: 28.06.2024

Дата принятия к публикации: 05.07.2024

Информация об авторах

Салогуб Анжела Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, главный научный сотрудник, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, e-mail: salogubam@yandex.ru

Старовойтов Александр Сергеевич – аспирант, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия, e-mail: starovoitovas1997@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Salogub Anzhela Mikhailovna – Doctor of Sciences in Sociology, Professor of the Department of Creative and Innovative Management and Law, Chief Researcher, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, e-mail: salogubam@yandex.ru

Alexander S. Starovoitov – Postgraduate student, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, e-mail: starovoitovas1997@yandex.ru

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.5>

EDN LMZWAX

Управление карьерой судей: постановка проблемы на примере судей футбола**Светлана А. Ильиных¹**

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия
e-mail: s.a.iljinyh@nsuem.ru

Владислав О. Кальмуцкий²

²Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия
e-mail: v.kalmutskiy@gmail.com

Аннотация

Введение. При проведении матчей на футбольных судей возлагается задача по поддержанию честной игры и управлению матчем. Арбитры оказывают значительное влияние на равновесие между командами, и футбольные организации заинтересованы в наборе, обучении и продвижении талантливых судей. Однако спортивные судьи находятся на периферии научных исследований. Цель статьи – обозначить проблемы, существующие при управлении карьерой футбольных судей.

Методы. В исследовании использовался метод документального анализа документов спортивных организаций: правила игры, локальные акты Российского футбольного союза и др.

Анализ литературы. Были изучены научные работы, посвященные различным аспектами управления карьерой спортивных судей и сделан вывод о том, что, несмотря на повышение интереса к теме, научные исследования в данной сфере носят обрывочный характер.

Результаты исследования и обсуждение.

Футбольные федерации как пример гибридной организации. В исследовании подчеркивается: спортивные организации – это гибридные организации, занимающие промежуточное положение между свободным рынком и иерархической структурой. Карьера в такой структуре носит уникальный характер, когда футбольный арбитр может работать одновременно в нескольких спортивных организациях разного уровня, а его карьерный рост заключается в возможности судейства соревнований под эгидой вышестоящих организаций.

Профессионализация спортивного судейства. В работе предлагается термин «профессионализация спортивного судейства», рассматриваемый в двух аспектах: как переход от хобби к карьере при продвижении по карьерной лестнице и как наделение деятельности спортивного судьи атрибутами постоянной работы по мере развития спорта.

Обучение на протяжении всей карьеры. Спортивное судейство является примером работы, где обучение происходит на протяжении всей карьеры. Обучение играет настолько важную роль, что в рамках спортивных организаций возникли институты инспектирования и профессионального наставничества. В статье обозначены проблемы управления, специфичные для карьеры спортивных судей. Работа вносит вклад в понимание карьеры спортивных судей и поднимает вопрос необходимости поиска моделей управления карьерой, учитывающих эти особенности.

Ключевые слова: гибридные организации; карьера спортивных судей; профессионализация в спорте; непрерывное обучение; управление карьерой; наставничество; официальные лица в спорте.

Для цитирования: Ильиных С.А., Кальмуцкий В.О. (2024). Управление карьерой судей: постановка проблемы на примере судей футбола. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 67–77. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.5>.

**Referee career management: framing the issue using
the example of football referees****Svetlana A. Ilynykh¹**

¹Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia
e-mail: s.a.iljinyh@nsuem.ru

Vladislav O. Kalmutskiy²²Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

e-mail: v.kalmutskiy@gmail.com

Abstract

Introduction. During football matches, referees are tasked with maintaining fair play and managing the game. Referees significantly influence the balance between teams, and football organizations are keen on recruiting, training, and promoting talented referees. However, sports officials remain on the periphery of sports research. The aim of this paper is to identify the issues present in managing the careers of football referees.

Methods. The study utilized the documentary analysis method involving documents from sports organizations: the game rules, local acts of the Russian Football Union, and others.

Literature analysis. Scientific works focused on various aspects of career management for sports referees were reviewed. It was concluded that despite increased interest in the topic, research in this field remains fragmented.

Research results and its discussion.

Football federations as examples of hybrid organizations. The study emphasizes that sports organizations are hybrid organizations, occupying an intermediate position between the free market and hierarchical structure. Careers within such structures are unique; a football referee can work simultaneously in multiple sports organizations at different levels, and their career advancement involves the possibility of officiating at competitions under higher-level organizations.

Professionalization of sports officiating. The paper proposes the term “professionalization of sports officiating,” which is considered in two aspects: as a transition from a hobby to a career during career progression, and as endowing the activity of a sports referee with the attributes of permanent work as the sport develops.

Continuous learning throughout career. Sports officiating exemplifies a profession where learning occurs throughout the career. Education plays such a vital role that institutions of inspection and professional mentorship have emerged within sports organizations.

The paper outlines management issues specific to the careers of sports referees. The work contributes to understanding the careers of sports officials and raises the question of the need to find career management models that consider these features

Keywords: hybrid organizations; career of sports referees; professionalization in sports; continuous learning; career management; mentorship; sports officials.

For citation: Ilynikh S.A., Kalmutskiy V.O. (2024). Referee career management: framing the issue using the example of football referees. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 67–77. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.5>.

Введение

Спортивные судьи играют важную роль в проведении спортивного соревнования. Так, футбольный судья осуществляет управление спортивным матчем, что включает в себя: 1) обеспечение соблюдения правил игры, в том числе с правом накладывать дисциплинарные санкции; 2) контроль матча с правом приостанавливать, возобновлять и отменять матч; 3) протоколирование матча и т.д. (РФС представляет..., 2023). Решения спортивных судей, их отношение к участникам матча оказывают существенное влияние на равновесие сторон и исход матча, в связи с чем спортивная отрасль заинтересована в непредвзятом качественном судействе (Duvina, 2019).

Данные по отдельным видам спорта свидетельствуют о том, что спортивным судейством может заниматься значительная часть граждан России. Так, количество только футбольных судей на 2017 г. оценивалось в 4500 человек (Общенациональная стратегия..., 2017).

Одновременно с этим спортивные судьи находятся в тени спортсменов и игроков, из-за чего получают меньше внимания со стороны науки (Sports officials..., 2015). Устранение данного пробела является важным шагом для формирования научных подходов к управлению спортивным судейством, учитывающих особенности отрасли и профессии. С учетом того, что в современной научной литературе поднимается вопрос необходимости разработки новых концептуальных подходов к пониманию социальной природы спорта (Лубышева, 2015), исследование спортивного судейства

как составной части спорта позволяет лучше понимать социальную природу спорта в целом.

Цель статьи – выявление проблем, возникающих в процессе управления карьерой спортивных судей, на примере футбольных арбитров. Для этого мы проанализируем специфику их карьеры и работы, а также обозначим проблемы, требующие дальнейшего изучения.

Методы

В научной литературе подчеркивается, что прежде чем переходить к более сложным формам исследования, например к опросам, необходимо исследовать данные, генерируемые самими спортивными организациями (Veal, 2014, p. 206), при этом документы могут рассматриваться в качестве источника таких данных (ibid., p. 218).

В связи с этим методологическим основанием для подготовки настоящей статьи послужило исследование документов футбольных спортивных организаций, таких как правила игры в футбол (IFAB, 2023), Судейская конвенция УЕФА (UEFA Referee Convention..., 2020), локальные акты Российского футбольного союза (РФС).

Изучение документов спортивных организаций позволяет выделить ряд черт, специфичных для карьеры спортивных судей, и обозначить порождаемые ими проблемы, требующие более глубокого анализа с привлечением дополнительных методов научного исследования, таких как интервью, опросы и др.

Метод анализа документов соответствует цели формулирования научных проблем, требующих более детального исследования.

Анализ литературы

Как было указано выше, спортивное судейство находится на периферии научных исследований.

Систематизация научных исследований в отношении спортивных судей представлена в работе К. Макмахона с соавт. (Sports officials..., 2015), где один из 10 разделов посвящен таким темам, как набор, обучение и оценка работы судей, которые являются составными частями управления карьерой спортивных судей. На текущий момент эта книга является единственной работой, представляющей комплексный взгляд на научные исследования в сфере спортивного судейства. Авторы подчеркивают, что набор, обучение и метод оценки имеют решающее значение для качества работы судей, однако только шесть обозреваемых исследований в данном разделе так или иначе затрагивали проблемы управления карьерой, а не образования или физиологии судей. Таким образом, несмотря на фундаментальный характер обозначенной работы и ее важный вклад в систематизацию научных исследований по проблеме, карьера спортивных судей осталась по большей части за ее пределами.

Социальные аспекты работы спортивных судей исследуются в работах Т. Уэбба. В одной из своих работ он обратил внимание на то, как на рубеже XX–XXI вв. спортивное судейство профессиональных соревнований высокого уровня трансформировалось из любительской деятельности в профессиональную, когда спортивные судьи стали получать повышенный доход (Webb, 2014).

Отдельно необходимо выделить научную деятельность Национальной ассоциации спортивных официальных лиц в США. Указанная организация проводит исследования по вопросам спортивного судейства, в том числе социологического характера, а также дает рекомендации спортивным организациям и судьям по различным вопросам спортивного судейства (NASO, 2023).

В России проблемой обучения спортивных судей занимался А.Д. Будогосский, который предложил модель централизованной подготовки спортивных судей для перехода к судейству более высокого уровня соревнований на базе Центра «Футбольный арбитр» (Будогосский, 2018).

Можно сделать вывод, что хотя существуют работы, затрагивающие отдельные проблемы управления карьерой спортивных судей, комплексное описание модели управления карьерой в научной литературе отсутствует, а некоторые проблемы остаются за рамками научных исследований.

Результаты исследования и обсуждение

Футбольные федерации как пример гибридной организации. О. Уильямсон выделил три формы организации хозяйственной деятельности, которые можно определить как «рынок – гибрид – фирма» (Williamson, 1991). Гибридная форма – это промежуточная форма полуавтономных организаций, действующих в рамках определенных вертикальных ограничений. Такую форму нельзя назвать фирмой, поскольку ее части сохраняют широкую автономию. Но она также не является и свободным рынком, поскольку отдельные организации подчиняются правилам, сформулированным из центра (Капелюшников, 2010, 18–19).

Система управления спортом содержит несколько подсистем, включающих в себя различные организации (Палехова, 2019), обладающих устойчивыми связями между собой. Мы полагаем, что характер таких связей позволяет говорить о том, что спортивные ассоциации – это гибридные организации. В литературе отмечают, что спортивные ассоциации являются примерами сетевых организаций (Naraine, 2016; Waśkowski, 2022). Для иллюстрации данного тезиса рассмотрим взаимодействие футбольных организаций между собой.

На нижнем уровне существуют региональные федерации, которые объединяют местные команды, а также организуют соревнования на муниципальном или региональном уровне. Региональные федерации объединены под эгидой национальной ассоциации по футболу, например РФС в России. На международном уровне РФС является членом Союза европейских футбольных ассоциаций (УЕФА) и Международной федерации футбола (ФИФА). Далее мы будем использовать термин «ассоциация» для обозначения перечисленных организаций независимо от их уровня.

ФИФА может принимать документы и решения, обязательные для всех субъектов футбола, УЕФА – для входящих в нее национальных ассоциаций, РФС – для региональных федераций. Каждая ассоциация обладает широкой автономией по отношению к вышестоящим и организует соревнования своего уровня. Как правило, чем выше уровень соревнования, тем оно престижнее и тем выше оплата судей.

Как заметил Гарольд Л. Виленский, карьера – это более или менее предсказуемое движение по карьерной лестнице, где на каждой ступени рабочие места расположены в иерархии престижа (Wilensky, 1961).

Особенность карьеры футбольного судьи заключается в том, что его продвижение по карьерной лестнице означает привлечение к судейству соревнований ассоциациями все более высокого уровня. Первоначальным набором судей занимаются региональные федерации. Если судья показывает успехи, его начинает привлекать РФС: сначала к юношеским соревнованиям, затем – к профессиональным. В дальнейшем судья может быть рекомендован для судейства международных соревнований под эгидой ФИФА. Однако независимо от продвижений судья продолжает оставаться членом своей региональной федерации. То есть арбитр может быть одновременно судьей ФИФА, судить матчи под эгидой РФС и привлекаться РФС к

судейству местных соревнований. Фактически у футбольного арбитра нет единого работодателя.

Важно заметить, что распространенные в спортивных организациях формы поиска сотрудников, такие как рекомендации знакомых, реклама в СМИ, кадровые агентства и др. (Особенности набора..., 2020), или неприменимы для поиска спортивных судей высокого уровня, или нежелательны. Традиционный способ набора футбольных арбитров для всероссийских или международных соревнований – это отбор среди судей, рекомендованных нижестоящими ассоциациями.

Поскольку количество вакантных мест на каждом уровне ограничено, продвижение по карьерной лестнице проходит на конкурсной основе. Спортивный судья не просто должен соответствовать требованиям соревнований более высокого уровня, он должен быть лучше других арбитров. Судья может быть понижен в уровне соревнований, если арбитр с уровня ниже талантливее или перспективнее. В научной литературе подчеркивается, что главными чертами спорта являются соревнования и игра (Федоровская, 2019), а удовлетворенность от соревнования является одним из факторов идентификации себя со спортом (Oja, 2019), и мы видим, что карьера спортивных судей в футболе содержит компонент соревнования судей между собой. Вопрос включения арбитров в списки соответствующего уровня поднимается ежегодно, и ежегодно каждый судья сравнивается с другими судьями, что делает конкуренцию между ними в борьбе за карьерное продвижение гораздо выше, чем в работе по традиционному контракту. Нестабильность рабочего места, высокая конкуренция, необходимость быть в курсе последних правил и регламентов являются источниками стресса для работников-неспортсменов в элитном спорте ("The team behind the team"..., 2017); полагаем, что данные факторы должны являться источником стресса и для арбитров.

Подобная ситуация обостряет вопрос прозрачности продвижения: что должен сделать судья, чтобы его заметили из вышестоящей организации и он продвинулся на уровень выше?

У национальных и международных ассоциаций возникает встречный вопрос: как организовать отбор наиболее талантливых и перспективных судей?

На региональном уровне возникает третий вопрос: что мотивирует рекомендовать тех или иных судей в вышестоящую организацию? Здесь возникает риск покровительства: региональные федерации могут быть заинтересованы в том, чтобы продвигать судей, наиболее лояльных или близких к руководству федерации, а не талантливых и перспективных.

Проблема, как свести между собой рекрутеров из национальной ассоциации с талантливыми судьями, является одной из самых актуальных в судействе.

Другой проблемой управления карьерой спортивного судьи является организация набора и подготовки начинающих судей. Данной работой должны заниматься региональные федерации, которые, однако, могут не иметь ресурсов и преподавателей. Решение проблемы требует поиска форм взаимодействия между региональными и национальными ассоциациями.

Профессионализация спортивного судейства. Спорт высоких достижений находится в состоянии трансформации. Эти изменения затрагивают различные аспекты: регламенты проведения соревнований, формы взаимодействия спортивных организаций и зрителей, спортивную этику и т.п. (Кожин, 2020). Спортивное судейство также трансформируется.

На это обратил внимание Т. Вебб, которые ввел понятие «профессиональные судьи», понимая под ними спортивных судей, работающих полный рабочий день.

Данный термин введен им для обозначения изменений в Английской футбольной лиге, когда «профессиональные судьи» появились в английском футболе в 2001 г. под влиянием развития футбола, повышения его популярности, доходности и связанного с этим повышения требований к арбитрам (Webb, 2014).

Т. Вебб не раскрывает, что следует понимать под категорией судей, не относящихся к профессиональным. Мы предлагаем по аналогии со спортом использовать термин «судьи-любители».

В чем различие между двумя группами судей? Судьи начинают свою карьеру как судьи-любители, т.е. спортивное судейство является для них или хобби, или дополнительным по отношению к основной работе источником дохода. Судьи-профессионалы, напротив, выбирают спортивное судейство в качестве основного вида профессиональной деятельности и основного источника дохода. В футболе последняя ситуация возможна, если арбитр судит высшие общенациональные соревнования.

На протяжении большей части времени арбитры были судьями-любителями. Более того, в настоящий момент абсолютное большинство футбольных арбитров являются судьями-любителями, и лишь немногие становятся профессионалами.

Мы предлагаем термин «профессионализация спортивного судейства», под которым будем понимать процесс, при котором спортивное судейство начинает приобретать атрибуты постоянной работы, имеющий два аспекта:

- первый связан с развитием популярности и финансовой доходности вида спорта во времени. В какой-то момент организаторы соревнований могут выявить потребность именно в судьях-профессионалах;
- второй связан с развитием судьи, который обнаруживает, что должен уделять больше времени спортивному судейству, чтобы обеспечить свой карьерный рост.

Структура рабочего времени арбитра схожа со структурой рабочего времени спортсмена, когда большая часть времени тратится не на участие в соревновании, а на подготовку к нему. В рамках этой подготовки судья должен совершать такие рутинные действия, как физические тренировки, разбор ошибок в прошедшем матче, подготовка к предстоящему матчу и т.п. Профессионализация спортивного судейства сопряжена с необходимостью судьи тратить все больше времени на подготовку.

Профессионализация судейства может влиять на социальные гарантии и вознаграждение, которые в состоянии предложить спортивная ассоциация. Например, если судьи-любители получают вознаграждение только за отсуженный матч, то судьям-профессионалам может дополнительно выплачиваться ежемесячное вознаграждение, не зависящее от количества назначений на матчи. Научные исследования показывают, что хотя справедливое распределение ресурсов по отношению к спортивным судьям не влияет напрямую на удовлетворенность работой, однако от него зависит ощущение поддержки со стороны организации, которое, в свою очередь, положительно влияет на приверженность организации и удовлетворенность работой (Seungmo, 2016). В связи с этим вопрос поиска оптимальных форм материальной поддержки судей является важным для спортивных ассоциаций.

Процесс профессионализации спортивного судейства не является дискретным, т.е. мы не можем с уверенностью сказать, в какой момент спортивное судейство становится профессиональным. Кроме того, сам по себе переход от любительского судейства к профессиональному не означает завершения профессионализации спортивного судейства, поскольку работа судьи может обзаводиться новыми атрибутами стандартной работы, например выплатами со стороны ассоциации в связи с болезнью или травмами.

Проблема двойной карьеры, т.е. когда спортсмен хочет одновременно развиваться и в спорте, и в иной деятельности, является типичной для спорта и требует поддержки со стороны спортивной организации (The Contribution..., 2021). Отличие футбольного судьи от футболиста заключается в том, что спортсмен, как правило, начинает свою карьеру в детском возрасте и понимает, сможет ли стать профессиональным футболистом или нет, к 16–20 годам, т.е. до начала трудовой деятельности. В свою очередь, судьи в этом возрасте только начинают карьеру, и они должны совмещать судейскую деятельность с основной работой.

В научной литературе отмечено, что для молодых мужчин карьера ассоциируется с возможностями самореализации (39%), постепенным продвижением (35%) и источником заработка денег (35%) (Ильиных, 2023).

Для арбитра судейская карьера ставит дилемму: на каком треке своего развития сделать акцент – на основной работе или на спортивном судействе? Поскольку на более высоких уровнях соревнований количество вакантных мест ограничено, у футбольного судьи нет гарантий, что он сможет дойти до того уровня, когда судейство станет основным источником дохода. При этом путь до высшего уровня соревнований занимает длительное время – в среднем 16 лет (Inter-individual differences..., 2021). Подобная ситуация повышает требования к прозрачности продвижения между уровнями соревнований.

В свою очередь, национальные ассоциации и региональные федерации должны решать вопрос, каким образом мотивировать судей на саморазвитие, когда спортивное судейство не является основной работой, а также выбрать меры материальной и нематериальной поддержки арбитров.

Обучение на протяжении всей карьеры. Третий аспект, на который мы хотим обратить внимание, – необходимость обучения спортивного судьи на протяжении всей карьеры. Одной из важнейших форм такого обучения является обмен опытом с более опытными коллегами. Как отмечается в научной литературе, недостаток взаимодействия с наставниками негативно сказывается на развитии футбольного арбитра (Будогосский, 2018).

Мы хотели бы обратить внимание на две формы взаимодействия с более опытными коллегами в спорте.

Первая – институт инспектирования. На каждый матч, помимо судейской бригады, назначается инспектор – бывший судья, завершивший карьеру. Его роль двояка. С одной стороны, инспектор контролирует качество судейства, отмечает судейские ошибки, выставляет оценку за работу судьи на матче. Эти оценки являются основой для расчета рейтинга судьи и продвижения его между лигами на национальном уровне. С другой стороны, инспектор участвует в подготовке судей, дает подсказки перед игрой, разбирает игровые моменты. Иными словами, инспектор совмещает роли надзирателя и учителя. Само по себе совмещение этих ролей создает конфликт. Если роль надзирателя перевешивает, инспектор может халатно относиться к роли учителя или между судьей и инспектором может не быть контакта.

Вторая форма – наставничество, когда действующие судьи или инспекторы назначаются в качестве наставников менее опытным судьям для раскрытия последними своего потенциала и обмена опытом. Для эффективного наставничества важно сотрудничество между наставником и наставляемым, когда оба осознают важность профессионального обмена опытом (Колесникова, 2023). При этом институт наставничества – это многоаспектный феномен, призванный одновременно передать опыт и технологии работы от более опытного коллеги менее опытному, помочь последнему с адаптацией, а также мотивировать его на работу (Югфельд, 2022). Для построе-

ния доверительных отношений наставник должен обладать такими качествами, как эмпатия, доверие, искренность и эмоциональный интеллект (Sandardos, 2019). Очевидно, что не каждый судья или инспектор может в силу личностных качеств стать наставником. Кроме того, национальная ассоциация может не обладать достаточными ресурсами, чтобы предоставить каждому судье наставника.

Поэтому, хотя УЕФА и выработала рекомендации по обмену опытом между судьями (UEFA, 2020), на практике национальным ассоциациям необходимо адаптировать инструмент под себя. В частности, нужно искать ответы на вопросы:

1. Как охватить большее число судей для обмена опытом?
2. Как устранить субъективность инспекторов при оценивании судей?
3. Как мотивировать инспекторов и наставников на эффективное обучение?

Ответы на эти вопросы позволят готовить качественных специалистов для судейства профессиональных соревнований.

Заключение

Карьера спортивного судьи обладает рядом специфических черт:

- реализуется в рамках гибридной организации;
- начинается как любительская деятельность и только со временем становится профессиональной;
- требует обучения на протяжении всей карьеры, в том числе путем обмена опытом со старшими коллегами.

Обозначенные черты порождают особые проблемы, такие как поиск эффективных механизмов набора, продвижения и обучения арбитров, выстраивание прозрачной системы продвижения между уровнями соревнований, поиск форм мотивации для совершенствования судьями своих навыков, необходимость обучения арбитра на протяжении всей карьеры.

Результаты исследования будут полезны в практической деятельности специалистов, которые заинтересованы в развитии спортивного судейства, и помогут в формулировании проблем, требующих решения для повышения эффективности управления карьерой спортивных судей.

С точки зрения теории данное исследование расширяет представление о специфике карьеры в гибридных организациях, а также управлении в спортивных организациях.

Литература

- Будогосский, А.Д. Особенности организации работы наставников в центрах (школах, академиях) подготовки футбольных арбитров начальных категорий / А.Д. Будогосский // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. – 2018. – № 7. – С. 43–47.
- Ильиных, С.А. Карьера: гендерный срез восприятия молодежи / С.А. Ильиных // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. – 2023. – № 3. – С. 66–76.
- Капелюшников, Р.И. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике – 2009: в 2 ч. Ч. 2 / Р.И. Капелюшников. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. – 51 с.
- Кожин, В.В. Спорт как социальный институт / В.В. Кожин // *Caucasian Science Bridge*. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 55–60.
- Колесникова, К.Г. Коммуникация в системе компетенций российского наставника / К.Г. Колесникова, О.Н. Мамонова // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. – 2023. – № 3. – С. 57–65.
- Лубышева, Л.И. Новый концептуальный подход к современному пониманию социальной природы спорта / Л.И. Лубышева, В.П. Моченов // *Теория и практика физической культуры*. – 2015. – № 4. – С. 94–101.
- Общенациональная стратегия развития футбола в Российской Федерации на период до 2030 года. Постановление № 8 Конференции РФС от 08.04.2017. – URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/592814b8df6ad.pdf>.

- Особенности набора, отбора и управления персоналом в спортивных организациях / О.А. Щепоткин, Ю.А. Зубарев, М.П. Бондаренко, С.С. Мирошникова // *Физическое воспитание и спортивная тренировка*. – 2020. – № 1. – С. 131–138. – EDN QWKCCST.
- Палехова, П.В. Формирование проектов развития физкультурно-спортивных организаций / П.В. Палехова, Ю.А. Почечуева // *Материалы Ивановских чтений*. – 2019. – № 1. – С. 268–274.
- РФС представляет официальный перевод правил игры в футбол на сезон 2023/24. – URL: <https://rfs.ru/news/218512>.
- Федоровская, М.Ю. Спорт как социокультурное явление современности и его ведущие функции / М.Ю. Федоровская // *Социодинамика*. – 2019. – № 5. – С. 1–14.
- Югфельд, Е.А. К вопросу о феномене наставничества: исторический аспект / Е.А. Югфельд // *Мир науки. Педагогика и психология*. – 2022. – Т. 10, № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf>.
- Duvinage, C. The role of referees in professional sports contests / C. Duvinage, P.-J. Jost // *Journal of Sports Economics*. – 2019. – Vol. 20. – P. 152700251985114. – <https://doi.org/10.1177/1527002519851145>.
- Inter-individual differences in sport refereeing: A review of theory and practice / S. Avugos, C. MacMahon, M. Bar-Eli, M. Raab // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2021. – Vol. 55. – P. 101926. – <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2021.101926>.
- Naraine, M.L. Coordination in international and domestic sports events: Examining stakeholder network governance / M.L. Naraine, J. Schenk, M.M. Parent // *Journal of Sport Management*. – 2016. – Vol. 30, № 5. – P. 521–537. – <https://doi.org/10.1123/jsm.2015-0273>.
- NASO. 2023 National Officiating Survey. – URL: <https://www.naso.org/survey/>.
- Oja, B. Identities in the sport workplace: Development of an instrument to measure sport employee identification / B. Oja, J. Bass, B. Gordon // *Journal of Global Sport Management*. – 2019. – Vol. 5, iss. 3. – <https://doi.org/10.1080/24704067.2018.1477521>.
- Sandardos, S.S. “It’s not about sport, it’s about you”: An interpretative phenomenological analysis of mentoring elite athletes / S.S. Sandardos, T.P. Chambers // *Psychology of Sport and Exercise*. – 2019. – Vol. 43. – P. 144–154. – <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2019.02.003>.
- Seungmo, K. Perceived organizational support as a mediator between distributive justice and sports referees’ job satisfaction and career commitment / K. Seungmo // *Annals of Leisure Research*. – 2016. – Vol. 20, № 2. – <https://doi.org/10.1080/11745398.2016.1147363>.
- Sports officials and officiating: Science and practice / C. MacMahon, D. Mascarenhas, H. Plessner [et al.]. – London: Routledge, 2015. – 176 p.
- The Contribution of the European Athlete as Student Network (EAS) to European Dual Career ERASMUS + Sport Collaborative Partnerships: An update / L. Capranica, A. Figueiredo, I. Ābeļkalns [et al.] // *Cultura, Ciencia y Deporte*. – 2021. – Vol. 16, № 47. – P. 7–17. – <https://doi.org/10.1123/jsm.2015-0273>.
- “The team behind the team”: Exploring the organizational stressor experiences of sport science and management staff in elite sport / R. Arnold, S. Collington, H. Manley [et al.] // *Journal of Applied Sport Psychology*. – 2017. – Vol. 31. – P. 7–26. – <https://doi.org/10.1080/10413200.2017.1407836>.
- UEFA Referee Convention. Convention on Referee Education and Organisation. 2020. – URL: https://editorial.uefa.com/resources/0262-1081742c3642-ef1a16c9e2b8-1000/uefa_referee_convention_2020_eng.pdf.
- Veal, A.J. Research methods in sport studies and sport management: A practical guide / A.J. Veal, S. Darcy. – London: Routledge, 2014. – 616 p.
- Waśkowski, Z. Network organizations on the sports market – the case of WTA / Z. Waśkowski, K. Radwan-Cho // *Scientific papers of Silesian University of Technology, organization and management series*. – 2022. – № 162. – P. 721–738. – <https://doi.org/10.29119/1641-3466.2022.162.40>.
- Webb, T. Elite refereeing structures in England: A perfect model or a challenging invention? / T. Webb // *Soccer and Society*. – 2014. – Vol. 18, № 1. – <https://doi.org/10.1080/14660970.2014.980740>.
- Wilensky, H.L. Orderly careers and social participation: The impact of work history on social integration in the middle mass / H.L. Wilensky // *American Sociological Review*. – 1961. – Vol. 26, № 4. – P. 521–539.
- Williamson, O.E. Comparative economic organization: The analysis of discrete structural alternatives / O.E. Williamson // *Administrative Science Quarterly*. – 1991. – Vol. 36, № 2. – P. 269–296.

References

- Arnold R., Collington S., Manley H. et al. “The team behind the team”: Exploring the organizational stressor experiences of sport science and management staff in elite sport. *Journal of Applied Sport Psychology*. 2017; 31:7–26. <https://doi.org/10.1080/10413200.2017.1407836>.
- Avugos S., MacMahon C., Bar-Eli M., Raab M. Inter-individual differences in sport refereeing: A review of theory and practice. *Psychology of Sport and Exercise*. 2021; 55:101926. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2021.101926>.

- Budogossky A.D. Features of the organization of mentors' work in the centers (schools, academies) of training soccer referees of initial categories. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific notes of P. F. Lesgaft University*. 2018; 7:43–47. (In Russ.)
- Capranica L., Figueiredo A., Ābelkalns I. et al. The Contribution of the European Athlete as Student Network (EAS) to European Dual Career ERASMUS + Sport Collaborative Partnerships: An update. *Cultura, Ciencia y Deporte*. 2021; 16(47):7–17. <https://doi.org/10.1123/jsm.2015-0273>.
- Duvina C., Jost P.-J. The role of referees in professional sports contests. *Journal of Sports Economics*. 2019; 20:152700251985114. <https://doi.org/10.1177/1527002519851145>.
- Fedorovskaya M.Yu. Sport as a sociocultural phenomenon of modernity and its leading functions. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*. 2019; 5:1–14. (In Russ.)
- Ilyinykh S.A. Career: gender cross-section of young people's perception. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura = SEARCH: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture*. 2023; 3:66–76. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. Plurality of institutional worlds: Nobel Prize in Economics-2009: in 2 parts. Part 2. Moscow: Publishing House of HSE; 2010. 51 p. (In Russ.)
- Kolesnikova K.G., Mamonova O.N. Communication in the competence system of the Russian mentor. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura = SEARCH: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture*. 2023; (3):57–65. (In Russ.)
- Kozhin V.V. Sport as a social institution. *Caucasian Science Bridge*. 2020; 3(1):55–60. (In Russ.)
- Lubysheva L.I., Mochenov V.P. A new conceptual approach to the modern understanding of the social nature of sport. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury = Theory and practice of physical culture*. 2015; 4:94–101. (In Russ.)
- MacMahon C., Mascarenhas D., Plessner H. et al. Inter-individual differences in sport refereeing: A review of theory and practice. London: Routledge; 2015. 176 p.
- Naraine M.L., Schenk J., Parent M.M. Coordination in international and domestic sports events: Examining stakeholder network governance. *Journal of Sport Management*. 2016; 30(5):521–537. <https://doi.org/10.1123/jsm.2015-0273>.
- NASO. 2023 National Officiating Survey. Available at: <https://www.naso.org/survey/>.
- Nationwide strategy for the development of soccer in the Russian Federation for the period until 2030. Resolution No. 8 of the RFU Conference of 08.04.2017. Available at: <https://static.rfs.ru/documents/1/592814b8d-f6ad.pdf>. (In Russ.)
- Oja B., Bass J., Gordon B. Identities in the Sport Workplace: Development of an Instrument to Measure Sport Employee Identification. *Journal of Global Sport Management*. 2019; 5(3). <https://doi.org/10.1080/24704067.2018.1477521>.
- Palekhova P.V., Pochechueva Yu.A. Formation of development projects of physical culture and sports organizations. *Materialy Ivanovskikh chteniy = Proceedings of the Ivanovo readings*. 2019; 1:268–274. (In Russ.)
- Sandardos S.S., Chambers T.P. "It's not about sport, it's about you": An interpretative phenomenological analysis of mentoring elite athletes. *Psychology of Sport and Exercise*. 2019; 43:144–154. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2019.02.003>.
- Seungmo K. Perceived organizational support as a mediator between distributive justice and sports referees' job satisfaction and career commitment. *Annals of Leisure Research*. 2016; 20(2). <https://doi.org/10.1080/11745398.2016.1147363>.
- Shchepotkin O.A., Zubarev Yu.A., Bondarenko M.P., Miroshnikova S.S. Features of recruitment, selection and personnel management in sports organizations. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka = Physical education and sports training*. 2020; 1:131–138. EDN QWKCCT. (In Russ.)
- The RFU presents the official translation of the rules of the game for the 2023/24 season. Available at: <https://rfs.ru/news/218512>. (In Russ.)
- UEFA Referee Convention. Convention on Referee Education and Organisation. 2020. Available at: https://editorial.uefa.com/resources/0262-1081742c3642-ef1a16c9e2b8-1000/uefa_referee_convention_2020_eng.pdf.
- Veal A.J., Darcy S. Research methods in sport studies and sport management: A practical guide. London: Routledge; 2014. 616 p.
- Waśkowski Z., Radwan-Cho K. Network organizations on the sports market – the case of WTA. *Scientific papers of Silesian University of Technology, organization and management series*. 2022; 162:721–738. <https://doi.org/10.29119/1641-3466.2022.162.40>.
- Webb T. Elite refereeing structures in England: A perfect model or a challenging invention? *Soccer and Society*. 2014. 18(1). <https://doi.org/10.1080/14660970.2014.980740>.
- Wilensky H.L. Orderly careers and social participation: The impact of work history on social integration in the middle mass. *American Sociological Review*. 1961; 26(4):521–539.
- Williamson O.E. Comparative economic organization: The analysis of discrete structural alternatives. *Administrative Science Quarterly*. 1991; 36(2):269–296.

Yugfeld E.A. Toward the phenomenon of mentoring: a historical aspect. *Mir nauki. Pedagogika I psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2022; 10(5). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/05PD-MN522.pdf>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 07.03.2024

Дата окончания рецензирования: 09.04.2024

Дата принятия к публикации: 22.04.2024

Информация об авторах

Ильиных Светлана Анатольевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: s.a.iljinyh@nsuem.ru

Кальмуцкий Владислав Олегович – аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: v.kalmutskiy@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Ilynykh Svetlana Anatolyevna – Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: s.a.iljinyh@nsuem.ru

Kalmutskiy Vladislav Olegovich – Postgraduate Student, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, e-mail: v.kalmutskiy@gmail.com

The authors have no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.354:355

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.6>

EDN LVOCRY

**Методологический конструкт исследования количественных показателей
в муниципальном управлении****Алиса Л. Рудковская¹**¹Межрайонная ИФНС России № 27, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: alissav@yandex.ru**Аннотация**

Введение. В данной статье автором выстраивается методологический конструкт исследования возможностей количественных показателей быть надежным инструментом для оценки эффективности муниципального управления. Актуальность этой темы обосновывается тем, что количественные показатели стали безальтернативным индикатором, который в настоящее время используется в управленческих практиках местного самоуправления для измерения эффективности работы последнего. Между тем есть основания предполагать, что количественные показатели в сложившихся условиях потенциально могут привести к росту процессов имитации и суррогации в муниципальном управлении.

Методы. Основные методы данного исследования – сравнительный анализ, анализ документов, применение принципов операционализма. Цель исследования – разработать методологический конструкт для изучения способности количественных показателей быть надежным индикатором эффективности муниципального управления.

Результаты и их обсуждение. Методологический фундамент, на котором выстроено исследование, – концепция институциональных матриц С.Г. Кирдиной и теория человеческого и социального капитала Дж. Коулмана. Теория С.Г. Кирдиной позволяет методологически обосновать возможность изучения муниципального управления, когда применяются корпоративные инструменты неолиберальной модели (Y-матрица), а управленческие паттерны сформированы в командно-административной (X-матрица) управленческой культуре. Это дает возможность увидеть те проблемы и затруднения, с которыми муниципальные органы власти сталкиваются при работе, когда в основе управленческой деятельности лежат неолиберальные технологии.

Оценка эффективности труда по ключевым показателям эффективности возможна лишь в случае соответствия условий труда всем необходимым требованиям. В контексте данного исследования к таковым относится позитивное соотношение интересов и ресурсов среди субъектов муниципального управления. Муниципальные менеджеры, работающие в интересах местного сообщества и обладающие необходимыми ресурсами для их реализации, смогут доказывать свою эффективность реальными делами, в то время как оппортунистические управленцы, не представляющие местное сообщество и не обладающие необходимыми ресурсами для принятия важных решений, смогут подтвердить свою эффективность лишь при помощи манипуляций количественными показателями эффективности, т.е. прибегая к суррогации. Дальнейшие перспективы исследования автор усматривает в проведении экспертных опросов и глубинных интервью с российскими муниципальными менеджерами разных уровней управления.

Ключевые слова: суррогация; ресурсы; KPI; количественные показатели; имитация; муниципальное управление; Y-матрица; X-матрица.

Для цитирования: Рудковская А.Л. (2024). Методологический конструкт исследования количественных показателей в муниципальном управлении. *Caucasian Science Bridge*. 7 (1), с. 78–86. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.6>.

**Methodological construct for studying quantitative indicators
in municipal government****Alisa L. Rudkovskaya¹**¹Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 27, Rostov-on-Don, Russiae-mail: alissav@yandex.ru

Abstract

Introduction. In this article, the author builds a methodological construct for the study of the possibilities of quantitative indicators to be a reliable tool for evaluating the effectiveness of municipal management. The relevance of this topic is justified by the fact that quantitative indicators have become an alternative indicator, which is currently used in the management practices of local government to measure the effectiveness of its work. Meanwhile, there is reason to assume that quantitative indicators in the current conditions can potentially lead to an increase in the processes of imitation and surrogation in municipal government.

Methods. The main methods of this research are comparative analysis, document analysis, and application of the principles of operationalism. The purpose of the study is to develop a methodological construct to study the ability of quantitative indicators to be a reliable indicator of the effectiveness of municipal management.

The results and their discussion. The methodological foundation on which the research is based on the concept of institutional matrices by S.G. Kirdina and the theory of human and social capital by J. Coleman. S.G. Kirdina's theory allows methodologically substantiating the possibility of studying municipal management when corporate tools of the neoliberal model (Y-matrix) are used, and management patterns are formed in the command and administrative (X-matrix) management culture. This makes it possible to see the problems and difficulties that municipal authorities face when working when neoliberal technologies are at the heart of management activities.

Evaluation of labor efficiency by key performance indicators is possible only if the working conditions meet all necessary requirements. In the context of our research, these include a positive correlation of interests and resources among the subjects of municipal government. Municipal managers who work in the interests of the local community and have the necessary resources to implement them will be able to prove their effectiveness with real deeds, while opportunistic managers who do not represent the local community and do not have the necessary resources to make important decisions will be able to confirm their effectiveness only by manipulating quantitative performance indicators, that is, resorting to surrogations. We see further prospects for the study in conducting expert surveys and in-depth interviews with Russian municipal managers at different levels of government.

Keywords: surrogation; resources; KPI; quantitative indicators; imitation; municipal management; Y-matrix; X-matrix.

For citation: Rudkovskaya A.L. (2024). Methodological construct for studying quantitative indicators in municipal government. *Caucasian Science Bridge*. 7 (1), p. 78–86. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.6>.

Введение

Повышение эффективности муниципального управления – это одна из актуальных в настоящее время задач. Из множественного разнообразия альтернатив ее решения российская власть выбрала управленческий инструмент, ориентированный на достижение целей через прирост количественных показателей, предзаданных в форме индикаторов оценки эффективности. Данный инструмент позаимствован из корпоративного менеджмента. В предметном поле социологии управления это означает, что принципал предпринимает попытку применить средства социальной инженерии по отношению к субъектам муниципального управления и изменить их паттерны поведения на двух уровнях: управленческой культуры с целью внешней стимуляции менеджеров к работе на результат, который легко измерить, и принятия решений на основе учета потребностей местного сообщества.

Ключевые показатели эффективности (key performance indicators, KPI) – инструмент измерения эффективности работы менеджеров и рядовых сотрудников. Следовательно, применение его целесообразно лишь тогда, когда получаемые данные отражают реальную ситуацию. В контексте социологии управления KPI – одна из важнейших детерминант управленческих решений, так как этот инструмент оказывает влияние на социальные интеракции субъектов управления. Менеджеры и их подчиненные понимают, что их благосостояние и карьерный рост зависят от выполнения KPI, и это понимание влияет на характер их управленческих решений с позиции рациональности. Мы считаем, что если субъекты управления и их подчиненные будут заинтересованы в манипуляции этими показателями для достижения собственных карьерных и финансовых целей, то весь инструмент станет не просто

неэффективным, но и опасным, так как не позволит принимать управленческие решения, опираясь на объективные и достоверные данные.

Ключевые показатели эффективности – во многих смыслах заимствованный инструмент. Он импортирован, во-первых, из англо-саксонской управленческой культуры, во-вторых, из принципиально иной организационной структуры – корпоративного управления. Мы предполагаем, что применение KPI в современном российском муниципальном управлении не отражает реальных результатов деятельности субъектов управления, и в данном исследовании мы сосредоточимся на поисках доказательств этого утверждения. Если импортированная из-за рубежа система бизнес-метрики не приживется в России, но при этом институционализируется по политической воле принcipала, то менеджеры и рядовые муниципальные служащие окажутся в ситуации, в которой у них не останется выбора, кроме как работать на показатели. Подобная модель потенциально способна замещать реальные стратегические цели симулякрами в виде количественных показателей, не связанных с реальностью. На будущее нами запланированы эмпирические исследования, чтобы проверить высказанную гипотезу. В этой же статье мы будем решать сугубо теоретические задачи. Таким образом, цель можно сформулировать следующим образом: разработать методологический конструкт для исследования эффективности применения в муниципальном управлении количественных показателей как оценочных индикаторов.

Методология и методы

Методологический фундамент, на котором выстроено исследование, – концепция институциональных матриц С.Г. Кирдиной и теория человеческого и социального капитала Дж. Коулмана.

Согласно теории С.Г. Кирдиной, социально-экономические системы развиваются на основе доминирования одного из типов институциональных матриц. К таковым относятся так называемые X- и Y-матрицы (Кирдина, 2014). Первый репрезентирует «азиатский» путь развития, а второй – «англо-саксонский». В каждом из вышеописанных цивилизационных путей противопоставляются базовые социальные институты, являющиеся внешними детерминантами социального поведения. Редистрибутивная экономика X-матрицы противопоставляется рыночной экономике Y-матрицы, унитарно-централизованное политическое устройство X-матрицы – федеративному политическому устройству Y-матрицы, а коммунитарная идеология X-матрицы («мы» над «я») – индивидуалистской идеологии Y-матрицы («я» над «мы»).

В Российской Федерации в данный момент сосуществуют вышеприведенные взаимоисключающие базовые институты. Предположительно, такая ситуация происходит из-за того, что они находятся в разных плоскостях – имитационной (формальной/декларируемой) и фактической. В первой закреплено множество нормативных положений, регулирующих функционирование Y-матрицы, а во второй реализуются практики, характерные для X-матрицы. В какой степени это порождает имитационные практики в управленческой деятельности, без эмпирических измерений сказать невозможно. Но мы предполагаем, что их доля в муниципальном управлении является весомой. Настолько, что ставится под угрозу его целедостижительная деятельность.

Доминирование каждой из вышеописанных матриц детерминируется характером материально-технологической среды конкретного государства как результата общественного развития. В настоящий момент Российская Федерация находится на стыке двух цивилизационных путей развития, так как формально она находится в Y-матрице, а фактически – в X-матрице, что не позволяет характерным для Y-матрицы базовым институтам укорениться в реальной практике и стать устойчивыми (Кирдина, 2001).

В современной России совмещается формально высокая автономия местного самоуправления (Y-матрица) и фактические попытки встроить его в государственную вертикаль власти (X-матрица), формальная декларация приоритета прав и свобод человека (Y-матрица) и фактическое доминирование коллективных интересов над индивидуальными (X-матрица). Если экстраполировать вышеописанную модель сосуществования практически несовместимых идеологических императивов в российском институциональном пространстве на институт муниципального управления, то более чем обоснованными становятся предположения, что применение инструментов корпоративного менеджмента в муниципальном управлении приведет к аналогичному дуализму формальных и неформальных норм.

Теория С.Г. Кирдиной позволяет методологически обосновать возможность изучения муниципального управления, когда применяются корпоративные инструменты неолиберальной модели (Y-матрица), а управленческие паттерны сформированы в командно-административной управленческой культуре (X-матрица). Это выводит нас на гипотезу, в соответствии с которой принятая система KPI не сможет отразить реальные результаты деятельности муниципальных чиновников. Мы предполагаем, что, находясь в ситуации, в которой внутренние детерминанты поведения (традиции, обычаи, установки, управленческая культура) конфликтуют с внешними (институциональные правила/рамки, необходимость строго следовать тому или иному типу поведения), субъект управления будет вынужден прибегнуть к имитации работы в чуждой ему институциональной матрице, к симулированию продуктивной и общественно полезной деятельности и суррогации ее результатов.

Итак, теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной выступает в качестве фундамента нашего исследования. Применительно к социологии управления ее можно использовать для исследования управленческой культуры муниципальных служащих.

Сложившаяся система устойчивых практик и правил игры в социальных институтах, с одной стороны, императивно диктует правила поведения для акторов, а с другой – очерчивает альтернативы рационального выбора. Для того чтобы понять, как доминирование той или иной институциональной матрицы влияет на процесс управления, нам необходимо рассмотреть, что, собственно, данный процесс собой представляет. Для этого мы применим теорию капиталов Дж. Коулмана, являющуюся вторым важным элементом методологического конструкта (Coleman, 1988).

Дж. Коулман внес неоценимый вклад в теорию рационального выбора, так как достаточно широко трактовал степень его рациональности. Согласно Дж. Коулману, на социальных акторов влияют иррациональные факторы, такие как дружба, доверие и т.д. В контексте социологии управления его теория вызывает особый интерес, поскольку де-факто деконструирует процесс принятия управленческих решений и объясняет рациональное социальное действие по следующей формуле: «актор стремится реализовать свои интересы путем использования доступных ресурсов». В концептуальной модели нашего исследования подобное понимание социальных действий имеет большую степень значимости, так как позволяет понять, влияет ли сосуществование X- и Y-матриц на принятие управленческих решений в органах муниципальной власти и как это проявляется в работе с ключевыми показателями эффективности.

Теорию Дж. Коулмана вполне допустимо применять в контексте отношений «принципал – агент», где устойчивость их взаимоотношений обеспечивается эквивалентным обменом правами и полномочиями, определяющими равновесное соотношение формальных и неформальных норм, а на их основании – и устойчивых практик. Если агент применяет переданные принципалом полномочия ради реализации собственных оппортунистических интересов, то характер их отношений приобретает

проблемный или конфликтный характер. В контексте нашего исследования это проявляется в следующем вопросе: используют ли субъекты муниципального управления количественные показатели эффективности в качестве способа приобретения собственных выгод? Отметим, что под собственными выгодами мы подразумеваем не столько коррупционные практики, приводящие к денежному обогащению, сколько представление себя в выгодном свете перед принципалом и приобретение репутации эффективного менеджера. Главы администраций в абсолютном большинстве случаев не избираются, а назначаются, следовательно, отчитываться им необходимо не перед местным сообществом (электоратом), а перед нанимателями. Очевидно, что в такой ситуации субъекты муниципального управления (агент) могут оказаться заинтересованными в использовании количественных показателей для максимизации собственной прибыли, получаемой от региональной и федеральной власти (принципал). Вышеописанная ситуация, предположительно, возможна благодаря институциональной неопределенности и неустойчивости, в которой Y- и X-матрицы сосуществуют в одной социальной реальности.

Мы предполагаем, что сосуществование двух принципиально несовместимых базовых институтов невозможно в плоскости реальных управленческих практик, а это, в свою очередь, неминуемо приведет к тому, что базовые институты одной из матриц могут быть перемещены в имитационную плоскость. Теория Дж. Коулмана, в свою очередь, позволит определить, какие именно факторы влияют на рациональный выбор субъектов управления, какие из них имеют отражение в эмпирически фиксируемой реальности, а какие останутся на уровне имитации.

Физический, человеческий и социальный капиталы, согласно Дж. Коулману, могут трактоваться как ресурсы, соотносимые с интересами социального актора, а их совокупность детерминирует рациональность социального действия. Так как управление по своей сути является рациональным действием, то теория рационального выбора и капиталов Дж. Коулмана может выступить в качестве объяснительного механизма принятия управленческих решений. Из этого следует, что высказанные предположения о симуляциях, имитациях и суррогациях в муниципальном управлении могут быть проверены посредством оценки ресурсного потенциала управленцев. Дополнительный теоретический эффект мы ожидаем от полученных результатов в отношении интересов муниципальных служащих, детерминированных базовыми институтами X- и Y-матриц С.Г. Кирдиной. Указанное сопоставление позволит выяснить, соответствует ли объем ресурсов масштабам предзаданных целевых показателей и имеется ли у муниципальных менеджеров готовность их выполнять за счет искажения управленческой отчетности.

Результаты исследования (рациональность решений в муниципальном управлении)

Определение муниципального управления возьмем из Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. В нем оно трактуется как деятельность органов местного самоуправления по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития. В этом же законе дается ответ на вопрос о том, что представляют собой его результаты. Результат социально-экономического развития – фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями (Зотов, 2020). Таким образом, законодатель дает нам однозначное понимание того, что социально-экономическое развитие измеримо при помощи ключевых показателей эффективности. С учетом всего сказанного эффек-

тивную деятельность в муниципальном управлении мы будем трактовать как своевременное и результативное использование ресурсов, направленное на достижение стратегических целей развития.

Итак, управленческая деятельность в муниципальном управлении – это своевременная реализация ресурсов управленцев для осуществления поставленных перед ними стратегических целей, объективно оцениваемая при помощи ключевых показателей эффективности.

Вышеприведенное определение напрямую связано с трактовкой рациональных действий по Дж. Коулману. Напомним, что, по его мнению, совершению рационального действия предшествует соотнесение ресурсов и интересов.

Продолжим деконструкцию вышеприведенного определения. Базовыми понятиями, требующими трактовки, являются «стратегические цели социально-экономического развития» и «ключевые показатели эффективности».

Стратегические цели в сфере социально-экономического развития (согласно ФЗ № 172) закрепляются в документах стратегического планирования, разрабатываемых на уровне муниципального образования, и создаются по решению органов местного самоуправления. Примером такого документа на уровне отдельно взятого муниципального образования может служить «Решение об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Ростова-на-Дону на период до 2035 года», а на уровне области – «Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года».

Из сказанного следует, что стратегия социально-экономического развития представляет собой основной элемент системы целеполагания муниципального управления.

Что касается второй категории, то KPI можно представить как методику, разработанную для оценки достигнутых результатов и эффективности деятельности субъектов управления. Они, таким образом, обладают свойствами оценочного индикатора и именно в таком качестве должны восприниматься применительно к муниципальному управлению (Фугалевич, 2023).

В контексте муниципального управления ключевые показатели направлены на оценку соответствия достигнутых результатов поставленным стратегическим целям в сфере экономического развития. Иными словами, это способ рационально измерить достигнутый социальный эффект от принятых управленческих решений. Как говорилось ранее, управление – рациональное действие, а количественные показатели эффективности – рациональный способ измерения эффективности принятых управленческих решений. Муниципальное управление по своей сути направлено на работу в интересах местного сообщества, а оценка соответствия принимаемых решений и интересов местного населения осуществляется посредством общественного контроля. В ситуации, когда рычаги общественного контроля фактически изъяты у населения, невозможно говорить о том, что система оценки объективна. В подобной ситуации складывается замкнутая система, в которой чиновники оценивают эффективность чиновников. Следовательно, система ключевых показателей эффективности при определенных обстоятельствах может быть скомпрометированной. Необходимо сказать, что оценочная система, которой пользуются оппортунисты (управленцы, дискредитирующие модель количественных показателей за счет искажения последних), преследующие личные и политические цели, перестает быть рациональной и становится дисфункциональной (Дятлов, 2021б).

Далее сосредоточим внимание на понятиях, оказывающих влияние на рациональность в принятии решений на уровне муниципального управления. Оно построено на следующей логической цепочке: имитация, симуляция и суррогация. В контек-

сте данного исследования нас интересует последнее звено этой цепи, но для более глубокого понимания его сути необходимо провести демаркационные линии между тремя вышеприведенными понятиями.

Теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной при ее адаптации к предметному полю социологии управления позволяет сказать, что российская публичная власть существует в двух взаимоисключающих институциональных матрицах. Помимо внутреннего сопротивления чуждым для актора инновациям, важным компенсаторным механизмом является переход к имитационным практикам. Рассмотрим ключевые понятия, связанные с имитационными практиками, имеющими место в муниципальном управлении, и их связь с количественными показателями эффективности.

Начнем с определения имитации в контексте социологии управления.

Имитация – это управленческие практики, которые копируют внешнюю форму легитимно определенных моделей профессиональной деятельности, игнорируя содержательные аспекты нормативно предзаданных целей.

Реальные управленческие цели устанавливаются уставом организации, федеральными законами и иными документами, имеющими обязывающий характер. В контексте муниципального управления такие стратегические цели указаны в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ, а также в государственных программах, определяющих вектор развития муниципальных образований. В подобных программах устанавливаются целевые показатели, которых необходимо достичь (Дятлов, 2021а).

Мнимые и не имеющие эмпирически фиксируемых результатов действия, носящие ритуалистический характер, совершаются путем симуляции действий, направленных на достижение реальных управленческих целей. Таким образом, симуляция – создание ложного впечатления о чем-либо, введение в заблуждение. В контексте муниципального управления имитация проявляется на институциональном уровне, а симуляция на операциональном. Например, муниципальное управление может имитировать сервисный подход (ориентацию на удовлетворенность потребителя услуг), а по-настоящему заниматься лишь обслуживанием муниципального хозяйства. Управленческие решения могут имитировать независимость и ориентацию на интересы местного населения, а на самом деле обеспечивать политические интересы властного истеблишмента. Опираясь на теорию институциональных матриц С.Г. Кирдиной, допустимо предположить, что в социальной реальности не могут сосуществовать принципиально несовместимые базовые институты. Следовательно, институты, принадлежащие к Y-матрице, будут имитироваться, а принадлежащие к X-матрице – иметь воплощение в виде реальных эмпирически фиксируемых практик.

Симуляция проявляется на операциональном уровне, т.е. имеет место в реальных управленческих ситуациях в повседневной деятельности субъектов муниципального управления. Симуляция эффективной деятельности обеспечивает имитацию базовых институтов Y-матрицы при фактическом доминировании X-матрицы. Например, для того чтобы имитировать демократические ценности, необходимо симулировать проведение выборов, или для того, чтобы имитировать тесное взаимодействие с местным сообществом, необходимо симулировать организацию встреч с населением.

Суррогация – социально-психологический феномен, оказывающий влияние на управленческое поведение менеджеров, связанный с подменой реальных результатов деятельности количественными показателями (суррогатами).

Из этого следует, что суррогация проявляется на этапе представления результатов управленческой деятельности. Выстраивается следующая логическая цепочка: на институциональном уровне муниципальное управление имитирует функциони-

рование базовых институтов Y-матрицы при фактическом доминировании институтов X-матрицы; на уровне реальных управленческих практик это происходит путем организации мероприятий и принятия решений, симулирующих характерные для Y-матрицы базовые институты; чтобы продемонстрировать результативность своей деятельности, по сути являющейся имитационной и симулятивной, управленцы прибегают к суррогации результатов – подмене реальных достижений суррогатами в виде количественных показателей.

Таким образом, мы предполагаем, что количественные показатели могут быть подвержены суррогации и являются одним из способов поддержания легитимности и стабильности имитации муниципального управления. В современных условиях деградации и фактической дисфункции демократических институтов Российской Федерации невозможно говорить об эффективности муниципального управления, не представляющего интересы местного сообщества. Это означает, что количественные показатели эффективности используются как инструмент суррогации, позволяющий представить субъектов муниципального управления в выгодном свете перед представителями региональной и федеральной власти.

Из вышеописанного следует, что нам необходимо доказать, что количественные показатели, применяемые для оценки эффективности муниципального управления, не репрезентируют реальные результаты социально-экономического развития, а используются для представления управленцев в выгодном свете и поддержания легитимного образа местного самоуправления.

Суррогация количественных показателей эффективности происходит при согласовании интересов субъектов управления и ресурсов, которыми они обладают. Иными словами, согласно теории Дж. Коулмана, это напрямую связано с рациональным выбором и его ограничениями. Как говорилось ранее, процесс управления – рациональное действие, а если рациональность скомпрометирована, то объективность представления результатов невозможно гарантировать.

Заключение

Подведем итоги формирования методологического конструкта исследования. Теоретико-методологическим фундаментом эмпирического исследования выступает теория институциональных матриц С.Г. Кирдиной и теория трех капиталов Дж. Коулмана. Теория институциональных матриц применяется для эмпирического изучения интересов субъектов управления и позволяет понять, имеет ли место среди субъектов муниципального управления приверженность демократическим ценностям, отчетность перед населением, приоритезация интересов местного сообщества и стремление к повышению качества жизни населения. Теория капиталов Дж. Коулмана применяется для оценки ресурсообеспеченности органов власти местного самоуправления относительно достижения поставленных перед ними количественных показателей. Соотношение интересов и ресурсов позволяет определить, могут ли результаты деятельности исследуемых менеджеров оцениваться посредством KPI. Оценка эффективности труда по ключевым показателям эффективности возможна лишь в случае соответствия условий труда всем необходимым требованиям. В контексте нашего исследования к таковым относится позитивное соотношение интересов и ресурсов среди субъектов муниципального управления. Муниципальные менеджеры, работающие в интересах местного сообщества и обладающие необходимыми ресурсами для их реализации, смогут доказывать свою эффективность реальными делами, в то время как оппортунистические управленцы, не представляющие местное сообщество и не обладающие необходимыми ресурсами для принятия важных решений, смогут

подтвердить свою эффективность лишь при помощи манипуляций количественными показателями эффективности, т.е. прибегая к суррогации.

Литература

- Дятлов, А.В. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, Я.А. Асланов // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института)*. – 2021а. – Т. 14, № 4. – С. 23–35. – <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-23-35>.
- Дятлов, А.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Социологические исследования*. – 2021б. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>.
- Зотов, В.Б. Управление проектами (системами) как инструмент повышения эффективности муниципального управления / В.Б. Зотов, А.С. Никулин // *Муниципальная академия*. – 2020. – № 3. – С. 95–100.
- Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С.Г. Кирдина. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 467 с.
- Кирдина, С.Г. Теория институциональных матриц: в поисках новой парадигмы / С.Г. Кирдина // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2001. – Т. 4, № 1. – С. 102–115.
- Фугалевич, Е.В. Ключевые показатели эффективности деятельности муниципальных органов власти как современный тренд развития муниципального управления / Е.В. Фугалевич // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2023. – № 4. – С. 118–123.
- Coleman, J.S. Social capital in the creation of human capital / J.S. Coleman // *American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94, Suppl. – 95–120.

References

- Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988; 94(Suppl.): 95–120.
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Aslanov Ya.A. A methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta) = Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)*. 2021; 14(4):23–35. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-23-35>. (In Russ.)
- Fugalevich E.V. Key performance indicators of municipal authorities as a modern trend in the development of municipal management. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2023; 4:118–123. (In Russ.)
- Kirdina S.G. The theory of institutional matrices: in search of a new paradigm. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2001; 4(1):102–115. (In Russ.)
- Kirdina S.G. Institutional Matrices and the Development of Russia: an introduction to X-Y theory. St. Petersburg: Nestor-History; 2014. 467 p. (In Russ.)
- Zotov V.B., Nikulin A.S. Project Management (systems) as a tool for improving the efficiency of municipal management. *Munitsipalnaya akademiya = Municipal Academy*. 2020; 3:95–100. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 25.01.2024

Дата окончания рецензирования: 27.02.2024

Дата принятия к публикации: 15.03.2024

Информация об авторе

Рудковская Алиса Леонидовна – заместитель начальника отдела предпроверочного анализа № 2 межрайонной ИФНС России № 27, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: alissav@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Rudkovskaya Alisa Leonidovna – Deputy Head of the Pretest Analysis Department №2, Interdistrict Federal Tax Service of Russia №27, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: alissav@yandex.ru

The author declares that there is no conflict of interest

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 316.344.34

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.7>

EDN RJORGZ

**Влияние транспрофессионализма на развитие
дополнительного образования в России****Оксана В. Богданова¹**

¹Социально ориентированная автономная некоммерческая организация
«Первый консалтинговый институт социального развития», г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Аннотация

Введение. Основная идея данной статьи состоит в том, что высшее образование не способно обучать транспрофессионализму. Межпредметность и междисциплинарность, на которых зиждется транспрофессионализм, – это результат определенного развития личности профессионала, которая выходит на уровень надпрофессиональных компетенций, опираясь на внутренне осознаваемые потребности, собственные интеллектуальные возможности и на институциональную основу дополнительного образования. Таким образом, дополнительное образование является инструментом развития транспрофессионализма и одновременно само находит новую социальную нишу для собственного развития. Цель статьи: определить потенциал дополнительного образования в подготовке специалистов в условиях транспрофессионализации российского рынка труда.

Методы. В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения.

Результаты и их обсуждение. На развитие дополнительного образования существенное влияние оказывают процессы транспрофессионализации на российском рынке труда. Транспрофессионализм возник как форма адаптации, с одной стороны, к углубляющемуся разделению труда, с другой – к появлению новых профессий, обучение которым не требует обязательной фундаментальной подготовки. Отчасти это особый способ профессиональной коммуникации на смежных профессиональных полях, но в значительной степени транспрофессионализм есть следствие приспособления к запросам рынка на овладение несколькими сопредельными профессиями. Он обеспечивает готовность быть профессионалом с широким набором компетенций. Высшая школа не может содействовать получению межпредметного образования. Она акцентирована на фундаментальном обучении. Любые попытки размыть узкоспециальное обучение несколькими профилями неизбежно потерпят фиаско, так как в конечном счете приведут к краху самого высшего образования. Сложившаяся ситуация объективно способствует росту социального статуса дополнительного образования. Транспрофессионализация выступает своеобразным триггером его становления. Реализуясь в двух формах – повышение квалификации и профессиональная переподготовка, – дополнительное образование удовлетворяет две транспрофессиональные потребности рынка труда: выход на межпредметные связи через высокий уровень профессионализма и обретение способности работать в межпредметных полях благодаря овладению смежными профессиями.

Ключевые слова: дополнительное образование; повышение квалификации; профессиональная переподготовка; высшая школа; транспрофессионализм; межпредметность; профессионализм.

Для цитирования: Богданова О.В. (2024). Влияние транспрофессионализма на развитие дополнительного образования в России. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 88–95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.7>.

**Influence of transprofessionalism on development
of additional education in Russia****Oksana V. Bogdanova¹**

¹ Socially oriented autonomous non-profit organization
«First consulting institute for social development», Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Abstract

Introduction. The main idea of this article is that higher education is not capable of teaching transprofessionalism. Interdisciplinarity, on which transprofessionalism is based, is the result of a certain development of a professional's personality, which reaches the level of supra-professional competences, relying on internally realized needs, own intellectual capabilities and on the institutional basis of additional education. Thus, additional education is a tool for the development of transprofessionalism and it finds a new social niche for its own development at the same time. The aim of the article: to determine the potential of supplementary education in the training of specialists in the conditions of transprofessionalization of the Russian labor market.

Methods. This article uses general scientific methods of analysis and synthesis, comparison and generalization.

Results and its discussion. The development of additional education is significantly influenced by the processes of transprofessionalization in the Russian labor market. Transprofessionalism emerged as a form of adaptation, on the one hand, to the deepening division of labor, on the other hand, to the emergence of new professions that do not require mandatory fundamental training. In part, it is a special way of professional communication in adjacent professional fields, but to large extent, transprofessionalism is a consequence of adaptation to market demands for mastering several adjacent professions. It ensures readiness to be professional with a wide range of competences. Higher education cannot promote cross-curricular education. It emphasizes fundamental learning. Any attempts to dilute narrowly specialized education with several profiles will inevitably fail, as they will eventually lead to the collapse of higher education itself. The current situation objectively contributes to the growth of the social status of additional education. Transprofessionalization acts as a kind of trigger for its formation. Implemented in two forms – advanced training and professional retraining, additional education satisfies two transprofessional needs of the labor market: access to interdisciplinary links through a high level of professionalism and acquiring the ability to work in interdisciplinary fields through mastering related professions.

Keywords: additional education; professional development; professional retraining; higher school; transprofessionalism; interdisciplinarity; professionalism.

For citation: Bogdanova O.V. (2024). Influence of transprofessionalism on development of additional education in Russia. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 88–95. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.7>.

Введение

Дополнительное образование, как и другие подсистемы российского института образования, переживает кризис, детерминированный глобальными изменениями в современном мире. Образование во многом является консервативным социальным институтом, проведение реформ в котором следует осуществлять постепенно и без спешки. Каждая перемена должна быть апробирована, проверена на локальном участке (в контрольной группе из образовательных организаций) и лишь затем распространена на всю систему, если полезность реформы будет подтверждена практикой. Российские реформаторы этой логике не следуют. В преобразованиях доминирует прожектерство, волюнтаризм, стремление достигать целей, не связанных с целями собственно самого образования. Отдельно следует отметить продолжение реформ либерального, прозападного типа. И происходит это в ситуации, когда от всего западного в иных социальных институтах российское общество решительно отказывается. Что касается образования, особенно высшей школы, то оно по-прежнему остается островком либерализма. Его пытаются как-то трансформировать, вернув к первоистокам, но сильно в этом не преуспели. Нормы о высшей школе приводятся в соответствие теми, кто еще недавно ее планомерно уничтожал.

Между тем потребность в высшем образовании по-прежнему остается. Обществу необходимы высококвалифицированные специалисты во всех областях знания. К сожалению, высшая школа в своем современном состоянии в полной мере удовлетворить эту потребность не способна. Ситуация усугубляется тем, что на рынке труда усиливается дифференциация профессий. Параллельно этому идет процесс рождения новых профессий и отмирания, во всяком случае, старых видов профессиональной занятости. Все вместе это приводит к возникновению транспрофессионализации, под которой мы будем понимать способность выполнять трудовые

функции, применяя компетенции из разных профессий. Действующая высшая школа не способна работать в формате междисциплинарности. Образование по-прежнему имеет предметно-ориентированный характер. Это, а также возникновение новых профессий, на потребность обучать которым университеты не в состоянии оперативно реагировать, открывает определенные перспективы для развития дополнительного образования. Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить потенциал дополнительного образования в подготовке специалистов в условиях транспрофессионализации российского рынка труда.

Степень разработанности проблемы

Транспрофессионализм получил неоднозначную интерпретацию в науке. Имеются разные его толкования. Считается, что первым из российских ученых, кто сформулировал это понятие, был П.В. Малиновский. В работе «Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом» им предложена следующая дефиниция: «Транспрофессионализм – коллективно-распределенная способность рефлексивно связывать и организовать представителей различных профессий для решения комплексных проблем» (Малиновский, 2004). Из такой интерпретации можно заключить, что под транспрофессионализмом понимается совместная работа, по результату деятельности которой можно судить об эффективности управления организацией, решающей задачи на стыке функционирования разных профессий. Сообразно этому определению П.В. Малиновский выделяет управленческие принципы транспрофессионализма. Во-первых, это диалектика глобального и локального, в которой к первому относится профессиональное мышление, а ко второму – профессиональное действие. Во-вторых, трансдисциплинарность, на основе которой возникает способность к совместному мышлению и к совместной деятельности представителей разных профессий. В-третьих, проектный характер в исполнении профессиональных обязанностей, так как транспрофессионализм предполагает интеграцию разных задач в границах одного проекта с целью максимально продуктивного их решения. Если резюмировать коротко, то, в соответствии с представлениями ученого, транспрофессионализм – это разновидность профессиональной деятельности на междисциплинарных полях, которая организуется в соответствии с принципами синергетики и холизма, являясь продуктом тщательно подготовленного управленческого проекта.

Подход П.В. Малиновского не получил большого распространения в научном дискурсе. Возобладало несколько иное понимание, которое наиболее последовательно было отражено в работах Э.Ф. Зеера (с соавторами). В противовес П.В. Малиновскому, который рассматривал транспрофессионализм как совместную деятельность профессионалов на междисциплинарных полях, оно основывается на представлении транспрофессионализма как комплекса знаний и умений (компетенций), возникающих у отдельного профессионала, способного легко и продуктивно переключаться на смежные виды профессиональной деятельности. Это выход за узкие рамки профессионализма, готовность одинаково эффективно трудиться в междисциплинарном пространстве, способность быть одинаково полезным в пространстве двух и более профессий (Зеер, 2017; Зеер, 2021).

Как видно, мы имеем два разных понимания термина. В одном случае речь идет о коллективной работе специалистов, относящихся к разным профессиональным сферам, в другом – о надпрофессиональных компетенциях. Противоположность указанных подходов попыталась преодолеть Е.А. Максимова. Автор настаивает на том, что обе точки зрения принципиально не противоречат друг другу и в реальных со-

циальных практиках могут проявляться как в одной, так и в другой форме. При этом основные тенденции свидетельствуют о возрастании значимости транспрофессионализма именно как совокупности надпрофессиональных компетенций, имеющих в распоряжении одного работника, а не как искусственно созданного коллектива сотрудников, исполняющих трудовые обязанности в межпрофессиональных полях (Максимова, 2013). Мы в большей степени склоняемся именно к этому объяснению анализируемого феномена.

Результаты исследования

Причины распространения транспрофессионализма. Безусловно, какой-то одной причины у анализируемого явления не существует. Действует причинный комплекс, где транспрофессионализация ведет к прогнозируемым последствиям, а последствия становятся источником для перехода транспрофессионализации на новый уровень. Ниже рассмотрим главные причины.

Углубление профессионализации – необходимость сотрудничать и понимать друг друга. Данная причина в некотором роде является исходным триггером для запуска процесса транспрофессионализации.

Углубление профессионализации может быть результативным только до определенного момента. Даже на этапе фундаментальных разработок той или иной идеи есть некий предел, за которым наступает необходимость в интеграции усилий специалистов разного профиля. В качестве аналогии можно использовать категории «анализ» и «синтез». Анализ предполагает разделение определенного процесса, объекта или явления на условные первоэлементы с описанием характерного для них набора функций и значимых свойств. От этих первоэлементов зависит способность общей структуры находиться в функциональном состоянии. Стремление понять внутреннюю логику работы «целого» ведет к необходимости анализировать «частное». Но уже на этапе сборки первоэлементов, т.е. осуществления синтеза, возникает потребность в помощи профессионалов со стороны смежных специальностей. Эта помощь может предоставляться либо через расширение контингента работников, либо посредством расширения профессиональных компетенций у отдельного сотрудника. В первом случае мы получаем модель, описанную П.В. Малиновским, во втором – Э.Ф. Зеером (с соавторами).

Быстрая смена технологий – необходимость овладевать новыми знаниями и умениями. Данную причину следует интерпретировать как вызов устоявшимся стереотипам в профессиональной деятельности.

Под технологиями здесь понимается нечто более широкое, чем просто изменения в технических объектах. Это средства для отправления предписанных функций. Технологии действительно регулярно обновляются. За этим следует зависимость от неустанного изучения новинок и их адаптации к своему профессиональному арсеналу возможностей. В приоритете оказываются наиболее адаптивные работники, которые в итоге выходят на транспрофессиональный уровень. Иными словами, они могут решать больший диапазон задач в опоре на смежные профессиональные компетенции.

Выход технологий на рынок, требующий работы команды разных специалистов (психологов, технологов, маркетингов, инженеров и т.п.). Умение работать в команде разнопредметных профессионалов находится в зависимости от понимания хотя бы общих принципов трудовой деятельности в границах смежных специальностей.

Транспрофессионализация позволяет снизить зависимость от узкопрофильных профессионалов. В этом имеются свои экономические выгоды и целесообраз-

ность. Руководству предприятий и организаций выгодно поощрять стремление своих сотрудников к широкому охвату межпредметных компетенций. Это в перспективе может привести к сокращению штата сотрудников, отказу от помощи профессионалов извне, повышению креативных способностей работников. Наличие транспрофессиональных компетенций позволяет резко увеличить горизонтальную мобильность в организациях, снизить издержки на трудовые ресурсы, повысить эффективность в достижении поставленных целей.

В то же время побочным эффектом транспрофессионализации может оказаться снижение уровня профессионализма, в частности игнорирование фундаментальных начал в подготовке специалистов (Бирюкова, 2021; Грачева, 2016; Макеева, 2021). Такие угрозы следует признать весомыми, и в настоящий момент они явственно просматриваются в стремлении изменить систему высшего образования, переместив акцент в подготовке специалистов на межпредметные основания. От таких идей, безусловно, следует отказаться. Они с высокой степенью вероятности приведут к разрушению фундаментальных принципов профессионального образования. А ведь именно на последних зиждется и сам транспрофессионализм.

Конечно, образование должно учитывать современные тренды на транспрофессионализацию. Но основную нагрузку в решении данной задачи предлагаем переместить на дополнительное образование.

Дополнительное образование как фактор обучения транспрофессионализму. Итак, основной тезис в завершающей части статьи можно сформулировать следующим образом: «Обучить транспрофессионализму в системе высшего образования нельзя!». Задача высшего образования состоит в создании фундаментальных основ для последующего обучения в течение всей жизни. Высшее образование в данном контексте мы рассматриваем с консервативных позиций. Оно должно иметь профессиональный характер. Мы не приветствуем отказ в системе образования от обучения узкопрофессиональным по преимуществу компетенциям. И это одинаково справедливо как для среднего, так и для высшего образования. Транспрофессионализм и, в более мягкой интерпретации, межпредметность без высокого уровня профессионализма напоминают замок на песке. А их сейчас нередко пытаются строить апологеты так называемого современного образования. Межпредметность и тем более транспрофессионализм искусственно не сформируешь и ни в каких компетенциях не отразишь. Выход на них выстраивается через предметное образование. И только наличие определенных успехов в рамках своей собственной специальности может быть условием обретения навыков к транспрофессионализму.

Транспрофессионализм не является блажью. Из первой части статьи явственно следует, что он детерминирован объективными процессами на рынке труда. Следовательно, в нем имеется определенного рода потребность, без него невозможно решить ряд актуальных задач в производстве знаний (технологий) и товаров (услуг). Высшая школа, особенно в своем текущем состоянии, переживая кризис из-за менеджеристской модели управления (Ковалев, 2023а; Ковалев, 2023б), утрачивает свои традиционные функции. Но даже в лучшем своем состоянии межпредметность никогда не была сильной стороной отечественного образования. И если высшее образование не способно быть нацеленным на формирование навыков транспрофессионализма, то эта задача вполне посильна для дополнительного образования.

Дополнительное образование реализуется в разных формах. В контексте темы данной статьи наиболее продуктивно будет упомянуть о повышении квалификации и профессиональной переподготовке. От того, в какой из двух форм оно иницируется, зависят конечные свойства приобретаемых навыков транспрофессионализма.

Повышение квалификации – это выход к профессионализму через рост профессиональных навыков. Речь идет о совершенствовании в границах определенной профессии, открытии каких-то новых ее граней, приобретении современных знаний, отработке новых умений и навыков, которые ранее не входили в стандартный образовательный курс. Важно отметить, что повышение квалификации актуально для тех профессий, которые условно можно определить как профессии для всей жизни. И транспрофессионализм в данной траектории представляет собой не что иное, как профессиональное развитие в течение всей своей жизни. Он возможен благодаря постоянному самосовершенствованию. Обучающийся постепенно приобретает знания, умения и навыки, которые выводят его на такой уровень познания, на котором ему открываются межпредметные связи, прежде скрытые из-за когнитивных ограничений узкого профессионализма. Разумеется, любой профессионал потенциально способен повышать свою квалификацию самостоятельно. Но может – не значит делает. Существует много факторов, которые отвлекают от самообразования. Самыми главными, пожалуй, являются отсутствие внешнего контроля и образовательной среды. Они в значительной степени нивелируют имеющийся интеллектуальный потенциал и мотивацию совершения образовательных действий. Институт дополнительного образования позволит решить обе эти проблемы.

Профессиональная переподготовка представляет собой несколько иной путь к транспрофессионализму. Он характеризуется не столько глубиной, сколько широтой профессионального познания. В этих условиях обучающийся приобретает репутацию профессионала широкого кругозора. Его ведущими качествами, позволяющими ему выполнять трудовые функции, следует считать мобильность на рынке труда, неизменную готовность к смене профессии, резкому изменению жизненных траекторий. Транспрофессионализм подкрепляется установками на то, что никакая профессия не может быть делом всей жизни. Индивид должен быть мобильным актором на рынке труда, уметь постоянно искать наиболее выгодные трудовые локации, извлекать максимум личных преимуществ из регулярной смены профессиональной занятости.

Такой вид профессий и такая разновидность профессионального поведения были всегда, но ранее они отождествлялись почти исключительно с неквалифицированными видами профессиональной занятости и, конечно, не могли служить основой для развития транспрофессионализма. Изменение ситуации на рынке труда стало следствием изменения социальной ситуации. Мы имеем в виду перемещение спектра профессиональной занятости с производства на сферу услуг. Это привело к возникновению огромного количества новых профессий, деятельность в рамках которых не требует глубокой профессионализации, но при этом позволяет зарабатывать не меньше (и даже больше), чем это могут сделать представители так называемых старых профессий «на всю жизнь». Роль дополнительного образования здесь переоценить просто невозможно. Оно обеспечивает возможность скоротечной переподготовки, т.е. в максимально сжатые сроки. Транспрофессионализм в данном контексте следует рассматривать как широкое поле профессиональной деятельности в разнообразном спектре смежных профессий, смена которых не требует глубокой вовлеченности в образовательный процесс, а в большей степени предполагает корректировку личностных качеств работника.

Заключение

В текущий момент на развитие дополнительного образования существенное влияние оказывают процессы транспрофессионализации на российском рынке труда. Транспрофессионализм возник как форма адаптации, с одной стороны, к углубляю-

щемся разделению труда, с другой – к появлению новых профессий, обучение которым не требует обязательной фундаментальной подготовки. Отчасти это особый способ профессиональной коммуникации на смежных профессиональных полях, но в значительной степени транспрофессионализм есть следствие приспособления к запросам рынка на овладение несколькими сопредельными профессиями. Он обеспечивает готовность быть профессионалом с широким набором компетенций. Высшая школа не может содействовать получению междисциплинарного образования. Она акцентирована на фундаментальном обучении. Любые попытки размыть узкоспециальное обучение несколькими профилями неизбежно потерпят фиаско, так как в конечном счете приведут к краху самого высшего образования. Сложившаяся ситуация объективно способствует росту социального статуса дополнительного образования. Транспрофессионализация выступает своеобразным триггером его становления. Реализуясь в двух формах – повышение квалификации и профессиональная переподготовка, – дополнительное образование удовлетворяет две транспрофессиональные потребности рынка труда: выход на междисциплинарные связи через высокий уровень профессионализма и обретение способности работать в междисциплинарных полях благодаря овладению смежными профессиями.

Литература

- Бирюкова, М.А. Междисциплинарные связи и их роль в процессе профессионализации обучения иностранному языку в юридическом вузе / М.А. Бирюкова // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2021. – № 10. – С. 34–42.
- Грачева, А.Г. Опыт и перспективы перехода на метапредметное обучение в средней школе / А.Г. Грачева // *Молодой ученый*. – 2016. – № 6. – С. 760–763.
- Зеер, Э.Ф. Методологические ориентиры развития транспрофессионализма педагогов профессионального образования / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк // *Образование и наука*. – 2017. – Т. 19, № 8. – С. 9–28. – <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-8-9-28>.
- Зеер, Э.Ф. Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему / Э.Ф. Зеер, Э.Э. Сыманюк, Е.М. Лебедева // *Сибирский психологический журнал*. – 2021. – № 79. – С. 89–107. – <https://doi.org/10.17223/17267080/79/6>.
- Ковалев, В.В. Идеология менеджериализма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Вестник университета*. – 2023а. – № 7. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>.
- Ковалев, В.В. Магистратура в зеркале реформы российского высшего образования / В.В. Ковалев // *Caucasian Science Bridge*. – 2023б. – Т. 6, № 2. – С. 40–46. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.4>.
- Макеева, С.Г. Формирование готовности к осуществлению междисциплинарных связей в обучении как компонент профессиональной подготовки / С.Г. Макеева, И.В. Шуткина // *Ярославский педагогический вестник*. – 2021. – № 6. – С. 81–89. – <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-81-89>.
- Максимова, Е.А. Перспективы и трудности транспрофессиональной подготовки / Е.А. Максимова // *Гуманитарные науки и образование*. – 2013. – № 1. – С. 28–33.
- Малиновский, П.В. Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом [2004] / П.В. Малиновский. – URL: <https://shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.

References

- Biryukova M.A. Interdisciplinary links and their role in the process of professionalization of foreign language teaching in law school. *Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYuA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University*. 2021; 10:34–42. (In Russ.)
- Gracheva A.G. Experience and prospects of transition to meta-subject teaching in secondary school. *Molodoy uchenyy = Young scientist*. 2016; 6:760–763. (In Russ.)
- Kovalev V.V. Magistracy in the mirror of Russian higher education reform. *Caucasian Science Bridge*. 2023; 6(2):40–46. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.2.4>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, health care. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2023; 7:24–32. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. (In Russ.)

Makeeva S.G., Shutkina I.V. Formation of readiness to realize interdisciplinary links in teaching as a component of professional training. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021; 6:81–89. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-81-89>. (In Russ.)

Malinovsky P.V. Transprofessionalism as a criterion for the effectiveness of human potential management [2004]. Available at: <https://shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>. (In Russ.)

Maximova E.A. Perspectives and difficulties of transprofessional training. *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye = Humanities and Education*. 2013; 1:28–33. (In Russ.)

Zeer E.F., Symanyuk E.E. Methodological guidelines for the development of transprofessionalism of teachers of vocational education. *Obrazovaniye i nauka = Education and Science*. 2017; 19(8):9–28. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-8-9-28>. (In Russ.)

Zeer E.F., Symanyuk E.E., Lebedeva E.M. Transprofessionalism as a predictor of pre-adaptation of the subject of activity to the professional future. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal = Siberian psychological journal*. 2021; 79:89–107. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/6>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 05.05.2024

Дата окончания рецензирования: 18.06.2024

Дата принятия к публикации: 25.06.2024

Информация об авторе

Богданова Оксана Владимировна – кандидат социологических наук, генеральный директор Социально ориентированной автономной некоммерческой организации «Первый консалтинговый институт социального развития», г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Bogdanova Oksana Vladimirovna – Candidate of Sciences in Sociology, CEO of Socially oriented autonomous non-profit organization “First consulting institute for social development”, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: oksanavelo9@bk.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.344.34:373

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.8>

EDN TAHTNTQ

**Осмысление опыта онлайн-обучения студентов медицинских специальностей
(на примере Ростовского государственного медицинского университета)****Анатолий В. Чистяков¹**

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия
e-mail: afrika28@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье исследуется возможность достижения качественного образования по медицинским специальностям на основе использования технологий онлайн-обучения. Значимость данной проблематики обуславливается двумя факторами: высокими темпами цифровизации высшей школы и некоторыми особенностями медицинского образования, которые, предположительно, не совместимы с содержательными характеристиками онлайн-обучения. Эта гипотеза нуждается в эмпирической верификации. Цель статьи состоит в том, чтобы оценить взаимосвязь между переходом на онлайн-обучение и вероятностным снижением качества образования студентов медицинских специальностей.

Методы. Основной метод сбора эмпирической информации – массовый опрос. Время его проведения – февраль–март 2023 г. Эмпирический объект – студенты Ростовского государственного медицинского университета, имеющие опыт онлайн-обучения в качестве студентов медицинского вуза во время социальной самоизоляции. Выборочная совокупность составила 1509 респондентов.

Результаты и их обсуждение. Модель онлайн-обучения отклонена как актуальная большинством опрошенных в РостГМУ студентов медицинских специальностей. По всем предложенным индикаторам оценки связь между качественным образованием и информационно-технологическими возможностями онлайн-обучения не установлена. Онлайн-обучение допустимо рассматривать исключительно как инструмент дополнительного образования относительно классического аудиторно-контактного обучения. В этих условиях насильственная онлайнизация высшего медицинского образования недопустима, так как приведет к снижению его качества. Следствием может стать непоправимый урон общественному здоровью и возможности для отдельных граждан на получение медицинской помощи надлежащего качества. Современное медицинское образование должно оставаться умеренно консервативным. В этих условиях переход на онлайн-обучение был бы нерациональным выбором для руководства РостГМУ.

Ключевые слова: онлайн-обучение; качество образования; медицинское образование; РостГМУ; высшее образование; рациональный выбор.

Для цитирования: Чистяков А.В. (2024). Осмысление опыта онлайн-обучения студентов медицинских специальностей (на примере Ростовского государственного медицинского университета). *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 96–102. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.8>.

**Reflection on experience of online education of medical students
(on the example of Rostov State Medical University)****Anatoly V. Chistyakov¹**

¹M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
e-mail: afrika28@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article explores the possibility of achieving quality education in medical specialties based on the use of online learning technologies. The significance of this issue is conditioned by two factors: the high rate of digitalization of higher education and some features of medical education, which, presumably, are not compatible with the content characteristics of online learning. This hypothesis needs empirical verification. The aim of the article is to evaluate the relationship between the transition to online learning and the probabilistic decrease in the quality of education of medical students.

Methods. The main method of collecting empirical information is a mass survey. The time of its realization is February-March 2023. The empirical object is the students of Rostov State Medical University who have experience of online learning as medical students during social self-isolation. The sample population amounted to 1509 respondents.

Results and its discussion. The model of online learning is rejected as relevant by the majority of medical students surveyed in RostSMU. According to all proposed evaluation indicators, the relationship between quality education and information-technological capabilities of online learning is not established. Online learning can be considered only as a tool of additional education in relation to classical classroom-contact learning. Under these conditions, forced onlineization of higher medical education is inadmissible, because it will lead to a decrease in its quality. The consequence may be irreparable damage to public health and the ability of individual citizens to receive medical care of adequate quality. Modern medical education must remain moderately conservative. Under these conditions, switching to online education would be an irrational choice for RostSMU management.

Keywords: online learning; quality of education; medical education; RostSMU; higher education; rational choice.

For citation: Chistyakov A.V. (2024). Reflection on experience of online education of medical students (on the example of Rostov State Medical University). *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 96–102. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.8>.

Введение

Перспективы и ресурсные возможности онлайн-обучения обсуждаются учеными уже не первый год. Многих подкупает удобство этой формы образования (Аласания, 2023), ее доступность (Бектуров, 2024), дешевизна (Оухейш, 2022), возможность обучаться самостоятельно (Везиров, 2021). Диспозиционные преимущества усматриваются и в других аспектах образовательной деятельности. В целом онлайн-обучение привлекает своими возможностями провести фундаментальную реформу системы образования, перестроив ее под потребности цифровой среды. Сторонники этой модели предполагают, что классическое образование утратило свои социальные функции, перестало соответствовать запросам текущего времени и должно быть заменено на более адекватные педагогические технологии.

Возможно, во всех этих суждениях есть рациональное зерно и какой-то здравый смысл. Вполне вероятно, что система образования нуждается в реформах. Однако едва ли было бы благоразумно перейти к ее радикальной трансформации, не имея четкого представления о том, какими последствиями могут обернуться для общества непродуманные преобразования. Прежде чем начать реформы, следует разработать четкую стратегию развития, отразив в ней потенциальные негативные эффекты и потенциальные позитивные приобретения. Замена классической модели на дистанционную слишком радикальна. Чтобы сделать шаг в этом направлении, требуется предпринять куда более интенсивное движение в сторону тщательного и всестороннего исследования проблемы. Но, несмотря на грандиозный рост числа публикаций по онлайн-обучению в последние годы, многие вопросы по-прежнему остаются неисследованными.

В нашей статье мы ставим цель оценить взаимосвязь между переходом на онлайн-обучение и вероятным снижением качества образования студентов медицинских специальностей.

Методология и методы. В основу исследования положена теория рационального действия Дж. Коулмана (Coleman, 1990). Согласно концепции американского социолога, частота и характер взаимодействия социальных акторов определяются тем, в какой коммуникативной матрице находится субъект взаимодействия. В этой матрице интегрируются индивидуальные интересы и устоявшиеся социальные практики, регулируемые формальными и неформальными нормами. Таких матриц много. Их количество зависит от способности акторов трансформировать индивидуальное

в социальное. Субъект социального действия свободен в своих выборах. Он может находиться в той матрице, интегральная согласованность взаимных интересов в которой соответствует его потребностям и ожиданиям. И если это так, то подобный выбор следует называть рациональным.

Нам в ходе практического исследования нужно будет установить, насколько выбор онлайн-обучения можно считать рациональным для студента, обучающегося по медицинским специальностям. Чтобы подготовить теоретическую основу для практических выводов, в нашем распоряжении имеются три базовых понятия: обучение, онлайн-обучение и обучение онлайн студента медицинского вуза.

В понимание обучения заложим стандартные признаки, с которыми его обычно отождествляют в научном дискурсе. Это процесс передачи знаний, умений и навыков, организованный во времени и пространстве по определенным правилам, принятым в образовательной организации. Данное определение в первую очередь направлено на то, чтобы отграничить образование от самообразования. Пока мы исходим из того, что обучение связывается с реализацией функций образовательных учреждений, наделенных подобного рода прерогативами со стороны публичной власти.

Онлайн-обучение представляет собой определенную форму образования, возникшую благодаря возможности применять дистанционные технологии (Ковалев, 2020a). Также важно отметить, что современные, а не исторические виды дистанционного обучения в обязательном порядке сопряжены с использованием информационно-технических средств коммуникации, обеспечивающих возможность электронного кодирования информации, в том числе посредством создания разного рода программ-симуляторов, имитирующих актуальную образовательную среду (Ковалев, 2020b). И наконец, современное онлайн-обучение немыслимо без технологий мгновенной передачи видео- и аудиосигналов (Ковалев, 2021). В этих трех содержательных аспектах: мгновенная передача информации с аудиовизуальным контактом учителя и ученика, электронное кодирование информации и дистанционный режим передачи информации – три главных признака онлайн-обучения. Этим оно отличается от обычного электронного обучения (MOOCs и т.п.) и старых форм дистанционного образования, которое начиналось с организации учебной деятельности при помощи почтовых рассылок.

Онлайн-обучение студента медицинского вуза, следовательно, осуществляется в дистанционном формате при кураторстве соответствующего преподавателя. В России широко распространенными были практики обучения на платформах Teams и ZOOM, применявшиеся в период социального дистанцирования и изоляции.

Давая оценку онлайн-формату в контексте задач, которые решаются в медицинских образовательных учреждениях, очень важно обратить внимание на некоторую специфику высшего образования в области медицины. Предметом образовательных практик выступает тело человека. Его важно изучать в здоровом состоянии, а также в тех его изменениях, которые связаны с влиянием разного рода болезней. По меньшей мере это означает, что дистанционный режим способен создавать барьеры для обеспечения надлежащего качества образования. Допустимо предположить, что в будущем будут разработаны программы, обеспечивающие полное воспроизводство реальности через цифровые симулякры. Но таких программ на данном этапе нет, да и их педагогическая ценность сомнительна, пока эмпирически не доказано обратное. Поэтому будем исходить из тех условий обучения медицинским профессиям, которые имеются здесь и сейчас, а также из того опыта, который имеется у субъектов образования на данном этапе.

В феврале–марте 2023 г. мы провели массовый опрос среди студентов Ростовского государственного медицинского университета. Из выборки были исключе-

ны студенты первого курса, так как они, в отличие от обучающихся более старших курсов, не имели опыта онлайн-обучения в качестве студентов медицинского вуза. В итоге выборочная совокупность составила 1509 респондентов. Для сбора эмпирической информации использовался социологический инструментарий, разработанный А.В. Лацвеевой и адаптированный нами к специфике предмета исследования в данной статье.

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях онлайн-обучения на второй план отходит роль преподавателя, так как в качестве приоритетной позиционируется познавательная активность обучающегося и его способность самостоятельно определять эталон качества образования. В связи с этим студентам РостГМУ был задан соответствующий вопрос, ответы на который представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Определите статус преподавателя в подготовке высококвалифицированного специалиста в области медицины»

Вариант ответа	Количество ответивших, %
Ведущий, так как преподаватель формирует стандарты качества, передает профессиональные знания и умения, а также осуществляет контроль над успеваемостью	75,9
Второстепенный, так как качество медицинского образования закладывается государством, а проверка состоятельности полученных знаний и умений осуществляется администрацией РостГМУ	11,9
Второстепенный, студенты благодаря онлайн-курсам из интернета могут учиться самостоятельно, оценивая качество полученных знаний без помощи преподавателя	12,3

Из полученных результатов видно, что студенты-медики на данном этапе не готовы к самообразованию. Преподаватели по-прежнему рассматриваются как основные акторы образовательного процесса. На них рассчитывают при создании эталона качества, которое соизмеряется с академическими достижениями студентов, при осуществлении организации и контроля над учебной деятельностью, стимулировании мотивации студентов к продолжению образования. Готовность учиться самостоятельно по собственным стандартам качества выказали лишь 12,3% опрошенных. Как показали проведенные сопряжения, в основном это обучающиеся по специальности «Клиническая психология», т.е. не врачи в общепринятом понимании этого слова.

Показательно, что студенты-медики не верят в образовательный потенциал онлайн-курсов в отрыве от организующей и контролирующей роли преподавателя в учебной аудитории. То есть никто из полутора тысяч опрошенных не выбрал электронное обучение в качестве возможного для овладения медицинскими специальностями. Надо полагать, что подобный оппортунизм давлению со стороны адептов цифровизации образования напрямую связан со страхом депрофессионализации. Учебная аудитория воспринимается как место надлежащего и обязательного обучения. Перспективы удобства и дешевизны студенты РостГМУ не выбрали для себя как актуальные. Несмотря на фактическую принадлежность к цифровому поколению, учебная аудитория подавляющим большинством опрошенных выбрана как неотъемлемый атрибут профессионального обучения (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответа на вопрос
«Можно ли эффективно обучиться медицинским специальностям вне учебной аудитории?»**

Вариант ответа	Количество ответивших, %
Нет, в учебной аудитории преподаватель имеет возможность осуществлять контроль и содействовать росту мотивации	32,1
Нет, преподаватель задает стандарты качества, определяющие эталон знаний и умений по избранной медицинской специальности	56,7
Да, тот, кто хорошо учится в студенческой аудитории, будет и в домашних условиях хорошо учиться	31,7
Да, в цифровом обществе любую информацию можно проверить через интернет, особенно когда имеются профессиональные онлайн-курсы	–

Оказывается, не только процесс приобретения знаний и умений, но и овладение практическими навыками связывается студентами с классическим обучением в студенческих аудиториях, в лабораториях и на производственной практике. Опять респонденты ссылаются на организующую и контролирующую роль преподавателя, его способность быть беспристрастным арбитром в учебной деятельности (табл. 3). Да, треть студентов согласна, что определенные навыки можно отработать посредством онлайн-технологий. Однако нам представляется, что подобного рода технологии еще недоступны в образовательном процессе. Такая вера может относиться только к программам-симулякрам. Но ради этих программ совсем не обязательно даже в будущем упразднять классическое образование. Они способны лишь его улучшить, но отнюдь не подменить.

Таблица 3

**Распределение ответа на вопрос «Обеспечивает ли онлайн-обучение
возможность качественно овладеть практическими навыками в медицинской профессии?»**

Вариант ответа	Количество ответивших, %
Да, в цифровом обществе любую профессию можно изучить посредством онлайн-курсов	10,8
Да, однако основная масса практических навыков приобретается в специальных лабораториях, на производственной практике, в прямых контактах с пациентами и т.п.	33,3
Нет, процесс приобретения практических навыков должен всегда проходить под контролем преподавателя, так как только он способен оценить их качество в соответствии с общепринятым эталоном	62,4

Оценивая полученные данные, хотелось бы обратить внимание на первый вариант ответа из табл. 4. Больше половины опрошенных считают, что качество образования в онлайн-формате неизбежно станет снижаться, поскольку люди без надлежащего контроля склонны упрощать себе задачу. Как нам представляется, данная позиция недостаточно оценена. Люди действительно упрощают задачи, если отсутствует внешний субъект, способный осуществлять функции контроля за качеством. Это неизбежная эволюция, которая проявляется в любых сферах социальной деятельности. Особо в этом контексте важно уточнить специфику медицинского образования. Это крайне сложный объект для восприятия. Он требует установления не

только фиксации многовариантных связей в предметном пространстве медицины, но и элементарного заучивания фактической информации. Способны ли на это современные студенты, которые имеют под рукой такой доступный источник информации, как интернет? Надо полагать, это вопрос риторический.

Таблица 4

Распределение ответа на вопрос «Приведет ли, по вашему мнению, онлайн-обучение к снижению качества овладения медицинскими специальностями?»

Вариант ответа	Количество ответивших, %
Да, люди склонны упрощать себе задачу, чтобы ее было легче решать	57,4
Да, уменьшение роли преподавателя в виде гаранта качества и упразднение образовательной среды приведет к ликвидации самого понятия «эталон качества»	58,9
Нет, роль преподавателя и образовательной среды несущественны для обеспечения качества образования	11,5
Нет, качество образования – понятие субъективное, его легко может оценивать любой обучающийся самостоятельно	13,9

Заключение

Общий вывод по проделанной работе может заключаться в том, что модель онлайн-обучения отклоняется как актуальная большинством опрошенных в РостГМУ студентов медицинских специальностей. Основной массив переменных и сформулированных по ним вариантов ответов был ориентирован на то, чтобы выяснить взаимосвязь между технологиями онлайн-обучения и возможностями обеспечить качественное образование. В итоге ни по одному из предложенных респондентам аспектов качества такой взаимосвязи установлено не было. Да, опрашиваемые легко соглашались с мнением, что онлайн-обучение удобно и современно, но несвоевременно относительно его текущих информационно-технических возможностей. На данном этапе его можно рассматривать исключительно как инструмент дополнительного образования, некий комплементарный ресурс относительно классического аудиторно-контактного обучения. Для того чтобы оно приобрело статус полноценной формы образования, у него нет достаточного потенциала. Кроме того, нельзя не принимать во внимание высокую степень значимости медицинского образования. От его качества зависит удовлетворение важнейших социально значимых функций. Снижение квалификации будущих врачей и других медицинских работников ради сомнительных экспериментов принципиально недопустимо. Это может нанести непоправимый урон общественному здоровью и возможности для отдельных граждан на получение медицинской помощи надлежащего качества. Современное медицинское образование должно оставаться умеренно консервативным. Это залог сохранения его способности быть полезным для социума.

В то же время определенные элементы цифровизации вполне допустимы. Однако их нельзя использовать как давление со стороны лоббистов, имеющих интересы, далекие от собственно медицины и образования. Цифровизация должна происходить естественным путем, по инициативе самих образовательных организаций. Только в этом случае она не окажется изолированной от реальных потребностей образования.

Литература

Аласания, Е.П. Проблемы адаптации студентов к электронной образовательной среде / Е.П. Аласания, И.А. Малыхина // *Современное педагогическое образование*. – 2023. – № 1. – С. 77–79. – EDN IQMUDM.

- Бектуров, Т.М. Роль цифровых технологий в современном образовании / Т.М. Бектуров, М.А. Кожогелдиева // *Эпоха науки*. – 2024. – № 37. – С. 206–212. – EDN BDEDMT.
- Везилов, Т.Г. Проектирование индивидуальной образовательной траектории будущих магистров в условиях онлайн-обучения / Т.Г. Везилов // *Педагогический журнал*. – 2021. – Т. 11, № 4–1. – С. 365–369. – <https://doi.org/10.34670/AR.2021.23.50.040>. – EDN KLAACK.
- Ковалев, В.В. Онлайн-образование в высшей школе России: фактор разрушения или источник развития? / В.В. Ковалев, В.В. Касьянов, А.К. Манучарян // *Гуманитарий Юга России*. – 2020а. – Т. 9, № 3. – С. 72–91. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.4>. – EDN ETLLRC.
- Ковалев, В.В. Онлайн-образование студенческой молодежи в условиях пандемии: рефлексия опыта / В.В. Ковалев, О.В. Сорокин // *Социальное пространство*. – 2021. – Т. 7, № 3. – <https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.1>. – EDN ZOYYPJ.
- Ковалев, В.В. Оценка качества онлайн-образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, К.В. Воденко // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2020б. – Т. 13, № 3. – С. 6–14. – <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-3-6-14>. – EDN GHTHNY.
- Оухейш, Т.Х.М. Адаптация иностранных учащихся в условиях дистанционного образования / Т.Х.М. Оухейш // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2022. – № 3. – С. 144–150. – <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-3-144-150>. – EDN TYNFRD.
- Coleman, J. *Foundations of Social Theory* / J. Coleman. – Cambridge: Harvard University Press, 1990. – 933 p.

References

- Alasania E.P., Malykhina I.A. Problems of students' adaptation to electronic educational environment. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2023; 1:77–79. (In Russ.)
- Bekturov T.M., Kozhogeldieva M.A. The role of digital technologies in modern education. *Epokha nauki = Epoch of Science*. 2024; 37:206–212. (In Russ.)
- Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Harvard University Press; 1990. 933 p.
- Kovalev V.V., Sorokin O.V. Online education of student youth in pandemic conditions: reflexion of experience. *Sotsialnoe prostranstvo = Social Space*. 2021; 7(3). <https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.1>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Vodenko K.V. Evaluation of the quality of online education (on the materials of focused interviews in student groups). *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki = Bulletin of South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)*. 2020; 13(3):6–14. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2020-3-6-14> (In Russ.)
- Kovalev V.V., Kasyanov V.V., Manucharyan A.K. Online education in Russian higher education: a factor of destruction or a source of development? *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9(3):72–91. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.4> (In Russ.)
- Ouheish T.H.M. Adaptation of foreign students in the conditions of distance education. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tula State University. Humanities*. 2022; 3:144–150. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-3-144-150>. (In Russ.)
- Vezirov T.G. Designing individual educational trajectory of future masters in the conditions of online learning. *Pedagogicheskiy zhurnal = Pedagogical journal*. 2021; 11(4–1):365–369. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.05.2024

Дата окончания рецензирования: 05.06.2024

Дата принятия к публикации: 05.07.2024

Информация об авторе

Чистяков Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и управление» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ), г. Новочеркасск, Россия, e-mail: afrika28@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Chistyakov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sciences in Sociology, Associate Professor, Professor, Department of Economics and Management, South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: afrika28@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

Научная статья

УДК 316.344.34:373

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.9>

EDN VULGEZ

**Теоретическая модель исследования мотивации старшеклассников
в условиях онлайн-обучения****Диана Н. Чилингарова¹**

¹Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение школа № 22,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: diana5554777@rambler.ru

Аннотация

Введение. В статье разрабатывается авторский категориальный аппарат, ориентированный на исследование мотивации к учебной деятельности старшеклассников в условиях онлайн-обучения. Отмечается, что инициативы Правительства РФ, ориентированные на перевод образования школьников на онлайн-формат, не подкреплены достоверной научной экспертизой. Инициаторы цифровизации средней школы не учитывают в должном объеме риски, вызванные онлайнизацией образовательного процесса. Представленная работа – одна из немногих, в которых разработана теоретическая модель исследования, способная стать базовым основанием для реализации эмпирических разработок обозначенной социальной проблемы.

Методы. Методологическую базу исследования составила концепция П. Лазарсфельда, который ввел в социальные науки операционалистский подход, основанный на разработке категориального аппарата через формализованные процедуры логических операций с понятиями.

Результаты и их обсуждение. Работа с понятиями осуществлялась в форме операционализации. Основным принцип построения авторского категориального аппарата – редукция от объекта к предмету исследования с отсечением второстепенных признаков понятий и объединением главных. Понятийная цепочка включает в себя следующие термины: «онлайн-обучение» (объект исследования), «мотивы обучения», «мотивы обучения старшеклассников», «мотивация старшеклассников в условиях онлайн-обучения» (предмет исследования). На завершающей стадии исследования автор вышел на формулировку эмпирических индикаторов: 1) личный опыт старшеклассников (учителей, родителей) в условиях онлайн-обучения; 2) познавательная активность старшеклассников в условиях онлайн-обучения; 3) материальные, технические и информационные ресурсы онлайн-обучения.

Ключевые слова: старшеклассники; мотивация; онлайн-обучение; обучение; средняя школа; учебная деятельность; интересы старшеклассников.

Для цитирования: Чилингарова Д.Н. (2024). Теоретическая модель исследования мотивации старшеклассников в условиях онлайн-обучения. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 103–110. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.9>.

**Theoretical model of research on motivation of high school students
in conditions of online learning****Diana N. Chilingarova¹**

¹Municipal autonomous educational institution school No. 22, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: diana5554777@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article develops the author's categorical apparatus focused on the study of motivation to learning activities of high school students in the conditions of online learning. It is noted that the initiatives of the Government of the Russian Federation, oriented on the transfer of schoolchildren's education to the online format, are not supported by reliable scientific expertise. The initiators of digitalization of secondary schools do not perceive the risks caused by online education process. The presented work is one of the few in which a theoretical model of research is developed that can become a basic foundation for the realization of empirical developments of the designated social problem.

Methods. The methodological basis of the study was the concept of P. Lazarsfeld, who introduced the operationalist approach to social sciences, based on the development of the categorical apparatus through formalized procedures of logical operations with concepts.

Results and its discussion. Work with concepts was carried out in the form of operationalization. The main principle of constructing the author's categorical apparatus is reduction from the object to the subject of research with cutting off the secondary features of concepts and combining the main ones. The conceptual chain includes the following terms: online learning (object of research), learning motives, motivation of high school students, motivation of high school students in the conditions of online learning (subject of research). At the final stage of the research we came to the formulation of empirical indicators: 1) personal experience of high school students (teachers, parents) in the conditions of online learning; 2) cognitive activity of high school students in the conditions of online learning; 3) material, technical and information resources of online learning.

Keywords: high school students; motivation; online learning; learning; high school; learning activity; interests of high school students.

For citation: Chilingarova D.N. (2024). Theoretical model of research of motivation of high school students in conditions of online learning. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 103–110. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.9>.

Введение

О социальной самоизоляции и социальном дистанцировании общество уже начинает забывать. Вместе с этим снижается градус обеспокоенности угрозой повсеместного перевода образовательных организаций, включая средние школы, в онлайн-формат. Сейчас о насильственной онлайнизации говорят в интернете и других СМИ гораздо меньше, чем два-три года назад, а количество научных работ по проблематике неуклонно снижается. Означает ли это, что заявленная в титуле работы проблема потеряла свою актуальность? Безусловно, нет. Сторонники онлайн-обучения просто изменили тактику. От прямого давления и агрессивной артикуляции своих интересов они перешли к иным методам воздействия, более адекватно учитывающим открытую неприязнь общества и большинства научной общественности к виртуальным формам учебной деятельности. Попытки продавить онлайн-обучение реализуются через проекты цифровизации средней школы и рекламу онлайн-формата в образе так называемого семейного обучения.

Образование по-прежнему находится под сильным давлением коммерческих структур, в том числе международных корпораций, заинтересованных в переводе учебной работы из-под попечения государства и общественности в лоно ориентированных на принципы рынка социальных институтов. К ним активно подключаются лоббисты из властных структур Российского государства, интенсивно продвигающих нарративы глобального образования. Часть из них работает из идеологических побуждений, но в основная масса заинтересованных лиц, как нам представляется, имеет прямую материальную выгоду.

Сказанное означает, что даже после окончания пандемии и ее социальных последствий тема не утратила актуальности. Более того, актуальность ее возрастает, так как в новой геополитической реальности разрушение российского образования, с чем связываются негативные эффекты от распространения онлайн-обучения, можно считать одной из целей воздействия на нашу страну со стороны коллективного Запада.

Заявленная тема нуждается в тщательной проработке, начиная с этапа разработки концепции. В связи с этим цель исследования определена как концептуализация теоретической модели исследования мотивации старшеклассников в условиях онлайн-обучения.

Методология

Общие методологические основания выстроены с опорой на операционалистский подход П. Лазарсфельда. Вся работа построена на разработанных им принципах проведения логических операций с понятиями.

Оценка онлайн-обучения соотносилась с идеями, разработанными В.В. Ковалевым с соавт. (Васьков, 2020; Ковалев, 2020; Ковалев, 2021). Наши представления о мотивации формировались через научные исследования Е.П. Ильина (Ильин, 2011). Концепт учебной деятельности выстраивался в соответствии с воззрениями И.А. Зимней (Зимняя, 1999).

Результаты исследования и их обсуждение

Онлайн-обучение. Онлайн-обучение имеет множество интерпретаций в науке. Главная задача на данный момент состоит в том, чтобы преодолеть терминологический хаос, который проистекает от разделения терминов «дистанционное образование», «электронное обучение», «онлайн-обучение» по присущим им терминологическим границам. Перспективы исследований в данном направлении видим в том, что перечисленные формы образования содержат разный инструментарий воздействия на развитие познавательной активности старшеклассника. Следовательно, можно предположить, что обучение в них нуждается в разных способах мотивации. А это, в свою очередь, означает, что эффективность мотивации будет обеспечиваться разными факторами.

Онлайн-обучением можно считать только ту форму образования, которая осуществляется исключительно (или главным образом) в синхронном режиме, но через информационно-технического посредника. Логическая необходимость выделения онлайн-обучения в самостоятельную форму обусловливается фундаментальными различиями между этой образовательной моделью и электронным обучением, с которым ее нередко отождествляют. Смысловые оттенки между ними примерно такие же, как при сравнении образования и самообразования. Под образованием понимается целенаправленный процесс усвоения знаний в учебном заведении, ориентация на систематизированные знания, коллективный темп учебного процесса, четкие границы в рамках учебных программ, образование как общественное благо, наличие профессионального педагога, проведение коллективных занятий в формальных группах. Самообразование по своим признакам может быть полностью противоположным либо по каким-то позициям схожим. Ему присущ целенаправленный (либо бесцельный) процесс усвоения знаний вне учебного заведения, ориентация на систематизированные (либо бессистемные) знания, индивидуальный темп обучения, отсутствие четких границ в рамках учебных программ, отождествление образования с частной услугой, отсутствие (либо эпизодическое появление) профессионального педагога, индивидуальный процесс приобретения знаний (Калугин, 2014). По большинству признаков самообразование отличается от образования либо выступает дополнением к нему.

Проведенная работа с понятием позволяет сформулировать его итоговое определение. Онлайн-обучение представляет собой новую форму образования, в основе которой лежит взаимодействие учителя и ученика в реальном времени, на расстоянии друг от друга и с применением средств мгновенной передачи информации.

Мотивы. Теорией мотивации преимущественно занимаются психологи. Ниша социологии в этой сфере имеет узкую локализацию: изучить социальные факторы, влияющие на мотивацию индивидуальных акторов, и описать социальные последствия, возникающие от совокупного воздействия индивидуальных мотивов на определенный социальный процесс. В интересе психологов нет ничего удивительного, так как мотив по своей сути является психологическим феноменом. Следовательно, разумным для построения методологической базы было бы обратиться к одному из классиков психологии, чья концептуальная модель изучения мотивов оказалась бы наиболее продуктивной для достижения цели нашего исследования. Однако не все

так просто. В психологии сложилась обширная научная традиция по данному вопросу, разобраться в которой представителю социологической отрасли крайне затруднительно. При таких обстоятельствах мы решили, что правильным было бы сосредоточиться на исследовании, выполненном в междисциплинарном пространстве. Указанному требованию соответствует работа Е.П. Ильина «Мотивация и мотивы» (Ильин, 2011). В содержательном плане она построена на структурной операционализации понятия «мотив» и включает в себя все необходимые для нашей работы теории мотивации, как зарубежные, так и отечественные. Мы обратимся к ней только в одном аспекте – описания мотива как абстрактного понятия, т.е. вне привязки его к конкретным видам социального поведения. Более конкретно эта проблема будет нас интересовать в контексте мотивации учебной деятельности.

Мотив – это интегральный когнитивный процесс, возникающий в результате сложного взаимодействия интересов, побуждений к действию и разных компонентов структуры личности, ориентирующий социального актора на достижение индивидуальных или общественно значимых целей. Схематически это определение можно выразить следующим образом: интересы ↔ мотив ↔ свойства личности ↔ побуждение к действию ↔ цель.

Обучение. Легитимное определение этого понятия дано в п. 3 ст. 2 Федерального закона «Об образовании»: это «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни» (Федеральный закон..., 2012).

Предложенную конструкцию можно признать исчерпывающей, так как она содержит в себе все, что следует знать об обучении. Это освобождает нас от необходимости детального ознакомления с образовавшейся научной традицией по данному вопросу. В первую очередь потому, что определение имеет интегральный характер. Оно отражает основные подходы, выработанные в педагогике, психологии и социологии образования (Никифорова, 2020). Также в нем обозначены социально желательные признаки, которым должно отвечать обучение в средней школе. Это: организованный и целевой характер учебной работы; формирование знаний, умений и навыков; практикоориентированность; выработка мотивации постоянного обучения в течение жизни. Поскольку образование в России перестало рассматриваться как услуга, а по факту оно, независимо от взгляда на проблему законодателя, всегда отождествлялось с общественным благом, то перечисленные признаки должны в обязательном порядке проявляться в учебном процессе средней общеобразовательной школы. То есть в совокупности они образуют понятие обучения, а взятые по отдельности – определяют целевые ориентации учебного процесса. Что особенно важно, указанные свойства обучения выступают в роли эмпирических индикаторов, с помощью которых можно связать мотивы и обучение в единый понятийный комплекс, более полно раскрывающий структуру предмета исследования. Иными словами, нам теперь понятно, на какие цели должны ориентироваться мотивы обучения, взятые в единстве индивидуального и общественного в учебной деятельности. А если зайти чуть дальше вперед, то можно уже сейчас предположить, по каким позициям следует оценивать онлайн-обучение, чтобы выяснить, обладает ли оно достаточными ресурсами и возможностями для достижения целей образования в средней школе за счет активации необходимых для этого мотивов обучения.

Мотивы обучения. Анализ категорий «мотив» и «обучение» стал шагом к тому, чтобы выстроить между ними предметную связь. Было установлено, что *мотив* пред-

ставляет собой сложный когнитивный процесс, возникающий в границах между интересами и побуждением к действию, а *обучение* – это вид социальной деятельности, требующий от актора трудоемких и систематических усилий, касающихся собственного интеллектуального развития. Обучение реализуется в ходе *учебной деятельности*. При работе с данным понятием мы будем опираться на определение, данное И.А. Зимней: «Учебная деятельность, представляющая собой основную форму включения в общественное бытие людей в возрасте от 6–7 до 22–23 лет, характеризуется спецификой предметного содержания и внешней структуры, в которых особое место занимает учебная задача и учебные действия по ее решению» (Зимняя, 2014, 14).

С точки зрения формальных признаков мотивы обучения не отличаются от мотивов как понятия. В данном случае имеет место привязка мотивов не к деятельности в абстрактном смысле, а именно к учебной деятельности. Следовательно, все рассуждения о мотивах можно легко приложить к задачам, которые связаны с достижением целей, поставленных перед социальным институтом образования.

Таким образом, если представить мотив как энергетический ресурс, способствующий достижению целевых ориентаций личности, то мотивы обучения можно рассматривать как устойчивую готовность к учебной деятельности и реализацию на практике этой готовности, невзирая на имеющиеся затруднения и препятствия. Мотив к обучению возникает у индивида, когда в его сознании протекают психические процессы, побуждающие к сложной и не всегда желанной, но требующей усилий и регулярного преодоления препятствий учебной деятельности. Если мотив становится устойчивым, то можно говорить о мотивации к обучению как системном, организованном и долговременном процессе.

Мотивы обучения старшекласников. Сразу определимся с возрастными границами. Мы будем изучать социальную группу школьников 16–18 лет, обучающихся в 10–11-х классах средней общеобразовательной школы. Это важно не только в теоретическом аспекте, но и в прикладном, чтобы соблюдать корректность отбора респондентов для эмпирического исследования.

Как было ранее указано, мотив – это когнитивный процесс, обеспечивающий готовность к систематической учебной деятельности. Однако отмеченная готовность является результатом сложного комплекса процессов, протекающих в сознании. Это в первую очередь интересы, побуждения к действию (внутренние и внешние) и, что особенно важно на данном этапе анализа, социальные свойства личности, выступающие своего рода фильтром, благодаря которому мотивы приобретают индивидуальный характер, присущий отдельно каждому старшекласнику. Однако именно эти социальные свойства позволяют видеть в них нечто общее, что в целом связано с отличительными чертами выделенной социальной группы.

Далее нам нужно описать возрастные особенности старшекласников и связать их с интересами в учебной деятельности, которые актуальны для этой возрастной группы.

В нашем распоряжении имеется общая схема, посредством которой давалась характеристика понятию «мотив». Вернемся к ней. Она включает в себя «интересы ↔ мотив ↔ свойства личности ↔ побуждение к действию ↔ цель». Ее можно использовать для оценки мотивов любой социальной деятельности и в каждой социальной группе. К мотивам обучения старшекласников она тоже применима.

Интересы старшекласников в образовательной деятельности: стремление к независимости от родителей и учителей; выход за рамки школьной программы в связи с новыми профессиональными потребностями; нацеленность на групповые формы занятий; более высокая значимость общения со сверстниками в сопоставлении с обучением.

Свойства личности: частая смена интересов; подвижность ценностных акцентов; неустойчивая познавательная активность (как у отдельного старшеклассника, так и во всей социальной группе); явный приоритет при распределении учебной нагрузки в пользу профессионально значимых предметов; неразвитое чувство гражданственности и общественного долга; ориентация на потребительские ценности.

Побуждение к действию: страх не поступить в высшее учебное заведение; зависимость от оценок и мнений учителей (родителей); групповое давление со стороны сверстников; устойчивый интерес к отдельным учебным предметам, знания по которым необходимы для поступления в вуз.

Цели обучения: поступление в вуз, общение со сверстниками, удовлетворение познавательной активности, снижение давления со стороны учителей (родителей).

Детализированное наполнение схемы возникновения *мотива* позволяет нам не делать итоговых формулировок относительно мотивов обучения старшеклассников. На данном этапе достаточно высказать гипотезу. Мы полагаем, что мотивы обучения старшеклассников имеют неустойчивый характер. Старшеклассники не в полной мере осознают, для чего необходимо обучение. Многие из них резко дифференцируют свой выбор, уделяя пристальное внимание одним дисциплинам и совершенно игнорируя другие. При этом высока вероятность смены познавательных интересов и переориентации от одних дисциплин к другим. Это потенциально может создать проблемы при поступлении в вуз. Кроме того, столь ранняя дифференциация способна негативно сказаться на эрудиции и интеллектуальном развитии. Для старшеклассников значимо мнение их сверстников, и если группа не признает обучение ценностью, то индивид попадает под ее влияние. У отдельных старшеклассников возрастает значение внутренней мотивации, но она ориентирует на обучение и самообразование по ограниченному количеству предметов.

Мотивация старшеклассников в условиях онлайн-обучения. Представленная матрица признаков, влияющих на мотивы обучения старшеклассников, а также гипотеза о самих мотивах обучения старшеклассников позволяют нам выйти на концептуальную достройку предмета исследования, под которым понимается исследование мотивации к учебной деятельности школьников старших классов в условиях онлайн-обучения.

Собственно, всю аналитическую работу мы уже сделали, так как последовательно провели операционализацию базовых понятий. Однако если двигаться дальше, то движение может быть исключительно гипотетическим. Поэтому ограничимся представлением общей гипотезы, конструкция которой будет производной от решаемой социальной задачи и авторского категориального аппарата. Мы предполагаем, что онлайн-обучение не в состоянии поднять мотивацию старшеклассников на уровень, необходимый для достижения целей образования, обеспечения высокой интенсивности и должного качества учебной деятельности. Предположение основано на ресурсных возможностях онлайн-обучения как формы образования и особенностях социального возраста старшеклассников, о которых говорилось выше по тексту.

Заключение

Авторский категориальный аппарат складывается из таких терминов, как «онлайн-обучение», «мотивы обучения», «мотивы обучения старшеклассников», «мотивация старшеклассников в условиях онлайн-обучения».

Авторское понимание первого термина производно от деления трех форм образования на дистанционное, аудиторно-контактное и онлайн. В основание представленной типологии положен порядок взаимодействия учителя и ученика. Он-

лайн-обучение рассматривается как новая форма образования, в основе которой лежит взаимодействие учителя и ученика в реальном времени, на расстоянии друг от друга и с применением средств мгновенной передачи информации. Содержательную ценность данная типология и определение имеют в контексте того, что в практике учебной деятельности онлайн-обучение предполагает применение иных способов мотивирующего воздействия на познавательную активность, чем в электронном обучении. Эти способы производны от активной роли учителя, которая в онлайн-обучении так же важна, как и в аудиторно-контактном образовании.

Мотив определяется как интегральный когнитивный процесс, возникающий в результате сложного взаимодействия интересов, побуждений к действию и индивидуальных компонентов структуры личности. Возникший в форме мотива процесс ориентирует социального актора на достижение личных или общественно значимых целей. Схематически это определение выражается следующим образом: интересы ↔ мотив ↔ свойства личности ↔ побуждение к действию ↔ цель. Как видно из схемы, строго определенной последовательности в возникновении мотива нет. Он может возникнуть от всех перечисленных источников равномерно или от какого-то приоритетно. Упрощенно мотив можно описать как стремление что-то сделать ради намерения чего-то достигнуть.

За основу авторского понимания *обучения* взята его легальная конструкция из закона об образовании. Она включает в себя следующие признаки: организованный и целевой характер учебной работы; формирование знаний, умений и навыков; практикоориентированность; выработка мотивации на постоянное обучение в течение жизни. Эффективность онлайн-обучения окажется бесспорной, если оно обнаружит в себе потенциал, способный обеспечить устойчивость мотивации по перечисленным признакам.

Мотивы обучения – это устойчивая готовность к учебной деятельности и реализация на практике этой готовности, невзирая на имеющиеся затруднения и препятствия. Мотив к обучению возникает у индивида, когда в его сознании протекают психические процессы, побуждающие к сложной и не всегда желанной, но требующей усилий и регулярного преодоления препятствий учебной деятельности. Если мотив становится устойчивым, то можно говорить о мотивации к обучению как системном, организованном и долговременном процессе.

Мотивы обучения старшеклассников формируются в системе двух групп переменных: 1) биологические, психологические и социальные особенности старшеклассников и 2) ресурсные возможности онлайн-обучения по поддержанию высокой мотивации обучения у старшеклассников.

Первый аспект связан с интересами, свойствами личности, побуждениями к действиям, целями обучения. Второй аспект обуславливается особенностями обучения в онлайн-режиме. Это: преобладание внутренней мотивации над внешней, отсутствие формальных групп, умение самоактуализировать мотивы, возможность длительное время обходиться без социальных контактов и т.п.

Литература

- Васьков, М.А. Онлайн-образование в высшей школе России: основные акторы институционализации и социальные последствия / М.А. Васьков, В.В. Ковалев, Н.Х. Гафиатулина // *Гуманитарий Юга России*. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 45–57.
- Зимняя, И.А. Учебная деятельность как специфический вид деятельности / И.А. Зимняя // *Инновационные проекты и программы в образовании*. – 2014. – № 1. – С. 12–20.
- Зимняя, И.А. Учебная мотивация / И.А. Зимняя // *Педагогическая психология*. – 1999. – № 2. – С. 217–225.
- Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2011. – 508 с.

- Калугин, Ю.Е. Взаимоотношение понятий «образование» и «самообразование» / Ю.Е. Калугин // *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*. – 2014. – № 10. – С. 73–77.
- Ковалев, В.В. Онлайн-образование студенческой молодежи в условиях пандемии: рефлексия опыта / В.В. Ковалев, О.В. Сорокин // *Социальное пространство*. – 2021. – Т. 7, № 3. – <https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.1>.
- Ковалев, В.В. Оценка качества онлайн-образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, К.В. Воденко // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института)*. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 6–14.
- Никифорова, А.В. К вопросу о соотношении понятий: образование, обучение, воспитание / А.В. Никифорова // *Заметки ученого*. – 2020. № 8. – С. 234–237.
- Федеральный закон «Об образовании» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // *Российская газета*. – 2012. – 30 дек.

References

- Federal law “On Education” dated December 29, 2012 No. 273-FZ. *Rossiyskaya Gazeta = Russian newspaper*. 2012; December 30. (In Russ.)
- Ilyin E.P. Motivation and motives. St. Petersburg: Piter; 2011. 508 p. (In Russ.)
- Kalugin Yu.E. Interrelation of the concepts of “education” and “self-education”. *Fundamentalnye I prikladnye issledovaniya: problemy I rezultaty = Fundamental and applied research: problems and results*. 2014; 10:73–77. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Sorokin O.V. Online education of student youth in pandemic conditions: reflexion of experience. *Sotsialnoe prostranstvo = Social space*. 2021; 7(3). <https://doi.org/10.15838/sa.2021.3.30.1>. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Vodenko K.V. Assessing the quality of online education (on the materials of focused interviews in student groups). *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta) = Bulletin of South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)*. 2020; 13(3):6–14. (In Russ.)
- Nikiforova A.V. To the question of the correlation of the concepts: education, training, upbringing. *Zametki uchenogo = Notes of the scientist*. 2020; 8:234–237. (In Russ.)
- Vaskov M.A., Kovalev V.V., Gafiatulina N.Kh. Online education in higher education in Russia: main actors of institutionalization and social consequences. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9(3):45–57. (In Russ.)
- Zimnyaya I.A. Learning activity as a specific type of activity. *Innovatsionnye proekty I programmy v obrazovanii = Innovative projects and programs in education*. 2014; 1:12–20. (In Russ.)
- Zimnyaya I.A. Learning motivation. *Pedagogicheskaya psikhologiya = Pedagogical psychology*. 1999; 2:217–225. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 01.04.2024

Дата окончания рецензирования: 18.05.2024

Дата принятия к публикации: 05.06.2024

Информация об авторе

Чилингарова Диана Нораировна – заместитель директора по учебно-воспитательной работе МАОУ школа № 22, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: diana5554777@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Chilingarova Diana Norairovna – Deputy Director for Educational Work, School No. 22, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: diana5554777@rambler.ru

The author declares that there is no conflict of interest

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.4

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.10>

EDN EZWWLI

**Коллективная память об ирано-иракской войне (1980–1988 гг.)
как средство конструирования иранской нации
(на материалах армянской общины Ирана)****Илона Н. Назарьян¹**¹Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: nazarjani@yandex.ru**Аннотация**

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире обращение к переломным историческим событиям является не просто сферой внимания гуманитарного знания, но и неотъемлемой частью политических процессов. С помощью исторической (коллективной) памяти конструируются представления о прошлом в интересах настоящего. Коллективная память может быть использована в разных целях – как для укрепления социально-политической стабильности и национального единства, так и для усиления напряженности в обществе и обострения существующих конфликтов. В связи с этим в исследовании анализируется проблема формирования и функций коллективной памяти, а также то, с помощью каких социальных структур и средств коллективная память транслируется на различные группы населения.

Методы. Методологическая основа исследования базируется на основополагающих принципах объективности и системности. Были применены: структурный метод, метод сравнительного и критического анализа. Также произведен информационно-целевой анализ текстовой информации (периодической печати; интернет-ресурсов «веб-мемориалов»).

Теоретическое обоснование. В настоящее время в научном дискурсе широко обсуждается вопрос коллективной памяти. Начало изучения данной проблематики было заложено в первой половине XX в. Морисом Хальбваксом, который ввел в научный оборот термин «коллективная память» и рассмотрел память с точки зрения ее социальной природы. Коллективная/историческая память конструируется социальными группами и имеет сложную структуру, ее долговечность зависит от устойчивости группы и силы сообщества, которые ее сформировали. Перед исследователями стоят задачи разрешения взаимосвязи коллективной памяти и личных воспоминаний и исследования того, как коллективная память помогает заложить основы национальной идентичности.

Результаты и их обсуждение. В иранском постреволюционном обществе память об ирано-иракской войне выполняет консолидирующую функцию. Данное утверждение сформировано на основе оценки взаимодействия иранских властей с армянской диаспорой. Участие в войне солдат из армянской диаспоры Ирана рассматривается как ключевое событие с точки зрения объединения христиан и мусульман для борьбы против внешнего врага и защиты родины.

Ключевые слова: коллективная память; диаспора; Иран; Морис Хальбвакс; места памяти; индивидуальные воспоминания.

Для цитирования: Назарьян И.Н. (2024). Коллективная память об ирано-иракской войне (1980–1988 гг.) как средство конструирования иранской нации (на материалах армянской общины Ирана). *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 112–120. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.10>.

Благодарность: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 122020100350-2.

**Collective memory of the Iran-Iraq war (1980–1988) as a means of constructing
the Iranian nation (based on materials from the Armenian community of Iran)****Ilona N. Nazaryan¹**¹Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russiae-mail: nazarjani@yandex.ru**Abstract**

Introduction. The relevance of the research is due to the fact that in the modern world, turning to critical historical events is not just a sphere of attention of humanitarian knowledge, but also an integral part of

modern political processes. With the help of collective memory, ideas about the past are constructed in the interests of the present. Collective memory can be used for various purposes – both to strengthen socio-political stability and national unity, and to increase tension in society and exacerbate existing conflicts. In this regard, the study raises the problem of the formation and functions of collective memory, with the help of which social structures and means collective memory is transmitted to various groups of the population.

Methods. The methodological basis of the research is based on the fundamental principles of objectivity and consistency. The following methods were applied: structural method, method of comparative and critical analysis. Information and target analysis of textual information (periodicals; Internet resources of “web memorials”) was also carried out.

Theoretical justification. Currently, the issue of collective memory is widely discussed in scientific discourse. The beginning of the study of this problem was laid in the first half of the XX century by Maurice Halbwachs, who introduced the term “collective memory” into scientific circulation and considered memory from the point of view of its social nature. Collective/historical memory is constructed by social groups and has a complex structure, and the durability of collective memory depends on the stability of the group and the strength of the community that formed it. Researchers are faced with the task of resolving the relationship between collective memory and personal memories; how collective memory helps to lay the foundations of national identity.

Results and its discussion. In the Iranian post-revolutionary society, the memory of the Iran-Iraq War performs a consolidating function. This statement is based on the assessment of the interaction of the Iranian authorities with the Armenian Diaspora. The participation of soldiers from the Armenian Diaspora of Iran in the war is seen as a key event from the point of view of uniting Christians and Muslims to fight against an external enemy and defend the motherland.

Keywords: collective memory; diaspora; Iran; Maurice Halbwachs; places of memory; individual memories.

For citation: Nazaryan I.N. (2024). Collective memory of the Iran-Iraq war (1980–1988) as a means of constructing the Iranian nation (based on materials from the Armenian community of Iran). *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 112–120. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.10>.

Acknowledgment: The publication was prepared as part of the implementation of the State Budget of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, No. gr. project 122020100350-2.

Введение

Устойчивость полиэтнического государства в значительной степени обеспечивается за счет формирования гражданской (общенациональной) идентичности, патриотизма и солидарности по отношению к своему государству. Одним из инструментов конструирования гражданской нации (объединяющей всех граждан государства независимо от этнической или религиозной принадлежности в единое сообщество) можно считать историческую память. Однако восстановление и сохранение исторической памяти может иметь противоположные последствия, особенно в тех группах и сообществах, где травмирующие события не находят своего завершения: здесь культ памяти, скорее, будет оказывать негативное воздействие на настоящее, так как будет являться спусковым крючком для порождения новых конфликтов. Также дискуссии об историческом прошлом (манипуляции исторической памятью) могут укрепить социальные, этнические антагонизмы, которые разделяют группы на «добрых» и «злых», в чем имеется риск увековечить ненависть и внутреннюю вражду. Поэтому государства (особенно там, где идеологическая повестка диктуется непосредственно самими властями) уделяют большое внимание событиям, которые способствовали консолидации населения, стремясь сформировать и укрепить национальную идентичность.

Теоретическое обоснование

Коллективная (историческая, социальная) память относится к числу наиболее популярных («модных») направлений, изучаемых сегодня в различных отраслях российской науки, а также междисциплинарных исследованиях. Тут стоит отметить, что в российской науке понятия исторической, коллективной, социальной, культурной памяти используются как синонимичные. Неудивительно, что концепт исторической/коллективной памяти является весьма дискуссионным: сложно обозначить даже общее определение коллективной памяти.

Основоположником понятия «историческая/коллективная память» является Морис Хальбвакс. Именно он положил начало исследованиям памяти в гуманитарных науках и ввел в научный оборот термин «коллективная память». Главный труд М. Хальбвакса под названием «Социальные рамки памяти» (Хальбвакс, 2007) вышел в свет в 1925 г. Последняя работа, «Коллективная память» (Halbwachs, 1980), была опубликована в 1950 г. уже после смерти ученого. В данных исследованиях Хальбвакс выводит основные критерии коллективной памяти.

Американский социолог Майкл Шадсон в 1995 г. публикует статью «Динамика искажений в коллективной памяти» (Schudson, 1995), в которой утверждает, что всякая память является социальной, поэтому при конструировании подвержена изменениям из-за процессов:

- дистанционирования (снижение эмоциональной интенсивности, в связи с чем происходит потеря детализации событий);
- инструментализации (искажение событий в угоду настоящим культурным и политическим процессам);
- нарративизации (попытка, упрощая повествование, сделать прошлое интересным);
- когнитивизации и конвенционализации (материалы, передающиеся в устной форме, будут иметь большее искажение, чем материалы, записанные и заархивированные).

Исследования Джона Боднара сосредоточены на вопросах войны и памяти сквозь призму событий в Америке XX в., основные труды – «Добродетель и насилие: “Хорошая война” в памяти американцев» (Bodnar, 2010), «Переделывание Америки: общественная память, увековечение памяти и патриотизм в двадцатом веке» (Bodnar, 2020).

Сьюзан Крейн изучает коллективную память, используя фотографии в качестве объектов исследования, анализирует расхождение коллективной памяти и личных воспоминаний. В своей монографии «Ничего не случилось: история» она заостряет внимание на историческом «ничто» и на том, почему одни события становятся достойными запоминания, а другие нет (Crane, 2021).

Пьер Нора разработал концепцию мест памяти – символических объектов, которые несут в себе представление об истории, но их значение с течением этой истории может меняться. Из работ П. Нора стоит выделить статью «Между памятью и историей» (Nora, 1989).

Алейда Ассман в своих научных трудах рассматривает взаимосвязь сохранения исторической памяти и формирования идентичности. Ее ключевая работа, посвященная этой проблематике, – «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» (Ассман, 2014).

Среди отечественных исследователей проблемой коллективной (исторической) памяти занимается ряд исследователей (Горюшина, 2020; Емельянова, 2009; Леонтьева, 2015; Савельева, 1997).

Следует отметить, что коллективная память – это прежде всего социальное явление. Хальбвакс выделяет две модели памяти:

- индивидуальная (автобиографическая);
- социальная (историческая).

Эти две модели взаимодополняют друг друга. Индивидуальная память имеет социальные рамки, посыл тут таков: «помнят люди», но на личные воспоминания оказывают влияние воспоминания чужие. Соответственно, личную память формирует та социальная группа, в которой находится отдельно взятый человек. Хальбвакс уточняет, что индивидуальная память строго ограничена временем и пространством,

мы помним, что сами видели, чувствовали, думали в определенный момент времени, т.е. наша память не смешивается с памятью других, но при этом существуют опорные точки, которые создало общество (Хальбвакс, 2005). Социальная память также имеет свои ограничения, она принадлежит группам, культурам, сообществам и относится к представлениям о прошлом, которые распространены в обществе. Такие следы прошлого могут иметь разный внешний вид. Они могут быть выражены в относительно осязаемой и прочной форме, например в памятниках, архитектурных зданиях и музеях, письменном наследии. Или могут иметь преходящие и нестабильные формы, например обычаи и традиции, праздники, посвященные историческим событиям. Также существуют инструменты передачи коллективной памяти – символы, изобразительное искусство, гимны и т.д.

Получается, что коллективная память как конструкция знаний возникает на индивидуальном уровне и оформляется посредством социального взаимодействия, воспроизводит коллективные представления о прошлом и формирует менталитет поколения вокруг общего понимания и смысла его в нынешних условиях мира. Для понимания коллективной памяти важны две вещи: одна – это история, о которой вспоминают, а другая – период, в который создается память.

Каждый отдельно взятый человек формирует свои воспоминания, опираясь на группу, сообщество, по схеме: семья, нация, поколение. И что он помнит из прошлого, зависит от взаимоотношений, которые он имеет с другими людьми в конкретном обществе. Память личности основывается на точке зрения социальной группы, глазами которой человек воспринимает событие.

Результаты и их обсуждение

Как уже было сказано, коллективная память является важным политическим инструментом в формировании и развитии национального сообщества. На первый план выступает способность коллективной/исторической памяти к индивидуальному и коллективному исцелению после пережитых переломных событий, которые оставили глубокие следы в сознании людей. Память о пережитой исторической травме может стать фундаментом для формирования единства общества и его идентичности. На основе памяти о пережитом формируется преемственность поколений, социальные нормы. Но необходимо вовремя подхватить воспоминания, пока их не затронули процессы искажения.

В Иране данным переломным событием стала ирано-иракская война 1980–1988 гг. («Священная оборона»), которая началась с обострившихся во второй половине XX в. разногласий между Ираном и Ираком на фоне территориальных и религиозных споров. Изнуряющее восьмилетнее противостояние наложило свой отпечаток на современную внутреннюю политику Ирана и стало одним из факторов консолидации иранского общества вокруг идеи сохранения целостности государства. Также исламская власть Ирана выстраивает свою идеологию на основе символов битвы при Кербеле (битва, произошедшая в 680 г. (10 Мухаррама 61-го года Хиджры) между последователями Хусейна ибн Али, внука пророка Мухаммада, и войсками халифа из Омейядов Язида I. Данное событие разделило ислам на шиитов и суннитов и сыграло важную роль в формировании идентичности шиитов-двунадесятников. Мученический образ имама Хусейна сегодня сопоставляется с образом бойцов ирано-иракской войны (Razoux, 2015).

Вплоть до настоящего времени память о трагедии «Священной обороны» является важным звеном во взаимодействии правительства Ирана с населением, в особенности с представителями национальных меньшинств, которые не являются му-

сульманами, и играет значительную роль в укреплении межнациональных взаимоотношений. Несмотря на то, что с момента ее окончания прошло более трех десятилетий, иранское общество разных поколений, социальных и этнических групп все еще испытывает на себе последствия данного события во многих областях общественной жизни.

Стоит сказать, что, по результатам иранских социологических исследований, отношение к «Священной обороне» у населения Ирана принято делить на четыре группы (Rajaei, 1997).

Первая группа: поколение современников войны, которое воспринимает прежде всего свое участие в войне как возможность сыграть историческую роль в защите ценностей революции 1979 г. и сохранении этих ценностей в настоящее время (причем свойственно это как военным, так и тем, кто трудился в тылу).

Вторая группа: к ней также относят современников «Священной обороны», которые имеют ностальгическое отношение к военному периоду. От первой группы ее отличает то, что, по их мнению, нынешние поколения не сохраняют те идеалы, за которые боролись мученики (принявшие смерть на войне, сражаясь во имя Аллаха). Данная группа характеризует военное время как светлый период взаимопомощи, высоких целей и надежд.

Третья группа: представители послевоенного поколения, воспринимающие войну как естественный процесс. Они признают, что война способствовала укреплению революционных идей, консолидации общества и позволила сохранить независимость Исламской Республики Иран. По их мнению, война не закончилась и продолжается в новой форме сопротивления западному воздействию на республику.

Четвертая группа: также представители послевоенного поколения, которые, однако, видят в последствиях войны негатив. По их мнению, война уничтожила множество возможностей для развития республики как в социальноэкономическом, так и в политическом плане.

В целом иранские исследования заостряют внимание на поколенческих группах, не разделяя их на этнические, а также пытаются дать ответы на большую часть социальных вопросов, с которыми сегодня сталкивается Иран. Этим также можно объяснить и то, что память об ирано-иракской войне является важным звеном в укреплении культурного смыслообразующего аппарата единой иранской нации, для которой «Священная оборона» не только является отражением прошлого, но и формирует настоящее.

В иранском обществе обнаруживается два подхода к терминологическому обозначению ирано-иракской войны – светский и религиозный. Данные подходы долгое время находились в противостоянии друг с другом в политике, обществе, культуре и средствах массовой информации. В религиозном подходе (он также является ценностно ориентированным и находит поддержку среди властей республики) был принят термин «Священная оборона». Данный термин является популярным и используется в литературе, правительственной переписке и средствах массовой информации, служит официальным названием навязанной Ираком войны с Ираном (Farsnews agency, <https://www.farsnews.ir/>).

Сегодня термины, предложенные светской стороной, – «навязанная война» и «ирано-иракская война» – все еще используются в популярных разговорах и даже в заявлениях и выступлениях иранских властей и средств массовой информации, но термин «Священная оборона» официально используется для обозначения этой войны, чтобы подчеркнуть право Ирана на законную оборону, а также неприкосновенность и духовность войны и ее культурные и гражданские аспекты.

Армянская диаспора на протяжении нескольких веков принимала активное участие в развитии иранского общества. После Революции 1979 г. она является конституционно признанным национальным меньшинством. Поэтому иранское правительство заинтересовано в соблюдении стабильного диалога с этнической группой армян для поддержания взаимного уважения к культуре и традициям, существующего между исламским и христианским населением (Barry, 2018).

И в этом взаимодействии иранских структур власти и армянской диаспоры с конца XX в. по настоящее время консолидирующую функцию выполняет память о мучениках ирано-иракской войны – «Священной обороны».

Мероприятия, направленные на сохранение памяти об ирано-иракской войне, можно разделить на два уровня – государственный и диаспорный.

На государственном уровне представители власти проводят в знаменательные даты встречи с представителями армянского населения, которых непосредственно затронула война. Например, ежегодно в день памяти войны представители региональной власти юга Ирана посещают ветеранов и армянские семьи, потерявшие родственников в «Священной обороне». Значение данных встреч состоит в поддержании стабильного диалога между центральной властью Ирана и армянской диаспорой (Defā moqaddas...). Звучат слова благодарности армянскому населению Ирана за вклад в защиту территориальной целостности страны, акцентируется взаимное уважение к культуре и традициям, существующее между исламским и христианским населением. Подобные положения излагаются в «Неделю Священной обороны», которая проводится в сентябре, в день победы Исламской революции, в Ашуру, а также на большие христианские праздники (Ejra-i marasem mazhab-i...).

Проанализировав видеоматериалы СМИ о встречах с семьями мучеников, мы выделили тезис, который часто излагают представители власти: «Иран принадлежит всем иранцам. Невзирая на религиозную принадлежность мы вели единую борьбу».

В Музее Исламской революции и «Священной обороны» имеется отдельный зал с личными вещами, принадлежащими мученикам из числа христианских меньшинств Ирана, публике демонстрируется военная форма, фотографии, удостоверения и предоставляется статистика о количестве христиан, принимавших участие в ирано-иракской войне (National museum...).

Также центральная и региональные власти Ирана направляют свои усилия на охрану воинских захоронений. На армянском кладбище Тегерана отдельный участок посвящен мученикам «Священной обороны». В середине ноября 2018 г. при сотрудничестве Тегеранской епархии Армянской апостольской церкви и Фонда мучеников и ветеранов на аллее славы был установлен мемориал (Atr-afshani va gul-baran...). Отметим, что около 17 тыс. армян участвовали в ирано-иракской войне, 260 из них стали мучениками (т.е. погибли на фронте) (Golzar.Info).

В «Священной обороне» армяне принимали участие в качестве добровольцев, в составе армейских формирований. На передовой ремонтировали боевую технику, строили дороги, морги и полевые госпитали, а также по призыву епархий Тегерана, Тебриза и Исфахана ассоциации и владельцы предприятий участвовали в сборе денежных пожертвований для фронтов войны (Armenian Tehran prelacy).

На уровне диаспоры память о воинах ирано-иракской войны сохраняется посредством издания брошюр и монографий, в которых описываются биографии и подвиги солдат.

Из наиболее значимых можем выделить две работы. Первая – «Цветок Марии. Анализ роли иранских армян в восьми годах священной обороны», автор Арман Бодагян. В данном труде А. Бодагян подчеркивает, что христиане и мусульмане вместе

и сообща, не лозунгами, а действиями смогут проложить путь к осуществлению воли Божией на земле (Bodagyan, 2006). Монография включает в себя воспоминания ветеранов, членов семей погибших, список армянских военных с их фотографиями, список пропавших без вести солдат. Тем самым она представляет собой ценный сборник, который отражает участие армян в ирано-иракской войне.

Книга «Восьмилетняя навязанная война и армяне Ирана» написана Нураиром Шахназаряном, переведена с армянского на фарси Гарун Саркисян и опубликована Армянским издательским фондом епархии Тегерана (Shahnazaryan, 2014). Примечательным в данных изданиях является то, что обе монографии фокусируются в первых главах на военных взаимоотношениях между армянами и иранскими народами на протяжении нескольких веков.

Заключение

Коллективная/историческая память представляет собой проявление общего прошлого, которое связывает общество, однако трудно утверждать, что память главным образом направлена на раскрытие объективной истины о пережитых событиях. Коллективная память формируется от настоящего к прошлому, стремится осмыслить современность посредством переживания прошлых событий отдельными лицами или социальными группами, тем самым способствуя формированию как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Если вернуться непосредственно к иранской проблематике, коллективная память позволяет сформировать национальную идентичность, оформить убеждения, нормы, ценности нации, помогает этническим группам признать свои общие черты и таким образом делает их гражданами одной страны.

Так, участие армянских солдат в ирано-иракской войне является центральным положением исламской власти во взаимодействии с армянской диаспорой и удовлетворяет целям нынешней внутренней иранской политики, которая включает себя аспект памяти о мучениках. А ирано-иракская война стала событием современной истории Ирана, объединившим христиан и мусульман и цементирующим единую иранскую нацию.

Литература

- Ассман, А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
- Горюшина, Е.М. Непримиимые нарративы «о Другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне / Е.М. Горюшина // *Ideology and Politics Journal*. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 279–302. – <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2020.01.00022>.
- Емельянова, Т.П. Коллективная память с позиций конструкционизма / Т.П. Емельянова // *Междисциплинарные исследования памяти*. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 17–32.
- Леонтьева, О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке / О.Б. Леонтьева // *Диалог со временем*. – 2015. – Вып. 50. – С. 59–96.
- Савельева, И.М. История и время: В поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 796 с.
- Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // *Неприкосновенный запас*. – 2005. – № 2. – С. 8–27.
- Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М.: Новое изд-во, 2007. – 346 с.
- Armenian Tehran prelacy. – URL: <http://www.tehranprelacy.com/farsi/>.
- Atr-afshani va gul-baran mazar shohada adyan touhidi. – URL: <https://www.irna.ir/photo/83664192/> (На перс. яз.).
- Barry, J. Armenian Christians in Iran: Ethnicity, religion, and identity in the Islamic Republic / J. Barry. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 312 p.
- Bodagyan, A. Gol-e Maryam / A. Bodagyan. – Tehran: Nasim Hayat, 2006. (На перс. яз.).

- Halbwachs M.* The collective memory. N.Y: Harper and Row; 1980. 264 p.
- Leontieva O.B.* "Memorial turn" in the contemporary Russian historical studies. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*. 2015; 50:59–96. (In Russ.)
- National museum of the Islamic Revolution and Holy Defense. Available at: <https://en.iranrhdm.ir/>. (In Farsi)
- Nora P.* Between memory and history: les lieux de mémoire. *Representations*. 1989; 26:7–24.
- Rajaei F.* Iranian Perspectives on the Iran-Iraq War. Gainesville: University Press of Florida; 1997. 168 p.
- Razoux P.* The Iran-Iraq War. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2015. 640 p.
- Saveleva I.M., Poletaev A.V.* History and time. In search of the lost. Moscow: *Yazyki russkoy kultury = Languages of Russian culture*, 1997. 796 p. (In Russ.)
- Schudson M.* Dynamics of distortion in collective memory. In: *Memory distortion: How minds, brains, and societies reconstruct the past*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1995. P. 346–364.
- Shahnazaryan N.* Jang tahmili hasht sal-e va aramane Iran. Tehran; 2014. (In Farsi)

Дата получения рукописи: 25.03.2024

Дата окончания рецензирования: 29.04.2024

Дата принятия к публикации: 15.05.2024

Информация об авторе

Назарьян Илона Никитична – инженер-исследователь, Южный научный центр Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону, e-mail: nazarjani@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Nazaryan Ilona Nikitichna – research engineer, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, e-mail: nazarjani@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 316.75

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.11>

EDN EOZAGK

**Влияние цивилизационного своеобразия российской ментальности
на характер правовой культуры и правопонимания****Олег А. Стойко¹**¹Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россияe-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru**Аннотация**

Введение. Под влиянием современной внешнеполитической ситуации актуализировалась проблематика социальных наук, ориентированная на исследование российской цивилизационной идентичности и связанной с ней специфики общества и культуры. В частности, это относится к проблеме выявления и исследования влияния цивилизационных предпосылок на формирование устойчивых характеристик правосознания россиян. Статья посвящена анализу этой проблемы.

Методы. Теоретико-методологическим основанием статьи является концепция габитусов П. Бурдьё, позволяющая исследовать дорефлексивные неосознаваемые схемы социального поведения; теории ментальности, и в частности правовой ментальности; методология цивилизационного анализа, дающая возможность выявить черты общности и различия российской и европейской цивилизаций.

Результаты и их обсуждение. В статье показано, что влияние цивилизационной дистанционности России и Запада на правовую культуру россиян происходит через действие исторически сформировавшихся социокультурных характеристик, в частности специфики восприятия государства как сакрализованной инстанции. Осуществлен цивилизационный анализ общности и различия правовой культуры в российском и западном социумах. На этом основании предложена операционализация ключевых теоретических понятий для разработки программы эмпирического социологического исследования состояния правовой культуры населения Юга России.

Ключевые слова: цивилизация; ментальность; правовая культура; правосознание; государство; дорефлексивные структуры; цивилизационный анализ; социокультурная модернизация.

Для цитирования: Стойко О.А. (2024). Влияние цивилизационного своеобразия российской ментальности на характер правовой культуры и правопонимания. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 122–132. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.11>.

**The influence of the civilizational uniqueness of the Russian mentality
on the nature of legal culture and legal understanding****Oleg A. Stoyko¹,**¹Adygea State University, Maykop, Russiae-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru**Abstract**

Introduction. Under the influence of the current foreign policy situation, the problems of social sciences have become updated, focused on the study of Russian civilizational identity and the associated specifics of society and culture. In particular, this relates to the problem of identifying and studying the influence of civilizational prerequisites on the formation of stable characteristics of the legal consciousness of Russians. The article is devoted to the analysis of this problem.

Methods. Theoretical and methodological articles are the concepts of habitus by P. Bourdieu, who is able to consider pre-reflective unconscious patterns of economic behavior; concepts of mentality and, in particular, the rights of mentality; methodology of civilizational analysis, which makes it possible to identify commonalities and differences between Russian and government civilizations.

The results and their discussion. The article shows that the influence of civilizational distance between Russia and the West on the legal culture of Russians occurs through the action of historically formed sociocultural characteristics, in particular, the specifics of the perception of the state as a sacralized authority. A civilizational analysis of the commonality and differences of legal culture in Russian and Western societies was carried out.

On this basis, an operationalization of key theoretical concepts is proposed to develop a program for empirical sociological research on the state of the legal culture of the population of the South of Russia.

Keywords: civilization; mentality; legal culture; legal consciousness; state; pre-reflective structures; civilizational analysis; sociocultural modernization.

For citation: Stoyko O.A. (2024). The influence of the civilizational uniqueness of the Russian mentality on the nature of legal culture and legal understanding. *Caucasian Scientific Bridge*, 7 (1), p. 122–132. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.11>.

Введение

В настоящее время в социальных науках актуализировались исследования цивилизационной идентичности России и связанной с ней специфики российского социума и его культуры. В частности, это касается задачи выявления цивилизационных предпосылок формирования устойчивых характеристик правовой культуры российского общества. Благодаря своему непосредственному влиянию на формирование социокультурной ментальности базовые цивилизационные факторы опосредованно – через ментальность – влияют на социальные практики в целом и на практики правоохранительных и правоприменительных институтов в частности. Многолетнее доминирование формационного подхода в социальных науках привело к закреплению по умолчанию в теоретических представлениях уверенности в том, что институциональное строение общества является самодостаточным, а социокультурные характеристики вторичны. Именно поэтому оказались возможными вестернизирующие стратегии модернизации, предлагавшие копирование институтов, сформировавшихся в рамках западного модерна, как самодостаточный сценарий эффективной модернизации незападных обществ. В том числе предполагалось, что системная трансформация правовых институтов (она началась в конце 90-х гг. XX в.) сама по себе приведет к формированию у населения и общества в целом правовой культуры современного типа с высокой ценностью права и обеспечит эффективное функционирование институтов в правовой сфере. Однако этот процесс длится долгое время, не приводя к искомому результату, что заставляет в поиске причин такого положения обратиться к исследованию стоящих за ним цивилизационных и социокультурных факторов.

Методы. В ряде современных социологических концепций господствует представление о генезисе институтов на основе закрепившихся спонтанных траекторий социальных практик, и тем самым институты предстают как генетически несамодостаточные структуры, лишь оформляющие такие практики. Так, например, у П. Бурдьё в основании социальных практик лежат не только институты как структуры, но и «укорененные структуры», или габитусы, опривыченные устойчивые паттерны и траектории (Бурдьё, 2001). «Укорененные структуры» Бурдьё, образующие габитус, являются по своей природе дорефлексивными, т.е. неосознаваемыми. Участвуя в конфигурировании социальных практик, они выступают как некие константы, на бессознательном уровне определяющие их характер. Мы полагаем, что такие структуры, выходя за рамки теории Бурдьё, можно с определенным основанием идентифицировать с ментальностью. Именно через ментальность транслируется и воспроизводится влияние на общество и индивидов тех факторов, которые связаны с цивилизационными корнями различных культур.

В данном исследовании мы воспользуемся концепцией ментальности для того, чтобы очертить сферу непосредственного воздействия цивилизационных факторов. Мы будем рассматривать ментальность как некое культурно-средовое образование, испытывающее влияние макросоциальных и макроисторических процессов, в рамках которых действуют факторы цивилизационного масштаба, и транслирующее это

влияние на социальное поведение. Это связано с непосредственной целью статьи – выяснением того, как именно цивилизационные особенности, присущие российскому обществу, оказывают влияние на правовую культуру и профессиональные практики работников правоохранительных и правоприменительных институтов и на поведенческие практики рядовых граждан.

Результаты и их обсуждение

Как отмечают исследователи, правовая культура как понятие имеет своим референтом связанный с правом аспект общечеловеческой культуры. Уровень и специфика правовой культуры отдельных рядовых акторов, как правило, в целом соответствуют уровню правовой культуры функционирования правовых институтов и их работников, а также уровню правовой культуры, демонстрируемому государством как макроактором социальных взаимодействий. При этом авторы отмечают, что правовая культура должна рассматриваться как духовно-ментальная основа правовой системы социума (Бялт, 2018). Таким образом, правовая культура целостна и воспроизводится обществом в процессе социокультурной трансляции именно в своей целостности, неся на себе отпечаток ментально-духовных особенностей, характерных для конкретного общества.

В современном российском обществе структура правовых институтов соответствует на формальном уровне универсальным критериям развитого правового общества. Российская правоведческая мысль традиционно рассматривала российское право как исторически и типологически относящееся к романо-германской правовой семье, и это предполагает общность с ней критериев и принципов правопонимания. Таким образом, своими корнями присущий российской культуре тип правопонимания восходит к европейской цивилизации. Это общее правопонимание базируется на представлении о ценности прав личности и гражданских свобод, позволяющих реализовать эти права; на значимости конституции и законодательства как источника права; на принципиальной значимости правового государства; на принципе разделения властей как фундаментальном для организации общества и обеспечивающем реальную независимость судебной власти от других ветвей. Эти общие принципы не только являются принадлежностью европейской правовой культуры, но универсальны и определяют рациональный характер современной правовой культуры как таковой, в рамках которой право понимается как базовый эффективный регулятор социальных взаимодействий, обеспечивающий рациональность функционирования институтов и регламентирующий поведение акторов в повседневных ситуациях.

Следует отметить, что важной характеристикой правовой культуры является ее непосредственная связь с поведением акторов, поскольку именно в лоне культуры, на основе ее ценностей и норм формируются поведенческие мотивации, в дальнейшем находящие практическое выражение в поведенческих практиках (Руф, 2022). Таким образом, правовая культура является проводником влияния принципов правопонимания на непосредственную фактуру поведенческих практик в ситуациях, связанных с правом, с одной стороны, мотивируя их, а с другой – регламентируя их изнутри, из сформированного правовой социализацией культурного мира индивида (Абдилов, 2020).

Будучи частью культуры общества, правовая культура испытывает на себе влияние общественной ментальности и менталитета, выражая и транслируя исторически сформировавшиеся и обусловленные на культурно-цивилизационном уровне черты. Говоря о том, как и из чего складывается своеобразие локальных цивилизаций, Р.П. Трофимова подчеркивает, что российская и европейская локальные цивили-

зации сформировали два различающихся типа ментальности, кристаллизовавшихся в двух типах личности. Для Европы характерна личность «аристотелевского» типа, с доминирующим рациональным началом и главенствующими идеями свободы, законопослушного поведения, естественных прав человека, тогда как для России – сократо-платоновский тип, ориентированный, скорее, на поиск справедливости и правды (Трофимова, 2011).

Таким образом, наряду с указанной выше общностью правопонимания в рамках романо-германской семьи права имеет место существенное различие между западной и российской модификациями европейской цивилизации в плане общественной ментальности.

Ментальность, согласно О.Н. Стрельник, включает в себя существующие на неосознаваемом уровне базовые поведенческие паттерны и установки, стереотипы, коллективные представления (Стрельник, 2016). При этом между исследователями существуют разногласия в понимании ментальности как феномена. По мнению Р.А. Лубского, в современном социально-гуманитарном знании наличествует три подхода к пониманию менталитета и ментальности. При первом подходе ментальность понимается как совокупность осознанных коллективных представлений, которые в своей основе имеют в том числе символические структуры и сакральные ценности. Второй подход интерпретирует ее как главным образом неосознаваемые архетипические компоненты культуры. Согласно третьему подходу в ментальности видят единство неосознаваемых глубинных и более поверхностных, выходящих в сферу осознанности компонентов (Лубский, 1999). Нам представляется, что именно третий подход обладает наибольшим потенциалом, так как позволяет связать укорененные в бессознательном установки и стереотипы поведения с их проявлениями на осознаваемом уровне.

Правовая ментальность как более частная сфера коллективной ментальности представляет собой, согласно формулировке А.В. Муруновой, системообразующий фактор, воспроизводящий определенный национальный тип правового мышления, развития правовых традиций (Мурунова, 2016). Являясь дериватом и компонентом ментальности общества в целом, правовая ментальность осуществляет преломление базовых неосознаваемых черт мировосприятия, присущих населению на массовом уровне, сквозь призму ситуаций и взаимодействий, регламентируемых правом. Такие черты определяются более фундаментальными общими особенностями мировосприятия, характерными для той или иной цивилизации.

Поскольку ментальность в таком понимании содержит в себе и осознаваемый, и дорефлексивный (неосознаваемый) пласты, она может в своих содержаниях расходиться с рационально осознанными версиями правопонимания, являющимися общими для российской и западноевропейской культур.

Россия как цивилизационное образование дистанцирована по ряду критериев от цивилизации Запада, хотя имеет то же ядро культурной традиции – сакральные ценности христианства. Дистанцированность, о которой идет речь, объясняется не только географической удаленностью, но и тем, что российская цивилизационная идентичность обладает латентным сакральным измерением, которое составляет православная религиозность и ассоциируемые с ней ценности (Панарин, 2002). Таким образом, наличествует не только общность духовных корней, но и существенные догматические и культурные отличия от западных ветвей христианства. При этом, как утверждает А.С. Панарин, российской цивилизационной идентичности присуща некоторая дуалистичность: в ней есть и осознаваемая (связанная с социальной повседневностью) сторона, и упомянутый выше латентный неосознаваемый сакраль-

ный компонент (Панарин, 2002). Православная религиозная традиция с ее унаследованными от византийской культуры паттернами способствовала долгосрочному формированию неосознаваемого отношения к государству прежде всего как к сакральной инстанции, роль и сущность которой несводимы к повседневному функционалу государства.

При этом, как отмечает А.В. Лубский, особенность российской цивилизации определяется тем, что государственность является в ней доминантной формой интеграции общества, выступая субъектом установления ценностно-нормативного порядка. Характеризуя культурно-цивилизационную значимость государственности для россиян, А.В. Лубский пишет: «Российской цивилизации присущи мобилизационно-модернизационный алгоритм социального развития и особый культурный код как совокупность коллективно-бессознательных образов, ценностей и установок. Базовыми структурами этого кода являются этатизм и державность, социоцентризм и патернализм, выступающие культурными маркерами цивилизационной идентичности в России» (Лубский, 2015, 41).

Естественно, что такие культурные маркеры, отличающие российскую цивилизационную идентичность и имеющие корни в неосознаваемых пластах коллективной ментальности, присутствуют и находят выражение и на более локальных уровнях, в том числе в правовой ментальности, оказывающей прямое влияние на отношение к праву. В рамках европейской цивилизации высокий уровень правовой культуры идентифицировался обществом как соответствующий такому состоянию коллективной ментальности, для которого и единичная личность, и крупнейшие макроакторы – государство и его институты – ощущаются и рефлексированы как равные игроки правового поля, важнейшим правилом игры для которых является равенство их перед законом, несмотря на все различие масштабов их практик.

Для такого типа правопонимания ценность права является доминирующей – и именно потому, что правовые институты выступают как эффективный и работающий на основе рациональности механизм защиты индивидуальных прав. Эта эффективность находит постоянное подтверждение в профессиональных практиках функционеров правовых институтов, в равной степени уважающих и защищающих права и интересы как индивидуальных, так и самых масштабных макроакторов, понимая, что интересы государства и граждан совпадают в том, чтобы поддерживать сложившийся правопорядок и в целом установленный социальный порядок.

Цивилизационная специфика российского общества, связанная, как показали А.С. Панарин и А.В. Лубский, с действующей на неосознаваемом уровне коллективной ментальности сакрализацией государства, способствует формированию иной установки. Она состоит в бессознательном принятии фундаментального, непреодолимого различия между государством и его целями, с одной стороны, и индивидуальным бытием человека в обществе, его повседневными практиками – с другой. Такая неосознаваемая установка, как нам представляется, является фактором, влияющим на правовую ментальность и состояние правовой культуры, создавая внутреннее оправдание дефицита реальной независимости суда, неравенства государства и личности в правовых ситуациях, а следовательно, наличия на уровне коллективных представлений скрытых ограничений прав личности при декларативной готовности их обеспечивать и поддерживать. Кроме того, данная установка является мировоззренческой базой определенной дисфункциональности правоохранительных и правоприменительных институтов, так как может неосознанно мотивировать работников выходить за рамки санкционированных законом методов работы с индивидами, оправдывая это служением государству как сверхценности.

Однако эта особенность правопонимания трудно коррелирует с универсальными образцами рациональной правовой культуры, характерной для современных развитых обществ. Для окончательного утверждения в российском социуме правовой культуры рационального типа необходимо, как подчеркивает Н.Е. Тихонова, завершение социокультурной модернизации, «формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что, в совокупности, и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» (Тихонова, 2012, 64). Однако, хотя эти строки писались десять лет назад, даже и в настоящее время социокультурная модернизация в России не завершена, что обусловлено действием целого ряда цивилизационно-ценностных и внешнеполитических ограничителей.

О *цивилизационно-ценностных ограничителях* необходимо сказать следующее. Архетипический пласт коллективной ментальности россиян, сложившийся в значительной мере под влиянием православного византизма, включает в себя устойчивый комплекс представлений о сверхзначимости и сверхценности государства, воплощении в нем идеи всеобщего блага и надысторической справедливости. На базе этого комплекса представлений сформировано доверие к государству и готовность жертвовать для него при необходимости индивидуальными желаниями и потребностями, правами личности и собственной жизнью. Однако это доверие отличается от того, которое характерно для развитого гражданского общества. Если последнее обусловлено правовым характером государства, гарантированным отсутствием произвола, состоявшимся разделением ветвей власти, независимостью и эффективностью суда, ориентированностью функционирования правоохранительных институтов на защиту и соблюдение гражданских прав, прав личности, конституционного порядка, то доверие россиян, основывающееся на архетипических установках культурной ментальности, является априорным и не допускает критического анализа реальных характеристик государства как макроактора «здесь и сейчас». В особенности это касается трудных ситуаций, когда именно государство предстает основой социальной интеграции, вокруг которой необходимо сплотиться для преодоления трудностей.

При этом в данной парадигме коллективного восприятия государство практически не ассоциируется с правом. Оно стоит несоизмеримо выше в иерархии общественных ценностей, а с функциональной точки зрения рассматривается как способное в своих кратических практиках и вовсе легитимно в рамках традиционной культуры оперировать вне правового поля, если усмотрит в этом необходимость.

Рационально ориентированное правопонимание существует в этой культурно-ментальной атмосфере как нечто востребованное в социальных практиках, но в границах, определяемых уровнем индивидуальных или групповых взаимодействий. На этом уровне к акторам предъявляются требования и критерии правовой культуры рационального типа, взаимодействия четко регламентируются правом, судебные практики осуществляются в условиях относительной независимости и реальной ответственности процесса.

Кроме того, для такого понимания роли государства в российской истории всегда существовали и продолжают существовать в качестве основания объективные *геополитические ограничители*, тоже в своих истоках связанные с цивилизационной дистанцией между Россией и Западом. Западная цивилизация, несмотря на значительное число внутриевропейских военных и политических конфликтов в прошлом, всегда характеризовалась единством культурной ментальности, мироощущения, базовых коллективных представлений. Россия воспринималась Западом как потен-

циальный соперник. Наличие сильного недружественного окружения всегда было фактором, определявшим необходимость социальной мобилизации как базовой стратегии государства и общества, а также особую интегрирующую роль государства, о которой говорилось выше.

Эти геополитические обстоятельства, накладываясь на культурно-цивилизационные характеристики, также способствовали закреплению в ментальности россиян представления об особой роли государства, его позиционированию в обществе и культуре в качестве эксклюзивного макроактора, практически доминирующего над правом.

Модернизационные шаги всегда были направлены на сближение с Западом, преодоление цивилизационного лага между ним и Россией – просто уже в силу того, что в промышленном и технологическом отношении западная цивилизация развивалась с опережением и с Западом необходимо было выдерживать конкуренцию. В этом контексте происходили и многочисленные попытки заимствования институциональных форм, которые ассоциировались с западным модерном и рассматривались как универсально-прогрессивные. Реформы институтов, в том числе судебной системы, внедрение в российскую судебную практику принципа состязательности сторон, принятие первой российской конституции, ограничивавшей произвол государственной власти, – все это представляло собой заимствования образцов, сложившихся в рамках западной цивилизации. Усилия по укреплению правовой культуры рационального типа, таким образом, с самого начала были частью комплекса модернизационных реформ, но периодически сталкивались с сопротивлением со стороны традиционалистски ориентированного общества. Усложнение геополитической ситуации, внешнеполитические и внутренние конфликты всегда в истории России выступали фактором ограничения модернизационных преобразований ради укрепления государственности и более интенсивной социальной мобилизации. Возврат традиции ограниченного социального порядка (исторической колеи) проявляется в закреплении репрессивного характера права на уровне юридических институтов, что отражается в укреплении дорефлективного компонента правопонимания с его сакрализацией государства, дефицитом ценности права и резким сужением рационального правопонимания – ценности гражданских прав и свобод, возможности контроля государства со стороны общества.

Перспектива эмпирического исследования. Очередная в истории России масштабная модернизация основных социальных институтов началась в 90-х гг. XX в. Заимствование в период модернизации институтов и ценностно-нормативного комплекса, сформированных в рамках западной цивилизации, и связанная с этим перераспределение социальных практик на принципы правовой культуры рационального типа способствуют утверждению и продвижению этих принципов в общественном сознании, его трансформации в сторону укоренения рациональности в социальных представлениях. Эти процессы становятся основой для формирования правовой культуры рационального типа, аналогичной сложившейся в развитых обществах Запада и соответствующей изначальной цивилизационной общности России и Европы, базой которой являются сакральные ценности христианской религиозной традиции (единой до схизмы). Вместе с тем рост числа геополитических угроз, укрепление в ответ на них российской цивилизационной идентичности, политическое дистанцирование России от западноевропейской цивилизации, которые развиваются в XXI в., выступают факторами, способствующими торможению модернизационных реформ, воспроизводству традиционной ментальной матрицы и тем самым свертыванию рационального правопонимания.

Определенный возврат к традиционному порядку ограниченного доступа, который сопряжен с усилением репрессивности правового регулирования, актуализи-

рует неосознаваемые иррациональные установки, связанные с этакратическими элементами цивилизационной специфики России, сакрализацией государства, а также обусловленные социокультурными травмами фобий в содержании глубинного слоя коллективной ментальности, вытесняет право на периферию ценностей в общественном сознании, создает ограничения для процесса развития и утверждения рациональной правовой культуры, которая предполагает равенство акторов всех уровней в правовом поле, равную ценность и социальную значимость позиций личности и государства.

Этот тезис является гипотезой эмпирического социологического исследования состояния современной правовой культуры российского общества. Бесспорно, что проявление этого «эффекта колеи» в правовой культуре будет различно в разных регионах России. Значительные трудности в разработке программы исследования возникают при переводе понятий цивилизационной теории на язык инструментария социологического опроса. В ходе теоретического анализа правовой культуры осуществлена операционализация базовых понятий.

Российские цивилизационные ценности представляют собой дорефлексивный уровень ценностного сознания, на котором основывается правопонимание. Его ведущими ценностями являются этатизм, державность, социоцентризм, патернализм.

Этатизм – представление о том, что государство должно определять жизнь общества, контролировать все сферы его функционирования – экономику, политику, культуру, социальную поддержку

Державность – представление о роли страны в качестве великой и объединенной общей идеей и волей, определяющей смысл существования народа

Социоцентризм – представление о приоритете интересов общества (государства) по отношению к интересам личности.

Патернализм – представление о том, что государство (власть) обеспечивает удовлетворение базовых потребностей граждан, а граждане признают модели поведения, которые вменяются государством.

На дорефлексивном уровне эти ценности реализуются в образе сильного государства, суверенного на международном уровне (которое проводит независимую политику, направленную на утверждение равноправия всех государств, независимо от уровня их экономического развития), обеспечивающего удовлетворение базисных потребностей граждан; граждане которого едины в представлениях о приоритете общественных ценностей над индивидуальными и духовных ценностей над материальными.

На рациональном уровне эти ценности и установки дешифрованы в доктрине государственной поддержки традиционных и духовно-нравственных ценностей России, которые включают «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России» (Указ Президента РФ..., 2022).

Тем самым в правопонимании сочетаются персоноцентричные (достоинство, права и свободы человека, крепкая семья, созидательный труд) и социоцентричные ценности (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России).

Правопонимание включает:

- аксиологическое отношение к праву (его ценностная безусловность и мотив деятельности) и отношение к праву как к регулирующей норме, определяющей санкции за нарушение правопорядка, степень совпадения права и справедливости;
- роль государства в организации правопорядка: отношения государства и личности, государства и общества; представление о правовом государстве; статус государства в иерархии источников права (обычай, закон, традиция);
- правовые институты, которые ответственны за поддержание правового порядка: МВД, суд, прокуратура, адвокатура; в правовопонимании проявляется отношение к этим институтам по оси «доверия – недоверия» с точки зрения защиты личности; представления о независимости суда от органов государственной власти; иерархия суда, прокуратуры, адвокатуры в судебном процессе; роль МВД в обеспечении правопорядка и защиты личности.

Измерение дорефлексивных и рефлексивных ценностей, а также ценностей и установок правовопонимания предполагает построение шкальных значений по оси «социоцентризм – персоноцентризм». Первая позиция соответствует цивилизационным российским ценностям, в составе которых доминирует государство как источник права; вторая – ценностям правовой культуры, где государство выступает одним из акторов правовых отношений. Предполагается, что эмпирические замеры правовой культуры в городском населении Юга России выявят распространенность коллективных представлений дорефлексивного уровня, которые по степени поддержки будут совпадать с рациональными ценностями социоцентричного профиля и оттеснять на периферию коллективных представлений ценности гражданских прав и свобод. На уровне правовопонимания это проявится также в распространении недоверия судам и адвокатуре в сфере защиты гражданских прав и свобод личности, а также в сохранении представлений о роли государства как источника права.

Заключение

Парадигма представленного цивилизационного анализа России показывает ее как относительно самостоятельное цивилизационное образование, географически, культурно-исторически и социокультурно дистанцированное от цивилизации Запада, но имеющее с последней общий генетический исток и единое ядро культурной традиции, каковыми являются сакральные ценности и символизм христианства. Выделенные парадигмальные рамки позволяют рассматривать влияние цивилизационного своеобразия российского общества на состояние правовой культуры россиян в настоящее время.

Сформированная под влиянием перечисленных долговременно действующих факторов коллективная ментальность, в том числе и правовая, продуцирует как неосознаваемые, так и осознанные установки по отношению к праву, его ценности, значимости и роли в качестве регулятора социальных взаимодействий. И если на уровне осознанности коллективная ментальность является более гибкой и трансформируемой, реагируя на воздействие инокультурных вторжений и заимствований, имеющих место уже на протяжении столетий и интенсифицирующихся в периоды модернизационных витков, когда поток заимствований особенно интенсивен, то на неосознаваемом уровне могут сохраняться глубоко укорененные содержания. Такие содержания фиксируют иррациональные архаичные установки по отношению к праву и правовой культуре рационального типа, обеспечивая тем самым неосознаваемое сопротивление ей со стороны глубинных слоев ментальности. Эти установки высту-

пают составной частью культуры, которая оказывает большое влияние на функционирование и/или формирование институтов. Модернизационные преобразования институциональной системы по моделям, сформировавшимся в западном культурном пространстве, сталкиваются с глубинными препятствиями. Причину этого некоторые исследователи видят в феномене *path dependence* – зависимости от пройденного исторического пути. Автор термина, П. Дэвид, характеризует такую зависимость как повторяющийся сбой выбора, совершаемого акторами на протяжении истории: «Зависимость от предшествующего развития – это такая последовательность экономических изменений, при которой важное влияние на возможный результат могут оказать отдаленные события прошлого, причем скорее случайные события, чем систематические закономерности» (David, 1994).

Концепция П. Дэвида получила развитие в работах экономистов, в первую очередь – у Д. Норта. В отечественной науке это явление исследуется известным экономистом А.А. Аузаном через понятие «эффект колеи» (Аузан, 2015). Большей частью этот эффект рассматривается в рамках функционирования экономических институтов. Зависимость от прошлого социального опыта и пройденного исторического пути способна блокировать социальные процессы экзогенного происхождения, т.е. объективно препятствовать попыткам модернизации, источником которых является заимствование инокультурных (внешних) моделей.

Реформирование в постсоветский период всех правоохранительных институтов России нацелено на формирование рационального правосознания, соответствующего принципам гражданских прав и свобод, заложенных в Конституции РФ (1993). Эмпирическое изучение правовой культуры российского общества способно выявить влияние цивилизационной ментальности на правопонимание, а перевод таких исследований в формат мониторинга – определить вектор такого влияния. Это позволит рассмотреть форму проявления «эффекта колеи» в сфере правовой культуры.

Литература

- Абдилов, К.С. Общая характеристика правовой культуры / К.С. Абдилов // *Инновационная наука*. – 2020. – № 4. – С. 134–136.
- Аузан, А.А. «Эффект колеи». Проблемы зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез / А.А. Аузан // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. – 2015. – № 1. – С. 3–17.
- Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
- Бялт, В.С. Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика / В.С. Бялт, А.В. Демидов // *Ленинградский юридический журнал*. – 2018. – № 1. – С. 19–25.
- Лубский, А.В. Государство-цивилизация и национально-цивилизационная идентичность в России / А.В. Лубский // *Гуманитарий Юга России*. – 2015. – № 2. – С. 30–45.
- Лубский, Р.А. Политический менталитет: методологические проблемы изучения и российские реалии: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р.А. Лубский. – Ростов н/Д, 1999. – 33 с.
- Мурунова, А.В. Правовая ментальность как духовный элемент правовой культуры / А.В. Мурунова // *Юридическая техника*. – 2016. – № 10. – С. 407–409.
- Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С. Панарин. – М.: Эксмо, 2002. – 541 с.
- Руф, В.С. Правосознание и правовая культура как показатели уровня развития общества / В.С. Руф // *Уральский журнал правовых исследований*. – 2022. – № 3. – С. 64–68.
- Стрельник, О.Н. Ментальность как проблема философии и науки / О.Н. Стрельник // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. – 2016. – № 1. – С. 35–43.
- Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы / Н.Е. Тихонова // *Россия реформирующаяся*. – 2012. – № 11. – С. 62–81.
- Трофимова, Р.П. Диалог культур и ментально-цивилизационные различия в современном мире / Р.П. Трофимова // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2011. – № 2. – С. 48–55.
- Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022. № 809. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

David, P. Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions / P. David // *Structural Change and Economic Dynamics*. – 1994. – Vol. 5, № 2. – P. 67–75.

References

- Abdilov K.S. General characteristics of legal culture. *Innovatsionnaya nauka. = Innovative science*. 2020; 4:134–136. (In Russ.)
- Auzan A.A. “The rut effect”. Problems of dependence on the trajectory of previous development – evolution of hypotheses. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics*. 2015; 1:3–17. (In Russ.)
- Bourdieu P. Practical sense. St. Petersburg: Aleteia; 2001. 562 p. (In Russ.)
- Byalt V.S., Demidov A.V. Legal culture of society: theoretical and legal characterization. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2018; 1:19–25. (In Russ.)
- David P. Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions. *Structural Change and Economic Dynamics*. 1994; 5(2):67–75.
- Lubsky A.V. State-civilization and national-civilizational identity in Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2015; 2:30–45. (In Russ.)
- Lubsky R.A. Political mentality: methodological problems of study and Russian realities: Thesis of the PhD Dis. in Philosophy. Rostov-on-Don; 1999. 33 p. (In Russ.)
- Murunova A.V. Legal mentality as a spiritual element of legal culture. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal technology*. 2016; 10:407–409. (In Russ.)
- Panarin A.S. Orthodox civilization in the global world. Moscow: Eksmo; 2002. 541 p. (In Russ.)
- Ruf V.S. Legal awareness and legal culture as indicators of the level of development of society. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy = Ural journal of legal research*. 2022; 3:64–68. (In Russ.)
- Strelnik O.N. Mentality as a problem of philosophy and science. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya = Bulletin of RUDN. Series: Philosophy*. 2016; 1:35–43. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. Sociocultural modernization in Russia: dynamics and prospects. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is Reforming*. 2012; 11:62–81. (In Russ.)
- Trofimova R.P. Dialogue of cultures and mental-civilizational differences in the modern world. *Humanities. Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*. 2011; 2:48–55. (In Russ.)
- Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the fundamentals of state policy on preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” dated 09.11.2022 No. 809. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.04.2024

Дата окончания рецензирования: 18.05.2024

Дата принятия к публикации: 25.05.2024

Информация об авторе

Стойко Олег Анатольевич – аспирант Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, Российская Федерация; e-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Stoyko Oleg Anatolyevich – postgraduate student of Adygea State University, Maykop, Russia; e-mail: stoiko.oleg-stoiko@yandex.ru

The author has no conflict of interests to declare

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

УДК 316.354:351/354

DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>

EDN ZSZEUW

**Концептуализации реформации:
методология менеджериализма versus «головокружение от критики»***Рецензия на книгу: Богатырев, Д.К., Докучаев, И.И. (2023).**Провинциализация империи. Очерки истории образования
в постсоветской России. СПб.: Издательство РХГА.***Осип А. Казанцев¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: okazancev@sfedu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ книги Д.К. Богатырева и И.И. Докучаева «Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России». Рецензент объясняет теоретическую и практическую актуальность рассматриваемой работы, приводит основные характеристики авторской концептуализации реформ в системе российского образования, а также показывает главные предметы критики в анализе исследователей. Вместе с тем, проведя сравнение концепции Д.К. Богатырева и И.И. Докучаева с менеджеристской методологией, автор показывает оторванность центральной для рецензируемой книги идеи «провинциализации империи» от мирового контекста институциональных изменений в самых разных странах, а также ее потенциал для производства конспирологических интерпретаций.

Ключевые слова: реформы российского образования; «провинциализация империи»; менеджериализм; концептуализация российских реформ; управление институтами образования.

Для цитирования: Казанцев О.А. (2024). Концептуализации реформации: методология менеджериализма versus «головокружение от критики». *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), с. 134–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>.

**Conceptualizations of reformation:
the managerialism methodology versus “dizzy with criticism”***Book review: Bogatyrev D.K., Dokuchaev I.I. (2023). The Provincialization of the Empire.**Essays on the education history in post-Soviet Russia. St. Petersburg:
Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy.***Osip A. Kazantsev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russiae-mail: okazancev@sfedu.ru**Abstract**

The is the review of the book “The Provincialization of the Empire. Essays on the education history in post-Soviet Russia” by D.K. Bogatyrev and I.I. Dokuchaev. The author explains theoretical and practical relevance of the considered book, provides the main characteristics of the author’s conceptualization on reforms in the Russian education system, and also illustrates the main subjects of criticism in the analysis of researchers. At the same time, after comparing D.K. Bogatyrev and I.I. Dokuchaev’s concept with the managerialism methodology, the author shows the isolation of “provincialization of empire” as central idea in the reviewed study from the global context of institutional changes in various countries, as well as its potential for the production of the conspiracy interpretations.

Keywords: Russian education reforms; “provincialization of the empire”; managerialism; conceptualization of Russian reforms; educational institutions managing.

For citation: Kazantsev O.A. (2024). Conceptualizations of reformation: the managerialism methodology versus “dizzy with criticism”. *Caucasian Science Bridge*, 7 (1), p. 134–142. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2024.1.12>.

Введение

Критика образовательной политики и институциональных реформ в сфере образования – одна из самых длительных публичных дискуссий в новейшей истории России. Более того, споры о судьбе образовательной системы, от начальной до высшей школы, – самые многосторонние и вместе с тем однонаправленные. Ведь и академические исследователи (Курбатова, 2016), и учительское с родительским сообщества (Родительская конференция..., 2021), и СМИ (Кирия, 2020), и в последнее время некоторые государственные эксперты (Абдуллин, 2021) не просто вовлечены в эту масштабную полемику, но и выносят более-менее схожие оценки образовательным институтам, т.е. негативные, обличающие нынешнее состояние и насыщенные пиететом к советской системе образования.

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, откат образовательных реформ от изначального курса на примерах изъятия из федеральных законов «потребительской» терминологии (т.е. ликвидации понятия «образовательные услуги») (Понятие..., 2022) или официального исхода российского образования из болонской системы (участие в которой давно вызывало серьезные вопросы у исследователей и общественных деятелей) (Байденко, 2015), общее положение дел и глубинное устройство институциональной системы практически не изменились.

И все-таки академический мир со своими исследованиями должен предложить нечто практическое гражданскому миру. Как минимум если не готовое решение для очередного «ремонта» образовательной системы, то некоторые концептуальные средства для полноценного и адекватного понимания настоящего момента.

Со своей стороны и применительно к школьному (точнее – среднему общему) образованию мы предлагали и придерживались менеджеристской методологии (Казанцев, 2023б), т.е. предполагали наличие в общественном секторе специфической комбинации ценностных и интеллектуальных позиций, направляющих трансформацию образования, здравоохранения, муниципального управления и других разновидностей общественного блага к их действительному проблемному состоянию.

В этой работе посмотрим на иную попытку концептуализации образовательных реформ и социальных проблем, с ними связанных, предложенную Д.К. Богатыревым и И.И. Докучаевым в книге «Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России». И далее попробуем выявить в этой альтернативной схеме слабые и сильные стороны, которые вместе приводят к половинчатому пониманию реформистских процессов и их результатов. Потом, на основе этого материала, мы еще раз обратимся к менеджеристской методологии и продемонстрируем, почему она обладает большим критическим потенциалом, чем иные конкурентные проекты.

Метафора «провинциализации империи»: от собирания ошибок реформаторов к популяризации нарратива

В книге профессоров, докторов философских наук Д.К. Богатырева, основателя и ректора РХГА, и И.И. Докучаева, заведующего кафедрой онтологии и теории познания Института философии СПбГУ, при помощи «философско-культурологического анализа общей ситуации» (Богатырев, 2023, 6) предпринимается попытка проанализировать и понять процесс реформирования образования в России, а также предложить соответствующие этому анализу оценки и практические советы.

Для достижения этих целей работа разделена на несколько частей. В первом разделе («Философия образования в России: есть ли выход из тупика реформ?») исследователи сравнивают реформацию образования на советском и постсоветском этапах и выявляют сущностные различия в фундаменте обоих трансформационных проектов. Во второй части книги предлагаются основания для изучения реформирования (модернизации) образовательной системы в главе «Ценностная идентичность культуры и модернизация», а в последующих рассматриваются характерные нововведения реформ (показатели эффективности, структурирование образования по лекалам болонской системы, внедрение дистанционных технологий в процесс обучения, мониторинговые инструменты оценки деятельности вузов, компетентностный подход и т.д.). В главе «Реформы и мифы, или Российское образование в поисках самоидентификации» подводятся общие итоги всего исследования, а также обозначены способы преобразования российского образования в сторону улучшения.

Мы попробуем по порядку рассмотреть основные тезисы авторов на всех трех обозначенных этапах, но для начала приведем их исходную исследовательскую предпосылку. В некотором смысле это и гипотеза Д.К. Богатырева и И.И. Докучаева, и та точка сборки, вокруг которой соединяются все остальные детали их научно-философского поиска, т.е. производится концептуализация реформ образования и связанных с ними социальных проблем. Эта главная исследовательская предпосылка вложена как в название книги ученых, так и в этот раздел рецензии: метафора «провинциализации империи». Сами авторы следующим образом расшифровывают это понятие: «Через систему образования происходит репродукция поколений. В этом плане проведенные реформы сравнивают с операцией по смене пола. Это концептуальная метафора. Суть реформ – методологическая и аксиологическая переориентация системы, которая сложилась в царской России и достигла своего расцвета в СССР. Перед нами все та же идеология чайлдфри, только не в биологическом, а в социокультурном измерении: меньше детей, способных мыслить. Смысл реформ в превращении империи в провинцию, которая обслуживает финансовую и идеологическую метрополию» (Богатырев, 2023, 8).

Не будем затрагивать выбранные исследователями художественные образы, но внимательнее приглядимся к содержанию и ценностной направленности метафоры (которая и самими авторами обозначается именно как «концептуальная метафора», т.е. теоретический фундамент для всего дальнейшего исследования). Во-первых, Д.К. Богатырев и И.И. Докучаев рассматривают образовательные системы Российской империи и Советского Союза как нечто единое, процессуально-линейное, целое. Во-вторых, вводят критическую оценку всего реформационного комплекса постсоветского образования. В-третьих, помимо оценивания, они предлагают и целевую причину для старта институциональных преобразований: «смысл реформ в превращении империи в провинцию».

Для того чтобы сохранить социологический ракурс в нашей работе, мы не будем останавливаться на первом составном элементе в концептуальной метафоре, который все-таки имеет, скорее, историческую проблематику (Шпаковская, 2009). Но внимательнее рассмотрим два оставшихся звена в этой метафорической цепи. Д.К. Богатырев и И.И. Докучаев не только заранее предпосылают оценку образовательной реформации, но и используют для ее концептуализации то, что можно охарактеризовать как конспирологический нарратив (Казун, 2022). По сюжету последнего, существует некоторая группа интересантов, продвигающая и проводящая в России реформы с целью оглупления страны и ослабления ее стратегического потенциала. Да, авторы в дальнейшем стараются «снизить градус» оговорками и при-

мечаниями, например, об (всего лишь) иных философско-идеологических нарративах новых политических элит (Богатырев, 2023, 46) или об изначально благих целях проводимых реформ (там же, 218), а также упоминают искренность заблуждений «у совсем неглупых руководителей нашего образования начала XXI века» (там же, 82). Но смысловая фундаментальность концептуальной метафоры нивелирует большинство из расставленных нюансов и сносок: «План превращения всего постсоветского образовательного пространства в глобальный колледж, обслуживающий “западную цивилизацию свободы и демократии”, пока все-таки до конца не реализовался. Но это еще не конец» (там же, 84).

Да, в свете геополитических реалий отрицать то или иное применение мягкой силы соперничающими сторонами друг против друга нельзя. Но необходимо приводить некоторые свидетельства в пользу их наличия. В противном случае размышления о проблемах российского образования в академическом дискурсе лишь воспроизведут распространенные среди определенных социальных слоев популярные нарративы, достаточно удаленные от реальных причин, процессов и состояний нашей образовательной системы. Более того, авторские тезисы о снижении качества образования и пресловутой (но оттого не менее актуальной) утечке мозгов не с необходимостью выявляют целевую направленность проведенных реформ, но вполне могут указывать на ее непредвиденные следствия. К сожалению или к счастью, и корыстные, и благие планы нельзя обезопасить по пути их исполнения от ошибок и столкновения со сложной и до конца никогда не описываемой реальностью.

Именно выяснение и объяснение неудач и коллизий в претворении реформаторских проектов в жизнь представляется нам более значимой и вероятнее ведущей к успеху исследовательской стратегией, нежели сомнительные поиски мотивов и интересов некоторых национальных или глобальных политических элит. Ведь проведение эмпирического анализа только вузовской бюрократии уже представляет собой нетривиальную задачу в настоящее время (Исследование..., 2023). В таком случае попытка интерпретировать действия некоторой абстрактной группировки среди политических элит представляется невыполнимой. Но вернемся к рассматриваемому тексту.

Несмотря на наличие, как нам представляется, существенного изъяна в концептуальной метафоре, многие из дальнейших исследовательских шагов необходимо охарактеризовать как сильные стороны книги. Например, обосновывая выбор методологических инструментов для проведения анализа образовательных реформ, авторы останавливаются на «философских (идеологических, методологических, аксиологических)» (Богатырев, 2023, 14) основаниях курса реформаторов как предмете будущего исследования. Мы, в свою очередь, также полагаем, что именно (только социологическое, не философское) изучение идеологии, концепций и ценностей, овеященных в конкретных нормативно-правовых актах, организационных практиках и структурных преобразованиях социальных институтов, позволяет произвести адекватное и совпадающее с реальностью описание (Вольчик, 2019, 16–17). Перечисленные далее системные компоненты реформ (Богатырев, 2023, 45) также вполне коррелируют с менеджеристскими инструментами – внедренными институциональными практиками, выстраиваемыми на основе количественных измерений действий агентов (Дятлов, 2023, 77). Продвигаясь далее по книге, мы согласны и с тезисом о переориентации школьного образования с процесса обучения на подготовку к ЕГЭ (Богатырев, 2023, 61), а шире – о масштабной деформации в самом институциональном ядре деятельности образовательной системы, т.е. установке достигать показатели ради самих показателей (Вольчик, 2018, 8).

Как мы старались показать выше, основная проблема проведенного авторами анализа заключается в том, что некоторые штрихи в избранной ими метафоре для концептуализации материала позволяют свести всю работу к конспирологическому нарративу. К сожалению, этому «народному веянию», по аналогии с «народной (дотеретической) наукой» (Шевченко, 2018), подвержены и некоторые другие исследователи и вместе с тем общественные деятели, регулярно обращающиеся к проблемам образования (Юлаев, 2021).

В следующем, заключительном разделе нашей работы мы попробуем продемонстрировать другую концептуализацию реформ в образовании и иных участках общественного сектора, основанную на менеджеристской идеологии. И постараемся показать, почему это методологическое решение не подвержено тому, что можно назвать «головокружением от критики», – чрезмерному настаиванию на донаучных критических позициях.

Концепция менеджеристской идеологии: от поиска принципов реформ к методологической ретроспективе

В предыдущей работе мы попытались составить карту менеджеристских исследований, или дискурса о менеджеристве, и в конечном счете у нас получилось определить эту область как «изучение преобразованных практик управления институтами внутри общественного сектора в результате процессов менеджеризации» (Казанцев, 2023а, 225). Менеджеризацию мы обозначили таким образом: «...планомерная и избранная политическими элитами стратегия по трансформации институциональной структуры производства общественного блага и доступа к нему на основе специфической управленческой идеологии, менеджериства, сформировавшейся благодаря кризису государства всеобщего благосостояния, неолиберальному политическому курсу и сдвигам в теоретическом поле социальных наук» (там же). Одно из проблемных звеньев в этой объяснительной цепи составляет, собственно, само понятие менеджериства.

Исследовательница С. Шепард обращает внимание на неуловимость определения менеджериства и расплывчатость его смысловых границ, подчеркивая широкое распространение этого концепта в научной литературе о высшем образовании. Характеристики, обычно приписываемые менеджериству, встречаются и применительно к неолиберализму. В связи с этим С. Шепард выстраивает, в соответствии с методологией Вебера, идеальный тип менеджериства, состоящий из шести нормативных постулатов управленцев, придерживающихся этой управленческой идеологии: полезность менеджмента; менеджмент есть отдельная, обособленная функция; рациональность и ценностная нейтральность менеджмента; универсальная применимость менеджмента; монопольное право менеджеров управлять; превосходство методов из частного сектора над государственными (Shepherd, 2017).

Но все эти единичные средства менеджериства необходимо подвергнуть концептуализации, поэтому остановимся на определении менеджеристской идеологии, предложенном В.В. Ковалевым и А.В. Дятловым, как основополагающем для анализа менеджеризации образования (и не только): «...идеология, используемая в целях повышения эффективности управления общественными процессами, что достигается благодаря переносу управленческих принципов, выработанных в коммерческих организациях, в область публичного управления» (Дятлов, 2021, 30). Притом ядро этой управленческой идеологии заключается в безусловном доверии количественным показателям и опоре на них, а далее следуют такие ее компоненты, как направленность на деbüroкразацию управления и применение рыночных элементов в профессиональных целях

(Ковалев, 2023, 27–28). Такая концептуализация не несет в себе следов идеологизации или политизации, а также заранее имплантированных ответов, позволяя нейтрально анализировать и выделять как успешные (Борщевский, 2018), так и спорные (Ресурсы менеджери́зма..., 2021) продукты менеджеристской реформации.

Исследователи в менеджеристском дискурсе, даже предпосылая российскому варианту менеджери́зма большую уникальность, чем его западным соседям, тем не менее учитывают планетарный масштаб менеджери́зации со всеми ее общими для разных стран следствиями (Managerialism..., 2019). Подобная черта концептуализации с помощью понятия менеджери́зма позволяет преодолеть национальную замкнутость в изучении российских реформ образования. Д.К. Богатырев и И.И. Докучаев же исследовательскую локализацию обосновывают через то, что «реформы... опираются на западный опыт, однако этот опыт представляется в мифологической обертке, то есть не в виде конкретных технологий, у которых есть авторы и площадки реализации, а в виде адаптированных к отечественным условиям лозунгов» (Богатырев, 2023, 88–89). Но такой методологический шаг, скорее, отдаляет от необходимого понимания условий и контекста российских реформ на фоне мировой реформации государств всеобщего благоденствия, а авторское примечание об адаптированности к отечественным условиям западных лозунгов как раз не соответствует проблеме: институциональные ловушки и ошибки при имплантации чужеродных социальных институтов возникают именно из-за отсутствия корректировки и адаптации последних к местным условиям, как в случае с институтом сити-менеджеров (Туркот, 2021, 238).

Использование менеджеристской методологии предполагает применение того, что можно назвать «методологической ретроспективой». Ведь используемые методы для последующей теоретизации и проведения эмпирических замеров у данного круга авторов происходят из теорий неoinституционализма (Капогузов, 2011) и общественного выбора (Капогузов, 2012), которые сами восходят к концептуальным истокам формирования менеджеристской идеологии. Это означает, что мы применяем к свершившимся реформам, ранее обоснованным реформаторами через эти методологические нарративы, меру в виде тех же самых теоретических шаблонов, как бы сопоставляя реальные результаты с декларируемыми и запланированными.

Таким образом, при сопоставлении менеджеристской концептуализации с некоторыми другими вариантами теоретизирования реформ в сферах образования, здравоохранения и т.д. она имеет достаточно сильные позиции в виде меньшей политизированности, потенциала для выхода на эмпирический уровень исследования, глобального контекста проводимого анализа, а также позволяет обернуть методологические инструменты для конструирования менеджеристского управления в обратном направлении, к критике пореформенного институционального состояния общественного сектора.

Заключение

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить и практическую, и теоретическую актуальность рассмотренной работы Д.К. Богатырева и И.И. Докучаева. С одной стороны, в настоящее время наметилась и готовность государственной власти, и настраивание гражданского общества на новые реформы в сфере образования. С другой стороны, формируется потребность в концептуализации наличных проблем управления образовательной системой и в обрамлении этой органичной концепцией всего массива институциональных проблем.

Книга исследователей во многом справляется с задачей подбора материала, но, как нам представляется в свете проведенного здесь сравнительного анализа, потен-

циал менеджеристской концептуализации пока остается более сильным и конкурентоспособным. В любом случае с авторами точно можно согласиться в том, что «необходимы концептуальные и практические разработки в области образовательной политики» (Богатырев, 2023, 224) и «пока образование не будут ценить, реформы [менеджеристские] будут продолжаться» (там же, 235).

Литература

- Абдуллин, Р. Глава РАН: качество высшего образования падает из-за проблем в школах – в них отсутствует идеология [2021]. – URL: <https://daily.afisha.ru/news/50482-glava-ran-kachestvo-vysshego-obrazovaniya-padaet-iz-za-problem-v-shkolah-v-nih-otsutstvuet-ideologiya/>.
- Байденко, В.И. Болонский процесс: современный этап / В.И. Байденко // *Высшее образование в России*. – 2015. – № 10. – С. 52–60. – EDN UXMFRR.
- Богатырев, Д.К. Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России / Д.К. Богатырев, И.И. Докучаев. – СПб.: Изд-во РХГА, 2023. – 236 с.
- Борщевский, Г.А. Повышение качества государственных услуг как приоритет реформирования / Г.А. Борщевский // *Государственная служба*. – 2018. – Т. 20, № 6. – С. 27–35. – <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-6-27-35>. – EDN ZFYIHR.
- Вольчик, В.В. Восхождение метрик / В.В. Вольчик // *Terra Economicus*. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 6–16. – <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16>. – EDN YRPNVZ.
- Вольчик, В.В. Институты и идеология менеджеризма в сфере высшего образования и науки / В.В. Вольчик, М.А. Корытцев, Е.В. Маслюкова // *Управленец*. – 2019. – Т. 10, № 6. – С. 15–27. – <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-6-2>. – EDN SCIVPE.
- Дятлов, А.В. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, Я.А. Асланов // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 23–35. – <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-23-35>. – EDN RFBUAT.
- Дятлов, А.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 70–91. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. – EDN RGIKSM.
- Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации / В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, И.Э. Надуткина, Ж.А. Шаповал // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 50–69. – <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.4>. – EDN YHIWQG.
- Казанцев, О.А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы / О.А. Казанцев // *Caucasian Science Bridge*. – 2023б. – Т. 6, № 1. – С. 96–103. – <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>. – EDN RUILOI.
- Казанцев, О.А. Картографирование менеджеризма и менеджеризация школы: от описания метода к пониманию предмета / О.А. Казанцев // *Гуманитарий Юга России*. – 2023а. – Т. 12, № 4. – С. 215–230. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.4.15>. – EDN UMUOUU.
- Казун, А.Д. Конспирологическое мышление: понятие, измерение и факторы / А.Д. Казун // *Экономическая социология*. – 2022. – Т. 23, № 2. – С. 91–117. – <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117>. – EDN YINBGD.
- Капогузов, Е.А. Вклад новой институциональной экономической теории в реформирование общественного сектора / Е.А. Капогузов // *Журнал институциональных исследований*. – 2011. – Т. 3, № 4. – С. 6–17. – EDN OODDHN.
- Капогузов, Е.А. Теория общественного выбора как теоретический фундамент реформ государственного управления / Е.А. Капогузов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 21–30. – EDN PAUCGB.
- Кирия, И.В. Российская реформа образования в культуре популизма российской медиасреды / И.В. Кирия // *Вопросы образования*. – 2020. – № 4. – С. 288–311. – <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-288-311>. – EDN FKHNKB.
- Ковалев, В.В. Идеология менеджеризма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Вестник университета*. – 2023. – № 7. – С. 24–32. – <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32>. – EDN XGDYIY.
- Курбатова, М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия / М.В. Курбатова // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2016. – Т. 25, № 4. – С. 59–86. – EDN WTIEHN.

Понятие «образовательная услуга» уберут из закона «Об образовании в РФ» [2022]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/54762/>.

Ресурсы менеджериализма для обеспечения эффективности муниципального управления (по оценкам экспертов Южного федерального округа) / А.В. Дятлов, Т.В. Игнатова, В.В. Ковалев, Т.П. Черкасова // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2021. – № 4. – С. 11–17. – <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17>. – EDN WGFNCD.

Родительская конференция в поиске выхода из кризиса школьного образования [2021]. – URL: <https://regnum.ru/news/3272795>.

Туркот, Ю.В. Потребители муниципальных услуг ЮФО об эффективности менеджеристской модели управления / Ю.В. Туркот, А.Б. Понамарев // *Гуманитарий Юга России*. – 2021. – Т. 10, № 5. – С. 230–239. – <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.16>. – EDN LJQCJR.

Шевченко, С.Ю. Народная наука: отличимы ли люди от бактерий? / С.Ю. Шевченко // *Эпистемология и философия науки*. – 2018. – Т. 55, № 1. – С. 171–183. – <https://doi.org/10.5840/eps201855115>. – EDN YUCEIA.

Шпаковская, Л.Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба / Л.Л. Шпаковская // *Журнал исследований социальной политики*. – 2009. – Т. 7, № 1. – С. 39–64. – EDN JWLVLZ.

Юлаев, А. Массовое образование в РФ мертво: интервью с Алексеем Савватеевым у трупа русской средней школы [2021] / А. Юлаев. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/528828>.

Managerialism in UK schools erodes teachers' mental health and well-being [2019]. – URL: <https://www.openaccessgovernment.org/managerialism-teachers-mental-health/57088/>.

Shepherd, S. Managerialism: an ideal type / S. Shepherd // *Studies in Higher Education*. – 2017. – Vol. 43, № 9. – P. 1668–1678.

References

Abdullin R. The head of the Russian Academy of Sciences: the quality of higher education is falling due to problems in schools – they lack ideology [2021]. Available at: <https://daily.afisha.ru/news/50482-glava-ran-kachestvo-vysshego-obrazovaniya-padaet-izza-problem-v-shkolah-v-nih-otsutstvuet-ideologiya/>. (In Russ.)

Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Nadutkina I.E., Shapoval J.A. Research or investigation: perspectives on the sociology of higher education in the context of bureaucratization and commercialization. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14(2):50–69. (In Russ.)

Baydenko V.I. The Bologna process: a modern stage. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2015; 10:52–60. EDN UXMFRR. (In Russ.)

Bogatyrev D.K., Dokuchaev I.I. The provincialization of the empire. Essays on the history of education in post-Soviet Russia. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy; 2023. 236 p. (In Russ.)

Borshchevsky G.A. Improving the quality of public services as a reform priority. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*. 2018; 20(6):27–35. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-6-27-35>. EDN ZFYIHR. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. The effectiveness of higher education managing in Russia through the practice of using managerialism tools. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14(2):70–91. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.2.3>. EDN RGIKSM. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Aslanov Y.M. A methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series Socio-Economic Sciences*. 2021; 4:23–35. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-23-35>. EDN RFBUAT. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Ignatova T.V., Kovalev V.V., Cherkasova T.P. Managerialism resources to ensure the effectiveness of municipal management (according to experts of the Southern Federal District). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Administration. Scientific Notes*. 2021; 4:11–17. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-11-17>. EDN WGFNCD. (In Russ.)

Kapoguzov E.A. The contribution of the new institutional economic theory to the reform of the public sector. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*. 2011; 3(4):6–17. EDN OODDHN. (In Russ.)

Kapoguzov E.A. The theory of public choice as a theoretical foundation for public administration reforms. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State University*. 2012; 12(2): 21–30. EDN PAUCGB. (In Russ.)

Kazantsev O.A. “Managerization” of general education: towards a problem statement. *Caucasian Scientific Bridge*. 2023a; 6(1):96–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.1.9>. EDN RUILOI. (In Russ.)

Kazantsev O.A. Mapping managerialism and school managerization: from description method to understanding the subject. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023b; 12(4):215–230. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.4.15>. EDN UMUOUU. (In Russ.)

- Kazun A.D. Conspiracy thinking: concept, measurement and factors. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*. 2022; 23(2):91–117. [https://doi.org/ 10.17323/1726-3247-2022-2-91-117](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-2-91-117). EDN YINBGD. (In Russ.)
- Kiria I.V. The Russian education reform in the culture of populism of the Russian media environment. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. 2020; 4:288–311. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-288-311>. EDN FKHHKB. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik Universiteta = Bulletin of the University*. 2023; 7:24–32. [https://doi.org/ 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32). EDN XGDYIY. (In Russ.)
- Kurbatova M.V. Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: content and consequences. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2016; 25(4):59–86. EDN WTIEXN. (In Russ.)
- Managerialism in British schools undermines the mental health and well-being of teachers [2019]. Available at: <https://www.openaccessgovernment.org/managerialism-teachers-mental-health/57088/>.
- Parents' conference in search of a way out of the crisis of school education [2021]. Available at: <https://regnum.ru/news/3272795>. (In Russ.)
- Shepard S. Managerialism: the ideal type. *Research in Higher Education*. 2017; 43(9):1668–1678.
- Shevchenko S.Yu. Folk science: are humans distinguishable from bacteria? *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science*. 2018; 55(1):171–183. [https://doi.org/ 10.5840/eps201855115](https://doi.org/10.5840/eps201855115). EDN YUCEIA. (In Russ.)
- Shpakovskaya L.L. Soviet educational policy: social engineering and class struggle. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Research*. 2009; 7(1):39–64. EDN JWLVLZ. (In Russ.)
- The concept of “educational service” will be removed from the law “On Education in the Russian Federation” [2022]. Available at: <http://duma.gov.ru/news/54762/>. (In Russ.)
- Turkot Yu.V., Ponamarev A.B. Municipal services consumers of the Southern Federal District on the efficiency of the managerialism administration model. *Gumanitarniy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2021; 12(5):230–239. [https://doi.org/ 10.18522/2227-8656.2021.5.16](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.5.16). EDN LJQCJR. (In Russ.)
- Volchik V.V. The ascent of metrics. *Terra Economicus*. 2018; 16(4):6–16. [https://doi.org/ 10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16](https://doi.org/10.23683/2073-6606-2018-16-4-6-16). EDN YRPNVZ. (In Russ.)
- Volchik V.V., Koryttsev M.A., Maslyukova E.V. Institutes and ideology of managerialism in the field of higher education and science. *Upravlenets = The Manager*. 2019; 10(6):15–27. [https://doi.org/ 10.29141/2218-5003-2019-10-6-2](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-6-2). EDN SCIVPE. (In Russ.)
- Yulaev A. Mass education in the Russian Federation is dead: an interview with Alexei Savvateev at the body of a Russian secondary school [2021]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/528828>. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 16.02.2024

Дата окончания рецензирования: 23.03.2024

Дата принятия к публикации: 05.04.2024

Информация об авторе

Казанцев Осип Андреевич – аспирант, ассистент Института социологии и регионоведения, преподаватель Лицея Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: okazancev@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Kazantsev Osip Andreyevich – postgraduate student, assistant of the Institute of Sociology and Regional Studies, teacher at the Lyceum of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: okazancev@sfedu.ru

The author has no conflict of interests to declare

Информация для авторов

Редакция принимает научные материалы по следующим научным специальностям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.4.6. Социология культуры (социологические науки);

5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте о политике журнала, в частности:

- публикационная этика;
- процесс рецензирования;
- обязанности и ответственность авторов.

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 31.07.2024)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью).

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Контактный мобильный телефон (для ответственного автора).

Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя).

Номер идентификатора ORCID.

Идентификаторы (при наличии) Web of Science Researcher ID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках в соответствии с уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» сведений об образовательной организации на сайте учебного заведения).

Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны).

Рабочий телефон (с кодом города).

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке (Anna V. Ivanova). Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность.

E-mail.

Телефон.

Аффилиация на английском языке.

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а. л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе «Антиплагиат» на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.

- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.

- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.

- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем ваше внимание: аннотация является источником информации обо всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5–10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать двух.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования желательно представлять в том числе с помощью *таблиц и рисунков* (весь иллюстративный материал: схемы, диаграммы, фотографии и т.д. – обозначаются словом «рисунок»).

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название полужирным шрифтом. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное *требование к подписям рисунков* – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка – Рисунок 1. Далее следует название. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например: (Иванов, 2015, 74–75) или (Smith, 2019, 7–8).

Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации: По мнению Иванова (2019), ...

Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например: (Михайлов А. П., 2015; Михайлов И. М., 2019).

Если авторов четыре и более, источник в ссылке, как и в списке литературы, описывается по названию: (Молодая семья в России..., 2020).

Если цитируется несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации, то после года добавляются буквы *a, b, c* (*a, b, c*), выделенные курсивом. Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов, 2018*a*; Smith, 2019*b*).

Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство), название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010).

Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Если необходимо включить в одну ссылку несколько источников, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу), через точку с запятой: (Иванов, 2022; Петров, 2014; Levitas, 2021; Smith, 2020).

Если дата публикации неизвестна, вставляйте в скобки «н.д.» («n.d.»).

Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово: От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея), 1 Cor. 13:1 (King James Version).

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, том и номер (для журнального источника), интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, URL электронного источника, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. *На все источники в тексте должны быть даны ссылки.*

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше пяти лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES).

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском языке или на языках, использующих латиницу). Если источники опубликованы на языках, использующих иероглифы, арабское письмо и т.п., допустимо их приведение на русском языке с указанием языка оригинала в конце: (На кит. яз.).

REFERENCES – список источников на английском языке, расположенных по алфавиту. *Важно:* все источники в списке должны быть переведены на английский язык, даже те, которые не используют латинскую графику (на французском, немецком языке и т.п.), с указанием в конце языка оригинала: (In French), (In German).

Общие правила формирования библиографического списка

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

Оформление библиографических описаний производится в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018.

Для источников, имеющих DOI, он должен быть указан в обязательном порядке в конце библиографической записи, для публикаций вышедших в свет с 2022 г. также обязательно указание EDN.

Для сетевых изданий, имеющих DOI, указывать сетевой адрес (URL) и дату доступа нет необходимости.

References представляет собой повторение библиографического списка, однако оформленное иным образом, в соответствии с приведенными ниже образцами.

В случае, если библиографический список состоит только из англоязычных изданий, отдельный список *References* не требуется.

В *References* для изданий на русском языке приводятся опубликованные англоязычные версии названия (большинство российских научных изданий начиная с 2010 г. имеют таковые).

После библиографического описания в круглых скобках указывается язык публикации (In Russ.).

В случае отсутствия оригинальной англоязычной версии названия перевод делается автором самостоятельно. Только в этом случае в *References* необходимо привести также оригинальное название, транслитерированное латиницей по стандарту BGN (можно прибегать к любым программам транслитерации, использующим данный стандарт).

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

Книги, статьи

Один-три автора:

Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – М.: АСТ, 2023. – 416 с.

Дятлов, А. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 66–77. – <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. – EDN ULZWNA.

Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – EDN XHISRB.

Четыре автора:

Молодая семья в России в условиях демографического кризиса / А.В. Верещагина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин, Л.И. Щербакова. – М.: Русайнс, 2016. – 128 с. – EDN XDUGKH.

Пять авторов и более:

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Куб. гос. ун-т, 2015. – 260 с. – EDN UNTSCH.

Электронный ресурс

Оскар Нимейер in memoriam. Блог О. Н. Яницкого // Официальный портал Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html.

Диссертация и автореферат диссертации

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис. ... канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 170 с. – EDN NDPSLE.

Беспалова, А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Беспалова Анна Александровна. – Ростов н/Д, 2016. – 22 с. – EDN ZQHBVB.

Издание под общей редакцией

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семёнова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.

Статья в сборнике трудов конференции

Верещагина, А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России / А.В. Верещагина // *Молодежь XXI века: образ будущего: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2019 г.) / отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С. 513–514. – EDN GAMLVA.

Оформление литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Reference оформляется согласно **Vancouver Style**.

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов.

Пример оформления списка – REFERENCES

Книги, статьи

Vereshchagina A.V. A young family in Russia in the context of the demographic crisis. Moscow: *RUSAINS = RUSAINS*; 2016. 128 p. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2021; 3:66–77. <https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8>. (In Russ.)

Al-Sharfi, Pfeffer M., Kirsty K. The effects of polygamy on children and adolescents: A systematic review. *Journal of Family Studies*. 2016; 22(3):272–286. <https://doi.org/10.1080/13229400.2015.1086405>.

Электронный ресурс

Oskar Niemeyer in memoriam. Official portal of the Institute of Sociology of FCTAS RAS. Accessed 12.10.2020. Available at: https://www.isras.ru/blog_yan_48.html (in Russ.).

Диссертация, автореферат диссертации

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city: creative design practices: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 170 p.

Bespalova A.A. Recreational space of a large Russian city creative design practices: abstract of dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Rostov-on-Don; 2016. 22 p.

Издание под общей редакцией

Social mobility in complicating society: Objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow: FCTAS RAS; 2019. 512 p. (in Russ.).

Статья в сборнике трудов конференции

Vereshchagina A.V. Archaic, traditional and modern in the space of family and marital values and attitudes of youth in the South of Russia. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem = Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference*. St. Petersburg: Scythia-print; 2019. P. 513–514. (In Russ.)

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов¹,

¹Университет, город, страна, e-mail

Петр П. Петров²

² Институт, город, страна, e-mail

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Использованы такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов).

Авторский вклад (вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи).

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала и направляют ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую по отношению к теме статьи научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору неизвестен рецензент, рецензенту неизвестен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т.д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристика. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением с его стороны принятия почтовых и организационных расходов на свой счет по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.